IVANGOE, ILI VOZVRASČENIE IZ" KRESTOVYH" POHODOV". SOČINENIE...

Walter Scott

ИВАНГОЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИВАНГОЕ,

или

ВОЗВРАЩЕНІЕ

изъ

КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

Сочиненіе

Вальтера Скотта.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи А. Смирдина.

1826.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ, 27 Августа 1824.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

ИВАНГОЕ

или

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

Глава I.

Съ самаго разсвѣта ясное небо предвозвѣщало прекрасный день. Съ восхожденіемъ солнца народъ уже стремился со всѣхъ сторонъ на турниръ: всякой желалъ не опоздать, чтобъ занять лучшее мѣсто.

Не замедлили явиться и Маршалы турнира, въ сопровожденіи Герольдовъ, для внесенія въ роспись именъ Рыцарей, предполагавшихъ сражаться, и для уравненія противныхъ сторонъ.

Начальство надъ одною стороною, по обыкновенію, предоставлено было Рыцарю *лишенному наслѣдства*, какъ по-

бѣдителю въ предшествовавшій день; надъ другою же Бріану Буа-Гильберту, какъ отличнѣйшему послѣ него. Подъ начальство Бріана записались Рыцари, бывшіе съ нимъ *принимающими вызовъ*, изключая одного Ральфа Випонтскаго, который еще не былъ въ состояніи надѣть латы.

Вообще явилось много Рыцарей, горѣвшихъ желаніемъ сражаться подъ начальствомъ того, или другаго предводителя. Общее сраженіе всегда предпочиталось единоборству, хотя и было несравненно опаснѣе онаго. Многіе, несовершенно полагаясь на свое искусство и силу, не рѣшались вступать въ бой съ извѣстными Рыцарями, и предпочитали общее сраженіе, надѣясь въ ономъ встрѣтить не столь опасныхъ сопротивниковъ.

Имена пятидесяти Рыцарей уже были вписаны въ роспись, и Маршалы, къ сожалѣнію прочихъ, желавшихъ участвовать въ сраженіи, объявили, что болѣе этаго количества вписано быть не можетъ. Къ десяти часамъ вся равнина покрылась идущими и ѣдущими на турниръ, и въ скоромъ времени звукъ трубъ возвѣстилъ о прибытіи Принца Іоанна. Онъ явился, окруженный большею частію

Рыцарей, долженствовавшихъ участвовать въ сраженіи.

Въ одно время съ Принцемъ пріѣхали Цедрикъ и Лади Ровена. Ательстана съ ними не было; онъ, одѣвшись въ тяжелую броню, располагался участвовать въ сраженіи и, къ великому удивленію Цедрика, записался подъ начальство Бріана. Цедрикъ съ жаромъ доказывалъ ему неприличіе сего, но тщетно. Ательстанъ отвѣчалъ на его убѣжденія, какъ человѣкъ, который изъ упрямства не хочетъ согласиться, хотя и не находитъ ничего сказать въ свое оправданіе.

Между тѣмъ онъ имѣлъ причину быть на сторонѣ Бріана, но былъ столько благоразуменъ, что не открывалъ оной. Онъ, при всей медлительности своего характера, препятствовавшей ему успѣвать въ снисканіи благорасположенія Лади Ровены, не былъ совершенно равнодушнымъ къ ея прелестямъ и почиталъ союзъ свой съ нею непремѣннымъ, потому что Цедрикъ и прочіе его друзья, имѣвшіе на нее вліяніе, были на то согласны. Увидѣвъ въ предшествовавшій день, что побѣдитель, пользуясь преимуществомъ, доставляемымъ ему побѣдою, провозгласилъ Лади Ровену *Царицею Красоты и Любви*, онъ едва могъ

удержать себя отъ изъявленія неудовольствія, которое, соединяясь съ надеждою его на свою ужасную силу и съ увѣреніями его пріятелей, что отъ него зависила судьба побѣды, рѣшило его, не только не быть помощникомъ Рыцарю *лишенному наслѣдства*, но даже, ежели случай представится, дать ему почувствовать всю тяжесть своего бердыша.

Маврикій Брасси и прочіе Рыцари, составлявшіе свиту Принца, по приказанію его, стали на сторонѣ Бріана. Іоаннъ желалъ, чтобъ Бріанъ остался побѣдителемъ.

Принцъ, увидѣвъ пріѣхавшую *Царицу Праздника*, немедленно поскакалъ къ ней на встрѣчу и принялъ ее съ особенною вѣжливостію, которую умѣлъ оказывать, когда желалъ. Онъ сошелъ съ лошади и, снявъ съ себя богатую шапку, подошелъ къ Лади Ровенѣ, и подалъ ей руку, когда она сходила съ своего коня. Въ это время поводъ ея коня держалъ одинъ изъ знатнѣйшихъ придворныхъ Принца, прочіе же, окружающіе его, всѣ изъявляли ей почтеніе.

„Мы первые — сказалъ Принцъ — подадимъ примѣръ уваженія, которымъ всякой обязанъ *Царицѣ Красоты и Любви*,

и поспѣшимъ возвести ее на тронъ. А вы, милостивыя государыни! — прибавилъ онъ, оборотясь къ дамамъ — послѣдуйте за вашею *Царицею* и оказывайте ей принадлежащее ея званію уваженіе, которое, безъ сомнѣнія, нѣкогда и вамъ будетъ оказано."

Принцъ, говоря это, подвелъ Лади Ровену, въ сопровожденіи прекраснѣйшихъ и знатнѣйшихъ дамъ, къ назначенному для нее, противъ его трона, почетному мѣсту.

Едва Лади Ровена возсѣла на оное, раздались въ воздухѣ звуки трубъ и восклицанія народа. Солнце тогда было въ полномъ сіяніи и лучи его отражались отъ вооруженія Рыцарей, которые, на обоихъ концахъ поприща, окружая своихъ начальниковъ, совѣщались о порядкѣ сраженія. Герольды провозгласили правила турнира, имѣвшія предметомъ уменьшеніе, сколь возможно, опасности во время сраженія, тѣмъ болѣе нужныя, что предполагалось сражаться короткими мечами и острыми копьями. Правила сіи заключались въ слѣдующемъ:

„Рыцарь, по произволенію, можетъ употреблять палицу и бердышъ, но употребленіе кинжаловъ рѣшительно возпрещается. Рыцарь, вышибенный изъ

сѣдла, можетъ возобновить сраженіе пѣшій съ такимъ же сопротивникомъ, но уже ни одинъ конный Рыцарь не имѣетъ права на него нападать. Рыцарь, тѣснимый своимъ сопротивникомъ до края поприща и коснувшійся до палисада, признается побѣжденнымъ; онъ уже болѣе не имѣетъ права участвовать въ сраженіи, и его вооруженіе и конь принадлежатъ побѣдителю. Рыцарь, поверженный на землю и неимѣющій силъ встать, уносится своимъ оруженосцемъ и пажемъ съ поприща, признается, равнымъ образомъ, побѣжденнымъ и лишается своего вооруженія и коня. Сраженіе прекращается, когда Принцъ Іоаннъ броситъ на поприще свой жезлъ. Эта предосторожность признавалась нужною для недопущенія большаго кровопролитія, въ случаѣ совершеннаго побѣжденія одной стороны. Рыцарь, нарушившій правила турнира, или несоблюдшій законовъ Рыцарства, лишается своего оружія и, въ наказаніе, обязывается сидѣть предъ всѣми зрителями на перекладинѣ палисада въ продолженіи всего турнира.“

Герольды, провозгласивъ сіи правила, окончили воззваніемъ ко всѣмъ Рыцарямъ о исполненіи ихъ обязанностей и

о старанiи заслужить благоволенiе *Царицы Красоты и Любви.*

Послѣ сего, Герольды заняли свои мѣста, Рыцари поѣхали шагомъ съ обоихъ концовъ поприща насредину, и, остановившись одни передъ другими въ нѣкоторомъ разстоянiи, выстроились, каждая сторона, въ двѣ линiи; потомъ, предводительствующiе ими осмотрѣли ихъ и стали посрединѣ первыхъ линiй. Толикое количество, сидящихъ на красивыхъ коняхъ, храбрыхъ Рыцарей, одѣтыхъ въ богатую и блистающую броню, пребывающихъ неподвижными, подобно металлическимъ изваянiямъ, готовыхъ на опасную и нерѣдко смертельную битву, и ожидающихъ съ нетерпѣнiемъ знака къ вступленiю въ оную, представляло величественную и ужасную картину. Всѣ Рыцари держали копья острымъ концемъ къ верху, солнце отражалось отъ острiя ихъ копiй, и бандероли развѣвались надъ перьями, украшавшими ихъ шлемы. Они оставались въ этомъ положенiи до того времени, какъ Маршалы турнира, осмотрѣвъ съ большимъ вниманiемъ ряды и удостовѣрившись въ равенствѣ обѣихъ сторонъ, съѣхали съ поприща и подали знакъ къ сраженiю, закричавъ громкимъ

голосомъ: „*Начинайте!*“ Немедленно заиграли трубы, Рыцари устремили копья другъ противъ друга; объ стороны возколебались; первыя линіи, съ быстротою молніи, ринулись одна на другую, и, встрѣтясь насрединѣ поприща, такъ сильно ударились, что звукъ отъ ихъ оружія раздался далѣе мили въ окружности.

Сначала зрители ничего не могли разсмотрѣть: тучи пыли поднялись отъ конскихъ копытъ и воздухъ помрачился; потомъ, когда, чрезъ нѣсколько минутъ, пыль разсѣялась, увидѣли, что на каждой сторонѣ нѣсколько Рыцарей было сшибено съ коней: иные лежали, распростертые по землѣ, въ такомъ положеніи, что сомнительно было, чтобъ они могли встать; другіе, вставши, бились уже вновь пѣшіе съ своими сопротивниками, находившимися въ такомъ же положеніи; между тѣмъ, двое, или трое, тяжело раненые, останавливали шарфами текущую кровь и дѣлали усилія, чтобъ удалиться отъ мѣста сраженія; Рыцари же, усидѣвшіе на коняхъ, почти всѣ изломавшіе свои копья, обнажили мечи и, съ крикомъ, отчаянно нападали одни на другихъ, какъ въ настоящемъ сраженіи. Наконецъ битва

еще болѣе усилилась, когда вторыя линіи, бывшія въ резервѣ, присоединились къ первымъ, для подкрѣпленія оныхъ.

На сторонѣ Бріана кричали: „*Бозеанъ! Бозеанъ* (*)!" а на противной сторонѣ восклицали „Desdichado! Desdichado!" повторяя девизъ своего начальника.

Обѣ стороны съ одинаковымъ отчаяніемъ устремлялись одна на другую; побѣда оставалась нерѣшеною; громъ оружія и крики сражающихся, смѣшиваясь съ звукомъ трубъ, заглушали стенаніе пораженныхъ, разбросанныхъ по землѣ и попираемыхъ скачущими конями; блистающіе доспѣхи Рыцарей, покрытые пылію и обагренные кровію, разлетались въ дребезги отъ повторяемыхъ ударовъ бердышей; бѣлыя перья, украшавшія ихъ шлемы, летали въ воздухѣ, подобно носимому вѣтромъ снѣгу. Весь блескъ и вся красота исчезли, все получило видъ, внушающій ужасъ и сожалѣніе.

Между тѣмъ, (такова сила привычки), не только простой народъ, любящій обыкновенно жестокія зрѣлища, но даже знатныя дамы, находившіяся въ галлереяхъ, смотрѣли на сраженіе, ежели не

(*) Наименованіе знамени Храмовыхъ Рыцарей.

безъ сострадания, покрайней мѣрѣ не отвращая глазъ отъ столь ужаснаго позорища. И хотя иногда замѣчалась блѣдность на ихъ лицахъ и даже слышались вырывающіяся стенанія, когда ихъ обожатель, братъ, или супругъ былъ раненъ, или повергался на землю; но вообще всѣ онѣ ободряли сражающихся, не только рукоплесканіемъ, но и восклицаніями „*браво!*" когда кто изъ Рыцарей отличался искусствомъ, или отважностію.

Ежели и прекрасный полъ принималъ такое участіе въ сихъ кровопролитныхъ забавахъ, то легко себѣ представить, что́ чувствовали мужчины. Ихъ громкія восклицанія раздавались при каждомъ успѣхѣ той или другой стороны, и ихъ взоры съ такимъ вниманіемъ устремлены были на дѣйствія Рыцарей, что казалось, будто всѣ удары обращались къ нимъ самимъ.

При каждой остановкѣ, Герольды повторяли: „*Не робѣйте, храбрые Рыцари! Человѣкъ смертенъ, но слава вѣчна; не робѣйте! лучше умереть, нежели быть побѣжденнымъ. Не робѣйте, храбрые Рыцари! вы сражаетесь при глазахъ красоты.*"

Главное вниманіе зрителей обращено было на начальствующихъ Рыцарей, которые, являясь вездѣ, гдѣ было болѣе опасности, ободряли словами и собственнымъ примѣромъ своихъ товарищей, оказывали вообще величайшую храбрость и не оставили почти ни одного сподвижника противной стороны, съ которымъ бы не сразились. Они, питая взаимную вражду и знавъ, что побѣда надъ начальствующимъ Рыцаремъ рѣшитъ судьбу сраженія, многократно старались встрѣтиться и вступить въ бой между собою, но долго усилія ихъ оставались тщетными: всегда имъ препятствовали въ томъ другіе Рыцари, горѣвшіе желаніемъ испытать силы свои противъ начальника противной стороны.

Когда же нѣкоторые изъ сподвижниковъ уже должны были сознать себя побѣжденными и удалиться къ концу поприща, другіе же, бывши ранеными, уже пришли въ несостояніе продолжать сраженіе, и когда отъ того число сражающихся уже очень уменьшилось, Рыцари Бріанъ и *лишенный наслѣдства* встрѣтились и устремились другъ на друга со всѣмъ отчаяніемъ, какое смертельная вражда, соединенная съ жаждою славы, удобны произвести. Они оба по-

казывали столько искусства въ нападеніи и въ защищеніи себя, что исторгаемыя у зрителей единогласныя восклицанія, означающія ихъ восторгъ и удивленіе, наполняли воздухъ.

Въ это время Регинальдъ Фрондбефъ и Ателстанъ поражали бывшихъ подъ начальствомъ Рыцаря *лишеннаго наслѣдства;* наконецъ, низложивъ ихъ, вознамѣрились довершить побѣду своей стороны надъ противною, соединившись съ Бріаномъ, для пораженія его соперника, и немедленно на него устремились. Рыцарю *лишенному наслѣдства* не было бы возможности устоять противъ столь неравнаго и неожиданнаго нападенія, ежели бы объ ономъ не предварилъ его голосъ зрителей, которые не могли себѣ воспрепятствовать въ принятіи участія въ Рыцарѣ, подвергающемся внезапному нападенію трехъ сопротивниковъ.

Рыцарь *лишенный наслѣдства* немедленно увидѣлъ опасность, ему угрожающую и, нанеся сильный ударъ Бріану, подвинулся назадъ, чтобъ устранить себя отъ Ателстана и Фрондбефа, устремившихся на него съ разныхъ сторонъ, съ такою силою, что кони ихъ, противъ воли своихъ всадниковъ,

проскакали между его и Бріана. Наконецъ, Норманецъ и Саксонецъ, соединясь съ Бріаномъ, напали на него и побѣдили бы, ежели бы конь, полученный имъ за побѣду въ предшествовавшій день, былъ менѣе силенъ и быстръ. Въ это время конь Бріановъ былъ уже раненъ, а кони, Ательстановъ и Фрондбефовъ, начинали уже уставать подъ тяжестью своихъ всадниковъ и своего убора. Рыцарь *лишенный наслѣдства* умѣлъ этимъ воспользоваться. Онъ съ такимъ искусствомъ управлялъ своимъ конемъ, что нѣкоторое время держалъ своихъ сопротивниковъ въ оборонительномъ положеніи, раздѣлялъ ихъ, устремлялся то на того, то на другаго, наносилъ имъ удары мечемъ и уклонялся отъ ихъ ударовъ. Все поприще оглашалось рукоплесканіями зрителей, видѣвшихъ его искусство и неустрашимость; но, при всемъ томъ, казалось, что наконецъ онъ долженъ былъ пасть подъ ударами своихъ сопротивниковъ, и окружающіе Принца Іоанна единогласно убѣждали его бросить на поприще свой жезлъ и тѣмъ предупредить пораженіе столь храбраго Рыцаря.

„Нѣтъ. — отвѣчалъ Принцъ — Этотъ Рыцарь, упорствующій открыть свое

имя и презирающій наше приглашеніе, уже былъ побѣдителемъ; надобно, чтобъ и онъ дозволилъ другимъ побѣждать, въ свою очередь.“

Въ то время, какъ Принцъ это говорилъ, неожиданный случай вдругъ перемѣнилъ видъ сраженія.

Въ числѣ сподвижниковъ, бывшихъ подъ начальствомъ Рыцаря *лишеннаго наслѣдства*, находился Рыцарь, одѣтый въ латы чернаго цвѣта и сидѣвшій на ворономъ конѣ. Онъ былъ большаго роста и казался сильнымъ, не имѣлъ никакого девиза на своемъ щитѣ и, до того времени, мало принималъ участія въ сраженіи; легко отражалъ наносимые ему удары, но ни на кого самъ не нападалъ; однимъ словомъ, игралъ роль болѣе зрителя, нежели участвующаго въ турнирѣ, и всѣ называли его *безпечнымъ чернымъ* Рыцаремъ.

Онъ, казалось, какъ бы вдругъ пробудился отъ сна, увидѣвъ начальника своего въ столь затруднительномъ положеніи, поскакалъ къ нему на помощь и закричалъ ужаснымъ голосомъ: „Desdichado! *вспоможеніе*.“

Въ это время помощь для Рыцаря *лишеннаго наслѣдства* была уже необходима, потому что, сражаясь съ Бріа-

номъ Буа-Гильбертомъ, онъ не могъ отражать ударовъ Регинальда Фрондбефа, который уже приблизился къ нему и уже готовъ былъ поразить его своимъ мечемъ; но *черный* Рыцарь это предупредилъ, онъ съ такою силою ударилъ Регинальда своимъ мечемъ, что мечь его разлетѣлся въ дребезги, а Регинальдъ упалъ съ коня и покатился по землѣ. Послѣ сего, *черный* Рыцарь оборотился къ Ательстану, готовившемуся поразить его бердышемъ, и, выхвативъ у него изъ рукъ бердышъ, однимъ ударомъ повергъ и его близъ Регинальда.

Подвиги *чернаго* Рыцаря были предметомъ, тѣмъ большаго удивленія, что никто ихъ отъ него не ожидалъ, и онъ, избавивъ такимъ образомъ отъ опасности Рыцаря *лишеннаго наслѣдства*, погрузился въ прежнее положеніе и отъѣхалъ къ концу поприща, оставивъ своего начальника сражаться съ Бріаномъ Буа-Гильбертомъ. Это сраженіе не было ни продолжительно, ни упорно: конь Бріановъ былъ тяжело раненъ и палъ при первомъ ударѣ. Бріанъ упавъ запутался въ стременахъ. Побѣдитель соскочилъ съ коня и, подошедъ къ нему, требовалъ, чтобъ онъ призналъ себя побѣжденнымъ; но Принцъ Іоаннъ, при-

нимая болѣе участія въ Рыцарѣ Храма, нежели въ его соперникѣ, избавилъ Бріана отъ этой непріятности, бросивъ на поприще свой повелительный жезлъ и прекративъ тѣмъ сраженіе.

По прекращеніи онаго, оруженосцы, неосмѣливавшіеся приближаться къ своимъ Рыцарямъ во время сраженія, явились на поприще для отнесенія раненыхъ въ ближніе шатры.

Такъ кончился славный турниръ въ Ашби де-ла-Зушъ, и никогда подвиги Рыцарей не были увѣнчаны бо́льшею славою: на ономъ четыре Рыцаря лишились жизни на мѣстѣ сраженія, одинъ задохся подъ тяжестію своихъ латъ, болѣе тридцати получили опасныя раны и изъ нихъ до пяти чрезъ сутки умерли. По симъ причинамъ этотъ турниръ въ древнихъ хроникахъ названъ прекраснѣйшимъ и благороднѣйшимъ.

Принцу Іоанну предлежало наименовать Рыцаря, болѣе прочихъ отличившагося своими подвигами, и онъ рѣшилъ, что эта честь должна принадлежать тому, котораго называли *безпечнымъ чернымъ* Рыцаремъ.

Какъ ни старались доказать Принцу, что, по справедливости, побѣдителемъ былъ Рыцарь *лишенный наслѣдства*, по-

тому что онъ низложилъ шесть Рыцарей и побѣдилъ самаго начальствующаго надъ противною стороною; но Іоаннъ упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи, говоря, что Рыцарь *лишенный наслѣдства* и вся его сторона были бы побѣждены безъ вспомоществованія *черного* Рыцаря, котораго и должно признать побѣдителемъ.

Имя побѣдителя немедленно было провозглашено, но къ общему удивленію *черный* Рыцарь не являлся. Онъ тотчасъ, послѣ окончанія сраженія, оставилъ поприще и нѣкоторые видѣли его удалявшагося къ лѣсу, съ тою же медленностію, съ тѣмъ же равнодушіемъ, которыя были причиною, что его назвали *безпечнымъ*.

Два раза начинали играть трубы, два раза Герольды повторяли обыкновенныя провозглашенія, но тщетно; и, за отсутствіемъ *черного* Рыцаря, слѣдовало провозгласить другаго побѣдителемъ для принятія установленныхъ почестей. Принцъ, уже не имѣя средствъ отнять права на оныя у Рыцаря *лишеннаго наслѣдства*, предоставилъ ему вѣнецъ побѣды.

Чрезъ поприще, обагренное кровію, покрытое обломками доспѣховъ и тру-

пами лошадей, Маршалы турнира подвели побѣдителя къ подножію трона Принца Іоанна, который ему сказалъ: „Г. Рыцарь *лишенный наслѣдства*, какъ вы себя называете! Мы вамъ присуждаемъ вторично титулъ побѣдителя на турнирѣ и объявляемъ, что вы имѣете право требовать и получить изъ рукъ *Царицы Красоты и Любви* вѣнецъ славы, котораго вы сдѣлались достойнымъ своею храбростію.“

Рыцарь почтительно поклонился, не сказавъ ни слова.

Между тѣмъ, какъ Герольды кричали во всѣхъ концахъ поприща: „*Честь храброму, слава побѣдителю*!“ какъ дамы махали своими шелковыми платками, какъ народъ наполнялъ воздухъ громкими восклицаніями, Маршалы, при звукѣ трубъ, вели чрезъ поприще Рыцаря *лишеннаго наслѣдства* къ подножію почетнаго трона, занимаемаго Лади Ровеною. Они сами поставили его на колѣно на послѣдней ступени трона, потому что всѣми его дѣйствіями и движеніями, со времени окончанія сраженія, совершенно управляли окружающіе его, и замѣтно было, что онъ шатался, переходя второй разъ чрезъ поприще. Лади Ровена, вставъ съ своего трона съ пріятностію и вели-

чіемъ, уже готовилась возложить вѣнецъ на шлемъ побѣдителя; но Маршалы единогласно сказали: „Остановитесь, надобно чтобъ онъ прежде открылъ голову.“ Рыцарь что-то отвѣчалъ имъ слабымъ голосомъ, казалось, изъявляя желаніе не снимать шлема, но, по уваженію ли къ принятому обычаю, или изъ любопытства, Маршалы не обратили вниманія на его просьбу, шлемъ былъ снятъ, и увидѣли молодаго человѣка лѣтъ двадцати пяти, котораго прекрасное, но загорѣвшее отъ солнца лице покрыто было смертною блѣдностію и обагрено кровію.

Лади Ровена, увидѣвъ его, вскрикнула и затрепетала отъ внезапнаго внутренняго волненія, но, вспомнивъ обязанности своего званія, овладѣла собою и возложила вѣнецъ на главу побѣдителя, сказавъ яснымъ и внятнымъ голосомъ: „Я возлагаю на тебя, благородный Рыцарь, сей вѣнецъ: онъ есть награда оказанной тобою сего дня храбрости.“ Сказавъ это, она нѣсколько пріостановилась, потомъ прибавила твердымъ голосомъ: „Никогда рыцарскій побѣдный вѣнецъ не украшалъ главы, болѣе достойной носить его.“

Рыцарь поклонился, поцѣловавъ руку у юной *Царицы*, потомъ, наклонившись,

упалъ къ ея ногамъ, какъ лишенный чувствъ.

Всѣ были поражены этимъ случаемъ. Цедрикъ, который сначала какъ бы окаменѣлъ, увидѣвъ въ немъ своего изгнаннаго сына; наконецъ устремился было къ нему, чтобъ взять его отъ Лади Ровены, но Маршалы въ томъ его предупредили; они догадались, что было причиною слабости Ивангое, и, снявъ съ него поспѣшно латы, увидѣли, что копье пробило оныя и сдѣлало ему на боку глубокую рану.

Глава II.

Имя Ивангое немедленно повторилось всѣми и дошло до Принца, который услышалъ его съ неудовольствіемъ, но усиливался скрыть свою досаду и, посмотрѣвъ вокругъ себя, сказалъ: „Что вы думаете, господа, о мнѣніи древнихъ въ разсужденіи чувствъ привязанности и отвращенія? Предчувствіе увѣдомляло меня, что близъ меня находился любимецъ брата моего.“

„Регинальдъ Фрондбефъ долженъ будетъ отдать Ивангое свое владѣніе.“ Сказалъ Браси, который, оставивъ съ честію поприще, снявъ шлемъ и положивъ щитъ, соединился съ окружающими Принца.

„Да, — сказалъ Вальдемаръ — вѣроятно, что юный побѣдитель будетъ требовать за̀мка и владѣній, данныхъ ему Ричардомъ, которые Ваше Высочество, по щедрости своей, послѣ изволили отдать Регинальду Фрондбефу.“

„Ригинальдъ — ска̀залъ Принцъ — изъ тѣхъ людей, которые нелегко отдаютъ и отнятое; у него трудно взять то, что̀ ему принадлежитъ законнымъ образомъ, и я увѣренъ, господа! что никто изъ васъ не будетъ оспоривать правъ

моихъ на пожалованіе за вѣрную службу принадлежащаго казнѣ имѣнія окружающимъ меня людямъ, которые, по обязанности и по усердію своему, всегда готовы замѣнять отсутствующихъ, оставляющихъ свое отечество, отправляющихъ сражаться подъ чуждымъ небомъ и неимѣющихъ возможности помогать отечеству въ случаѣ надобности?"

Слушающіе принимали слишкомъ большое участіе въ вопросѣ Принца, чтобъ не подтвердить, что право, присвоиваемое имъ, принадлежало ему по всей справедливости. Они всѣ надѣялись получить, подобно Регинальду, обширныя владѣнія и повторили единогласно: „Великъ и милостивъ тотъ Государь, который вмѣняетъ себѣ въ обязанность награждать за вѣрную службу."

Вальдемаръ, привлеченный любопытствомъ туда, гдѣ упалъ безъ чувствъ Ивангое, возвратился въ это время и сказалъ Принцу: „Юный герой, думаю, немного обезпокоитъ Ваше Высочество и не будетъ оспоривать у Регинальда своего владѣнія, онъ опасно раненъ."

„Въ какомъ бы онъ ни находился состояніи, — отвѣчалъ Іоаннъ — онъ побѣдитель на турнирѣ, и хотя бы былъ еще болѣе нашимъ врагомъ, или дру-

гомъ нашему брату, что, можетъ быть, одно и то же, ему должно подать помощь. Мы повелимъ собственному нашему медику явиться къ нему."

Горькая улыбка изобразилась на лицѣ Принца, когда онъ это выговорилъ. Вальдемаръ поспѣшилъ сказать, что друзья Ивангое взяли уже его, и прибавилъ: „Признаюсь, что меня тронула горесть *Царицы Красоты и Любви,* которой однодневное царствованіе столь печально кончилось. Слезы женщинъ меня не растрогиваютъ, но Лади Ровена умѣла удерживать свою горесть съ такимъ величіемъ, что я не могъ себѣ воспрепятствовать, чтобъ не удивляться ея твердости. Сколько должно было ей бороться съ своими чувствами, когда она, соединивъ руки и не выронивъ ни одной слезы, смотрѣла на распростертое предъ нею бездушное тѣло."

„А кто эта Лади Ровена, объ которой мы безпрестанно слышимъ?" Сказалъ Принцъ.

„Знатная Саксонка, имѣющая большое имѣніе; — отвѣчали ему — прелестная изъ прелестныхъ, роза по красотѣ, драгоцѣнность по богатству."

„Такъ мы постараемся ее утѣшить — сказалъ Принцъ — и облагородить, вы-

давъ замужъ за Норманца. Она, думаю, не старшая въ семействѣ, слѣдовательно заботливость о ней принадлежитъ намъ. Что вы скажите, Маврикій? не вздумаете ли послѣдовать примѣру завоевателя, жениться на Саксонкѣ для пріобрѣтенія хорошаго имѣнія?"

„Ежели имѣніе будетъ мнѣ нравиться, — отвѣчалъ Маврикій — то трудно, чтобъ она мнѣ не понравилась, и это доброе дѣло подастъ Вашему Высочеству пріятный случай исполнить всѣ обѣщанія, данныя вами вашему вѣрному слугѣ и подданному."

„Мы объ этомъ подумаемъ — сказалъ Принцъ — и теперь же можемъ это начать. Скажите Сенешалю, чтобъ онъ позвалъ Лади Ровену и ее товарищей, то есть: ее угрюмаго опекуна и другаго Саксонца, того медвѣдя, котораго черный Рыцарь сбросилъ съ коня во время турнира, сдѣлать намъ честь, пріѣхать къ намъ на праздникъ. Де-Риго! — прибавилъ онъ, оборотясь къ Сенешалю — постарайся сдѣлать приглашеніе съ такою вѣжливостію, чтобъ гордость этихъ надменныхъ Саксонцевъ была удовлетворена и чтобъ они не могли намъ опять отказать, хотя, по чести, они этаго не стоятъ."

Іоаннъ, послѣ сего, хотѣлъ дать знакъ къ разъѣзду, но въ это самое время одинъ изъ его свиты подалъ ему письмо.

„Отъ кого?" Спросилъ Іоаннъ.

„Не знаю, Государь! — отвѣчалъ подавшій оное — но кажется, что изъ-за границы. Его привезъ Французъ, ѣхавшій день и ночь."

Принцъ внимательно разсмотрѣлъ надпись, потомъ печать, на которой были изображены три лиліи; наконецъ, раскрылъ письмо съ безпокойствомъ, которое еще болѣе усилилось, когда прочелъ оное.

Это письмо содержало слѣдующія слова:

„*Берегитесь! левъ спущенъ съ цѣпи.*"

Лице Принца покрылось смертною блѣдностію, онъ потупилъ въ землю глаза, потомъ возвелъ ихъ къ небу, какъ человѣкъ, услышавшій свой смертный приговоръ; наконецъ, послѣ первыхъ минутъ испуга, отвелъ къ сторонѣ Вальдемара Фитзурза и Маврикія Браси, и прочелъ написанное, одному послѣ другаго.

„Можетъ быть, это еще и несправедливо — сказалъ Маврикій — и даже, можетъ быть, письмо подѣльное."

„Нѣтъ, — отвѣчалъ Принцъ — я знаю печать, на ней Французскій гербъ."

„Слѣдовательно—сказалъ Вальдемаръ— нужно, не теряя времени, собрать нашихъ партизановъ въ Іоркѣ, или иномъ среднемъ городѣ. Малѣйшая медленность въ этомъ случаѣ можетъ быть гибельна. Кончимъ наши пустыя забавы и займемся дѣломъ."

„Между тѣмъ, — сказалъ Маврикій — надобно остерегаться раздражать стрѣлковъ и народъ лишеніемъ ожиданнаго ими удовольствія, и мнѣ кажется, что все можно согласить: еще довольно рано; стоитъ распорядиться такъ, чтобъ стрѣляніе изъ лука началось теперь же; этимъ средствомъ Ваше Высочество исполните обѣщанное и отнимите у этой орды Саксонцевъ всякую причину къ неудовольствію."

„Прекрасная мысль,—сказалъ Принцъ— притомъ мы не забыли о вчерашнемъ грубіянѣ. Ежели бы настоящій часъ былъ и послѣднимъ моего владычества, я хочу, чтобъ онъ былъ посвященъ мщенію и удовольствію; завтра придутъ заботы и безпокойства."

Звуки трубъ скоро возвратили тѣхъ изъ зрителей, которые начинали уже удаляться, и Герольды провозгласили,

что Принцъ Іоаннъ, по встрѣтившимся неожиданно важнымъ причинамъ, не можетъ присутствовать при предполагаемомъ на слѣдующій день праздникѣ, но что, желая, чтобъ исправные стрѣлки не оставили поприща, не представивъ въ его присутствіи доказательства своего искусства, онъ назначаетъ, вмѣсто слѣдующаго дня, теперь же начать состязаніе въ искусствѣ стрѣлять изъ лука.

Награда, назначенная побѣдителю, состояла изъ охотничьяго рога, оправленнаго серебромъ, прекрасной шелковой перевязи и медали съ изображеніемъ Св. Губерта, покровителя полевыхъ забавъ.

Сначала явилось на поприще болѣе тридцати стрѣлковъ, бóльшею частію лѣсничихъ Нордвудскихъ и Шарнвудскихъ Королевскихъ лѣсовъ, но изъ нихъ, болѣе двадцати, узнавъ другъ друга, возвратились на свои мѣста, не желая подвергаться стыду быть побѣжденными. Тогда искусство каждаго добраго стрѣлка столь же было извѣстно въ окрестности, какъ въ наши времена быстрота Нев-Маркетской лошади. Сподвижниковъ осталось не болѣе восьми, изъ которыхъ бóльшая часть были Королевскіе служители. Принцъ, сошедъ съ трона, при-

ближился къ нимъ, чтобъ лучше видѣть ихъ искусство. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя, желая отъискать стрѣлка, на котораго былъ сердитъ, и увидѣлъ его, стоящаго съ совершеннымъ спокойствіемъ на томъ же мѣстѣ, на которомъ видѣлъ вчера.

„Я зналъ напередъ,—сказалъ Принцъ—что искусство твое не равняется твоей дерзости; ты не осмѣливаешся состязаться съ подобными сопротивниками."

„Съ дозволенія вашего, Государь! — отвѣчалъ стрѣлокъ — не страхъ, а другія причины удерживаютъ меня выттти на поприще."

„А что это за причины?" Спросилъ Принцъ, чувствуя, самъ не зная почему, какое-то безпокойство.

„Они заключаются въ томъ, — отвѣчалъ стрѣлокъ — что силы мои и этихъ стрѣлковъ не одинаковы и что я могу опасаться, что Вашему Высочеству непріятно будетъ видѣть въ третій разъ побѣдителемъ человѣка, который имѣлъ несчастіе, противъ своего желанія, заслужить ваше неблаговоленіе."

„Какъ тебя зовутъ?" Спросилъ Принцъ.

„Локслей." Отвѣчалъ стрѣлокъ.

„Итакъ, Локслей, ты долженъ стрѣлять послѣ всѣхъ, и ежели всѣхъ побѣдишъ, то къ назначенной наградѣ я прибавлю еще двадцать ноблей; но ежели будешь побѣжденъ, то велю снять съ тебя платье стрѣлка, какъ съ недостойнаго оное носить, и согнать тебя тетивами съ поприща, въ наказаніе за твое самохвальство.“

„Вы заставляете меня состязаться съ лучшими стрѣлками Стаффордскаго и Лейчестерскаго графства — сказалъ Локслей — и угрожаете мнѣ самымъ позорнымъ наказаніемъ, если я буду побѣжденъ; но, при всемъ томъ, я вамъ повинуюсь.“

„Стерегите его. — сказалъ Принцъ — Я вижу, онъ трусить, и не хочу, чтобъ онъ уклонился отъ назначеннаго ему испытанія; а вы, друзья мои, смѣлѣе поддержите вашу славу! Я приказалъ приготовить для васъ угощеніе въ ближнемъ шатрѣ, тотчасъ послѣ побѣды.“

Цѣлію назначенъ былъ щитъ, поставленный въ концѣ алеи, ведущей къ южной сторонѣ поприща. Онъ былъ поставленъ на такое разстояніе отъ стрѣляющихъ, что, казалось, только случайно можно было попасть въ него. Стрѣлки бросили жеребей, кому за кѣмъ стрѣ-

лять. Каждый долженъ былъ пустить три стрѣлы. Порядокъ, въ этомъ случаѣ, былъ учреждаемъ чиновникомъ низшаго разряда, называвшимся Префектомъ забавъ, потому что Маршалы турнира почли бы для себя унизительнымъ тѣмъ заняться.

Стрѣлки, одинъ послѣ другаго, пускали стрѣлы съ большимъ проворствомъ и искусствомъ. Изъ двадцати четырехъ стрѣлъ, десять попали въ круги, назначенные на щитѣ, прочіе же такъ близко къ онымъ, что, судя по большому разстоянію, всѣ сподвижники заслуживали похвалу; но болѣе прочихъ отличился Губертъ, лѣсничій Филиппа Мальвуазина; двѣ стрѣлы его попали въ кругъ ближайшій къ центру щита, и онъ былъ провозглашенъ побѣдителемъ.

„Ну, Локслей! — сказалъ Принцъ — если у тебя охота состязаться съ Губертомъ, или признаешь себя побѣжденнымъ и отдаешь свой лукъ, стрѣлы и перевязь Префекту?"

„Ужь ежели это необходимо, — отвѣчалъ Локслей — то я соглашаюсь испытать счастіе, съ тѣмъ однако, что когда попаду двумя стрѣлами въ цѣль, назначенную мнѣ Губертомъ, тогда и онъ долженъ будетъ попасть одною

стрѣлою въ цѣль, которую я ему назначу.“

„Ничего не можетъ быть справедливѣе, — сказалъ Принцъ — и я соглашаюсь на твое требованіе. Губертъ! ежели ты побѣдишъ этаго хвастуна, то я наполню серебреными деньгами охотничій рогъ, составляющій награду побѣды.“

„*Отъ всякаго человѣка зависитъ сдѣлать только то, что онъ можетъ.* — отвѣчалъ Губертъ — При всемъ томъ, мой дѣдушка стрѣлялъ при Гастингѣ и прославилъ себя, и я надѣюсь, что не посрамлю его славы.“

Щитъ, служившій цѣлію, замѣнили другимъ такой же величины, и Губертъ, какъ побѣдитель, имѣвшій право первый стрѣлять, натянувъ лукъ и положивъ стрѣлу на тетиву, долго цѣлился; наконецъ сдѣлалъ шагъ впередъ, поднялъ лукъ вверхъ и, сильнѣе натянувъ тетиву, спустилъ стрѣлу, которая полетѣла съ свистомъ и попала въ средній кругъ, но не въ самую средину онаго.

„Ты не обратилъ вниманія на вѣтеръ, Губертъ! — сказалъ его соперникъ — иначе, ты бы попалъ вѣрнѣе.“

Сказавъ это, онъ пустилъ стрѣлу, какъ бы безъ всякаго вниманія, почти

не взглянувъ на цѣль и даже продолжая говорить и въ то время, когда спускалъ тетиву, совсѣмъ тѣмъ, попалъ на два вершка ближе къ срединѣ круга, нежели Губертъ.

Принцъ взглянулъ на Губерта и сказалъ: „Ты достоинъ будешь ссылки на галеры, ежели дозволишь себя побѣдить этому негодяю."

У Губерта ко всему была своя приговорка. „Ваше Высочество можете и повѣсить меня за это, — отвѣчалъ онъ — но *отъ всякаго человѣка зависитъ сдѣлать только то, что онъ можетъ.* Однако мой дѣдушка стрѣлялъ при Гастингѣ . . . ."

„Чтобъ онъ былъ проклятъ и со всѣмъ его потомствомъ. — вскричалъ Принцъ, прервавъ его — Натяни твой лукъ и нацѣлься хорошенько, или берегись."

Губертъ, повинуясь приказанію, опять сталъ на мѣсто, и, помня замѣчаніе своего соперника, сообразилъ, какъ велико можетъ быть вліяніе вѣтра на его стрѣлу, и пустилъ ее такъ искусно, что она воткнулась въ самую средину круга.

„Да здравствуетъ Губертъ!" Кричалъ народъ, гордясь тѣмъ, что ихъ землякъ побѣдилъ пришельца.

„Кажется, ты не попадешь вѣрнѣе." Сказалъ Принцъ Локслею, съ презрительною усмѣшкою.

„Можетъ быть." Отвѣчалъ Локслей съ величайшимъ равнодушіемъ, и, нацѣлившись нѣсколько съ бо́льшимъ противъ прежняго вниманіемъ, пустилъ стрѣлу, которая прямо попала въ стрѣлу его сопротивника и разщепила ее на нѣсколько кусковъ.

Зрители, видя такое чудесное искусство, не могли не изъявить своего удивленія обыкновенными восклицаніями.

„Это не человѣкъ, — говорили между собою стрѣлки — онъ сдѣлалъ чудо, какого никто не видывалъ со времени, какъ начали стрѣлять изъ лука въ Англіи."

„Теперь — сказалъ Локслей — я прошу Ваше Высочество дозволить мнѣ поставить такую цѣль, какія употребляются на сѣверѣ, и честь тому искусному стрѣлку, который постарается попасть въ нее, чтобъ заслужить улыбку милой ему деревенской дѣвушки."

Онъ пошелъ съ поприща, сказавъ Принцу: „Прикажите за мною итти

стражѣ, ежели угодно; я хочу срѣзать въ лѣсу палку."

Принцъ приказалъ было нѣсколькимъ оруженосцамъ слѣдовать за нимъ, чтобъ онъ не скрылся: но увидѣвъ, что народъ изъявлялъ неудовольствіе, отмѣнилъ свое приказаніе и дозволилъ ему пойти въ лѣсъ одному.

Локслей немедленно возвратился съ ивовою совершенно прямою палкою, длиною съ сажень и толщиною около вершка; покойно началъ ее обдѣлывать, говоря, что назначать доброму стрѣлку такую цѣль, какую составлялъ поставленный щитъ, значитъ не надѣяться на его искусство; что, на его родинѣ, такую цѣль сравнили бы съ круглымъ столомъ короля Артура, около котораго усаживались съ нимъ шестдесятъ Рыцарей; что такая цѣль годится только для семилѣтнихъ ребятишекъ. „Но, — прибавилъ онъ, шедши спокойно къ мѣсту, гдѣ находилась цѣль, и втыкая на оном въ землю ивовую палку — кто попадетъ въ эту цѣль, въ тридцати шагахъ, того я назову добрымъ стрѣлкомъ, достойнымъ носить лукъ и колчанъ при самомъ Королѣ, хотя бы этотъ Король былъ самъ великой Ричардъ."

„Мой дѣдъ, — сказалъ Губертъ — стрѣлялъ при Гастингѣ и прославилъ себя; но онъ никогда не выдумывалъ принимать за цѣль палку, которую отсюда едва можно видѣть, и я поступлю также, какъ онъ поступалъ. Ежели этотъ стрѣлокъ попадетъ въ поставленную имъ цѣль, то я признаю себя побѣжденнымъ. И какъ *отъ всякаго человѣка зависитъ сдѣлать только то, что онъ можетъ*, то я, знавъ, что не попаду въ эту цѣль, стрѣлять въ нее не стану."

„Трусъ! — сказалъ Принцъ — Стрѣляй Локслей, и ежели попадешь въ цѣль, то я признаюсь, что ты лучшій стрѣлокъ изъ всѣхъ мною видѣнныхъ; но, прежде нежели назову тебя такимъ, ты долженъ доказать свое искусство."

„Я сдѣлаю, что могу. — отвѣчалъ Локслей — Никто не въ состояніи сдѣлать болѣе, какъ говоритъ Губертъ."

Сказавъ это, онъ натянулъ свой лукъ, но прежде осмотрѣлъ его съ вниманіемъ и перемѣнилъ тетиву, которая отъ употребленія затцилась; потомъ сообразилъ разстояніе и прицѣлился. Зрители едва переводили духъ, слѣдуя за каждымъ его движеніемъ, и онъ оправдалъ ихъ ожиданіе: стрѣла разколола

ивовую палку, въ которую была пущена. Воздухъ наполнился восклицаціями, и самъ Принцъ Іоаннъ, казалось, забылъ свое неудовольствіе, удивляясь искусству Локслея. „Эти двадцать ноблей и охотничій рогъ тебѣ принадлежатъ, ты ихъ достойно заслужилъ. — сказалъ онъ — И я, сей же часъ еще велю тебѣ отсчитать пятдесятъ ноблей, ежели ты согласишся вступить въ число стрѣлковъ, принадлежащихъ къ моимъ тѣлохранителямъ. Никогда рука, болѣе сильная, не натягивала лука, и никогда глазъ, болѣе вѣрный, не направлялъ стрѣлы.“

„Извините меня, Государь! — сказалъ Локслей — я поклялся никому не служить, изключая Короля Ричарда, вашего брата. Двадцать ноблей я отдаю Губерту, который нынѣ неменѣе отличился, какъ и дѣдъ его въ Гастингскомъ сраженіи, и ежели бы скромность не заставила его отказаться отъ стрѣлянья, то онъ также бы попалъ въ цѣль, какъ и я.“

Губертъ не иначе, какъ съ нѣкоторымъ принужденіемъ, принялъ подарокъ отъ Локслея, который, желая избѣгнуть общаго вниманія, замѣшался въ толпѣ людей.

Можетъ быть, онъ не скрылся бы такъ легко отъ Принца, ежели бы Іоаннъ тогда не былъ занятъ важнѣйшимъ предметомъ. Онъ подозвалъ своего Маршала, подавшаго знакъ къ разъѣзду, и приказалъ ему немедленно ѣхать въ Ашби и отыскать Исаака. „Скажи ему, — говорилъ Принцъ — чтобъ, прежде захожденія солнца, онъ доставилъ мнѣ двѣ тысячи червонцевъ. Ему извѣстно, чѣмъ они обезпечиваются; сверхъ того, можешь ему отдать въ закладъ этотъ перстень. Остальную же сумму, чтобъ онъ представилъ мнѣ въ Іоркѣ, прежде шести дней. Ты его встрѣтишь на дорогѣ. Онъ былъ здѣсь и, вѣроятно, не далеко уѣхалъ.“

Маршалъ поскакалъ въ Ашби, а Принцъ сѣлъ на своего коня и, послѣдуемый большимъ числомъ Рыцарей, поѣхалъ туда же заниматься приготовленіемъ къ вечернему празднику.

Глава III.

Праздникъ у Принца Іоанна назначенъ былъ во дворцѣ въ городѣ, Ашби. Этотъ дворецъ не имѣлъ сходства съ тѣмъ, котораго величественныя развалины въ семъ городѣ еще и нынѣ привлекаютъ вниманіе путешественниковъ и который былъ построенъ Лордомъ Гастингсомъ, Англійскимъ Оберъ-Камергеромъ, однимъ изъ первыхъ жертвъ Ричарда III. Городъ Ашби и находящійся въономъ дворецъ, въ то время, въ которое происходили повѣствуемыя нами событія, принадлежали Рожеру Квинси, Графу Винчестерскому, бывшему тогда въ Палестинѣ. Принцъ Іоаннъ жилъ въ его дворцѣ и располагалъ его владѣніями безъ малѣйшаго препятствія. Онъ желалъ ослѣпить великолѣпіемъ гостей своихъ и приказалъ ничего не щадить для сдѣланія праздника, сколь можно, блистательнѣйшимъ.

Чиновники, къ должности которыхъ принадлежало заготовленіе припасовъ, поступали въ подобныхъ случаяхъ самовластно: они забирали въ окрестности все, что требовалось для стола Принцева.

Іоаннъ пригласилъ множество гостей. Обстоятельства поставляли его въ необходимость искать общаго къ себѣ расположенія и онъ желалъ угостить не только Норманцевъ, жившихъ въ Ашби, но и многихъ знатныхъ Саксонцевъ и Датчанъ.

Англо-Саксоны, при всемъ презрѣніи, имъ оказываемомъ, были опасны своею многочисленностію, и Іоанну необходимо было нужно главныхъ изъ нихъ имѣть на своей сторонѣ.

Принцъ, по симъ уваженіямъ, рѣшился принять рѣдко бывавшихъ у него гостей съ вѣжливостію и ласкою, къ которымъ они не были пріучены; но хотя пожертвованіе своимъ мнѣніемъ выгодамъ и притворство ничего не значили для Іоанна, опрометчивость его и дерзость всегда являлись для уничтоженія успѣховъ его коварства.

Онъ представилъ сильное доказательство сихъ недостатковъ, когда былъ отправленъ отцемъ своимъ Генрихомъ II въ Ирландію для снисканія расположенія въ свою пользу жителей сего королевства, присоединеннаго въ то время къ Англіи. Знатнѣйшіе Ирландцы поспѣшили явиться съ почтеніемъ къ юному Принцу и представить ему поцѣлуй

мира; Іоаннъ же и благоразумные его царедворцы, вмѣсто сдѣланія ласковаго имъ пріема, начали таскать ихъ за длинныя бороды, что́, какъ можно легко себѣ представить, возбудило въ Ирландіи величайшее негодованіе. Мы приводимъ этотъ примѣръ для того, чтобъ читатели сами могли судить о характерѣ и безпрестанныхъ безразсудностяхъ Іоанна, и не были бы удивлены поступками его во время пира съ созванными имъ гостями.

Онъ принялъ Цедрика и Ательстана съ особеннымъ отличіемъ и изъявилъ сожалѣніе въ самыхъ обязательныхъ выраженіяхъ, услышавъ отъ перваго, что слабость здоровья препятствовала Лади Ровенѣ пріѣхать по приглашенію. Цедрикъ и Ательстанъ одѣты были въ старинное Саксонское платье, которое хотя не представляло ничего страннаго, но столь много отличалось отъ платья прочихъ гостей, что Принцъ Іоаннъ вмѣнилъ себѣ въ большее достоинство, что удержался отъ смѣха, глядя на этотъ старомодный нарядъ.

Между тѣмъ, для людей, которые смотрѣли на оный безъ предубѣжденія, коротокое и узкое платье Саксонцевъ, покрытое длинною епанчею, могло ка-

заться пріятнѣе для глазъ и несравненно покойнѣе платья Норманцевъ, носившихъ родъ длинной и широкой рубашки и, сверхъ оной, короткій плащъ, который не могъ ихъ защищать ни отъ холода, ни отъ дождя и который, казалось, дѣлался только для того, чтобъ облепить его, сколь можно болѣе, драгоцѣннымъ мѣхомъ и шитьемъ. Императоръ Карлъ Великій, видѣвъ всю неудобность этого наряда, говорилъ: „Къ чему служатъ эти короткіе плащи? въ постелѣ ими не возможно одѣться; на лошади не возможно защититься ни отъ дождя, ни отъ вѣтра; сидя, нѣтъ средства закрыть ногъ ни отъ холоду, ни отъ сырости.“

Между тѣмъ, вопреки сему заключенію, короткіе плащи оставались въ модѣ до того времени, о которомъ мы повѣствуемъ, и особенно у государей дома Анжуйскаго. Всѣ царедворцы Іоанна носили оные и не упускали случая смѣяться надъ длинными епанчами Саксонцевъ.

Гости сѣли за богато убранный столъ. Повара Іоанна, слѣдовавшіе всегда за нимъ, явили столько искусства въ разнообразіи кушаньевъ, что почти достигли до той же степени совершенства, до ко-

торой достигаютъ профессоры гастрономіи нашего времени, давая кушаньямъ видъ, препятствующій узнать, изъ чего они составлены. Разнаго рода пирожныя и конфекты, которые, въ то время, можно было видить только на столахъ знатнѣйшаго дворянства, льстили глазамъ красотою своего вида, и лучшія вины, разставленныя въ порядкѣ, дополняли картину.

Норманцы вообще были умѣренны; они были разборчивы въ кушаньи, но избѣгали излишества; о Саксонцахъ же этаго сказать было не возможно. Впрочемъ, Принцъ Іоаннъ, равно какъ и подражавшіе ему, любилъ хорошій столъ, и извѣстно, что самая смерть его послѣдовала отъ неумѣренности: большое количество съѣденныхъ имъ персиковъ и выпитаго сервуаза было причиною оной.

Цедрику и Ательстану совсѣмъ незнакомъ былъ тонъ общества, въ которомъ они находились, и неловкость ихъ была слишкомъ замѣтна. Норманскіе Рыцари обращали вниманіе на малѣйшія ихъ движенія и, не подавая имъ вида, сообщали тайно другъ другу свои замѣчанія. Извѣстно, что нарушеніе благопристойности и даже дурное поведеніе

легче извиняюпся въ обществѣ, нежели несоблюденіе принятыхъ обычаевъ. На примѣръ: Цедрикъ, который упиралъ руки салфеткою, вмѣсто того, чтобъ ожидать, пока высохнутъ пальцы, поднявъ ихъ вверхъ и перебирая ими съ пріятностію, казался несравненно страннѣе Ательстана, который, не дожидаясь очереди, придвинулъ къ себѣ огромный пирогъ, съ самою дорогою начинкою, и овладѣлъ имъ одинъ, не заботясь о прочихъ гостяхъ. Когда же, по внимательномъ разсмотрѣніи, замѣтили, что Танъ Конингсбургскій даже не зналъ, что̀ ѣлъ съ такимъ аппетитомъ, и почиталъ соловьевъ и прочихъ дорогихъ птицъ за голубей и жаворонковъ, тогда невѣжество его сдѣлалось предметомъ насмѣшекъ и порицанія, которое онъ болѣе заслуживалъ своею чрезвычайною неумѣренностію.

По окончаніи обѣда, принялись за вина, и гости начали разговаривать о турнирѣ и о подвигахъ каждаго Рыцаря; о неизвѣстномъ стрѣлкѣ, побѣдившемъ прочихъ; о черномъ Рыцарѣ, уклонившемся отъ заслуженной имъ почести; наконецъ о храбромъ Ивангое, который столь дорого купилъ честь быть побѣдителемъ. Въ разговорѣ царствовала

истинно военная откровенность, шутки и острыя слова лились рѣкою. Принцъ Іоаннъ, казалось, одинъ не принималъ участія въ общей веселости; непріятныя размышленія занимали его совершенно, и онъ не прежде обратилъ вниманіе на происходящее вокругъ его, какъ въ то время, когда одинъ изъ царедворцевъ извлекъ его изъ задумчивости, послѣ чего, онъ всталъ, наполнилъ свой кубокъ, и сказалъ отрывисто:

„Выпьемъ за здоровье Вильфрида Ивангое, побѣдителя на турнирѣ. Мы сожалѣемъ, что рана не дозволила ему сдѣлать чести нашему празднику своимъ присутствіемъ. Я прошу всѣхъ выпить за его здоровье и въ особенности почтеннаго Цедрика Ротервудскаго, достойнаго отца этаго молодаго человѣка, подающаго большія надежды.“ Сказавъ это, онъ выпилъ весь кубокъ, какъ бы желая ободрить себя.

„Нѣтъ, Государь! — отвѣчалъ Цедрикъ, вставъ и поставя на мѣсто кубокъ, не пивъ изъ него — я не называю сыномъ того, который презираетъ мои повелѣнія, и который не соблюдаетъ нравовъ и обычаевъ своихъ предковъ.“

„Не возможно, — сказалъ Принцъ, показавъ притворно удивленіе — чтобы

столь храбрый Рыцарь былъ непослушнымъ сыномъ.“

„Между тѣмъ, Вильфридъ точно таковъ. — сказалъ Цедрикъ — Онъ оставилъ мое уединенное жилище, для раздѣленія дворскихъ удовольствій съ вашимъ братомъ. Тамъ онъ научился этой ловкости и искусству сражаться, которымъ вы такъ удивляетесь. Онъ оставилъ мой домъ противъ моей воли и вопреки моимъ приказаніямъ. Подобный поступокъ, во времена Алфреда, назвали бы ослушаніемъ, преступленіемъ, которое наказывалось съ величайшею строгостію.“

„Увы! — сказалъ Принцъ, принужденно вздохнувъ — когда сынъ вашъ былъ при дворѣ моего брата, то не нужно спрашивать, гдѣ, или отъ кого научился онъ не повиноваться своему родителю.“

Такъ говорилъ Принцъ, забывая безсомнѣнія, что ежели Генрихъ II имѣлъ причину жаловаться и на всѣхъ своихъ дѣтей, но никто изъ нихъ, болѣе его, не заслуживалъ того своею неблагодарностію и возмутительностію.

„Кажется, — продолжалъ Іоаннъ, помолчавъ — что мой братъ полагалъ своему любимцу дать владѣніе Ивангое?

„Онъ и далъ ему оное, — отвѣчалъ Цедрикъ — и сынъ мой унизился до то-

го, что, какъ подданный, принялъ то владѣніе, которое принадлежало его предкамъ, и которымъ они владѣли свободно и ни отъ кого независимо. Въ глазахъ моихъ это составляетъ одну изъ главныхъ его винъ."

„Итакъ вы не будете противъ того, достойный Цедрикъ! — сказалъ Принцъ — чтобъ мы отдали это владѣніе такому человѣку, который не сочтетъ для себя унизительнымъ получить его отъ управляющаго Англіею? Рыцарь Регинальдъ Фрондбефъ! — прибавилъ онъ — я надѣюсь, что вы постараетесь удержать это владѣніе, дабы Рыцарь Вильфридъ Ивангое не сдѣлалъ неудовольствія своему родителю вступленіемъ въ распоряженіе онымъ."

„Клянусь! — сказалъ Регинальдъ, нахмуривъ свои черныя брови — что я соглашусь скорѣе, чтобъ меня почитали Саксонцемъ, нежели допущу, чтобъ когда-нибудь Цедрикъ, или Вильфридъ, или кто другой изъ ихъ рода, отнялъ у меня подарокъ, сдѣланный Вашимъ Высочествомъ."

„Ежели тебя кто сочтетъ Саксонцемъ, — сказалъ Цедрикъ, обиженный выраженіемъ, которое часто употребляли Норманцы для изъявленія презрѣ-

нія къ Англичанамъ — тотъ сдѣлаетъ тебѣ честь, столь же великую, какъ и мало тобою заслуженную."

Регинальдъ хотѣлъ отвѣчать, но нетерпѣливость и опрометчивость Принца его предупредили.

„По чести, — сказалъ онъ — почтенный Цедрикъ говоритъ истину: онъ и его поколѣніе имѣютъ преимущество предъ нами и по длинѣ своей родословной и по длинѣ своихъ епанчей."

„Да, — сказалъ Филиппъ Мальвуазинъ — они бѣгутъ отъ насъ, какъ дикія козы отъ собакъ."

„И имѣютъ неоспоримыя права на первенство предъ нами по многимъ основаніямъ, даже по благородству и пріятности своего обращенія." Присовокупилъ Регинальдъ.

„И по своей особенной умѣренности." Прибавилъ Маврикій Брасп, забывъ о намѣреніи Принца женить его на Саксонкѣ.

„Не говоря уже о ихъ храбрости, оказанной ими на Гастингскомъ и прочихъ сраженіяхъ." Сказалъ Бріанъ Буа-Гильбертъ.

Между тѣмъ, какъ царедворцы подражали Принцу, стараясь одинъ передъ другимъ забавляться на счетъ Цедрика, Саксонецъ, пылая гнѣвомъ, смотрѣлъ на

нихъ страшными глазами, но молчалъ, какъ бы остановляемый быстротою ихъ разговора, и уподоблялся разъяренному быку, окруженному пущенными на него собаками, разсматривающему еще, на которую изъ нихъ броситься; наконецъ онъ обратился къ Принцу Іоанну, какъ къ главному виновнику нанесенной ему обиды и сказалъ прерывающимся отъ гнѣва голосомъ:

„Каковы бы ни были недостатки, или пороки нашего поколѣнія, совсѣмъ тѣмъ, Саксонцы назвали бы того nidering, (унизительнѣйшее названіе) кто, въ собственномъ своемъ домѣ, за собственнымъ своимъ столомъ поступилъ бы съ гостемъ своимъ, несдѣлавшимъ ему ни малѣйшей обиды, такъ, какъ теперь поступили со мною при Вашемъ Высочествѣ; и сколь ни велика была неудача нашихъ предковъ въ долинахъ Гастингскихъ, о ней не должно бы было упоминать здѣсь, покрайней мѣрѣ тѣмъ, (тутъ онъ вглянулъ на Регинальда и Бріана) которые, за нѣсколько предъ симъ часовъ, сами сброшены были съ сѣдла Саксонцемъ.“

„По чести, это остро сказано. — сказалъ Принцъ — Не правда ли, господа? Въ настоящее безпокойное время наши

подданные Саксонцы ободряются; они начинают забавляться, делаться смѣлѣе, и мнѣ кажется, что намъ остается сѣсть на свои корабли и возвратиться въ Нормандію."

„Боясь Саксонцевъ, — сказалъ засмѣявшись Маврикій — этихъ медвѣдей, для прогнанія которыхъ въ лѣсъ достаточно однихъ нашихъ охотничьихъ копій?"

„Перестаньте шутить, г. Рыцарь?— сказалъ Вальдемаръ Маврикію; потомъ оборотившись къ Принцу, продолжалъ: — „Я думаю, что Ваше Высочество увѣрите почтеннаго Цедрика, что всѣ эти слова, которыя могутъ показаться нѣсколько жесткими для чужестранца, не что иное, какъ шутка, и что никто изъ насъ не имѣлъ намѣренія обижать его."

„Обижать! — сказалъ Принцъ, принявъ вежливый и ласковый тонъ — Нѣтъ, я бы этого никогда не дозволилъ въ моемъ присутствіи. Господа! почтенный Цедрикъ не желаетъ пить за здоровье своего сына, итакъ я пью за здоровье самого достойнаго Цедрика."

Кубокъ пошелъ изъ рукъ въ руки, при восклицаніяхъ вѣроломныхъ царедворцевъ; но эти ложные знаки добраго расположенія не обманули Саксонца. Онъ не былъ

тонкимъ и проницательнымъ человѣкомъ, но и не былъ столь простъ, чтобъ ласковыя привѣтствія могли заставить его забыть сдѣланную ему обиду. Совсѣмъ тѣмъ, онъ молчалъ, и Принцъ предложилъ здоровье Ательстана.

Ательстанъ поклонился и отвѣчалъ на сдѣланную ему честь, наполнивъ рѣдкимъ виномъ огромный кубокъ и опорожнивъ его разомъ.

„Теперь, господа! — сказалъ Принцъ котораго голова начала уже нѣсколько разгорячаться отъ вина — когда мы сдѣлали вежливость нашимъ гостямъ, справедливость требуетъ, чтобъ и они отвѣчали намъ тѣмъ же. Почтенный Танъ! — прибавилъ онъ, обращаясь къ Цедрику — позвольте васъ просить, чтобъ вы выговорили имя какого-нибудь Норманца, менѣе прочихъ вамъ противное, и потопили бы въ этомъ кубкѣ всю непріятность, которую сдѣлаетъ вамъ произнесеніе этаго имени.“

Вальдемаръ всталъ во время разговора Принца и, подошедъ сзади къ Цедрику, убѣждалъ его употребить этотъ случай для уничтоженія всѣхъ неудовольствій между обѣими поколѣніями, и

наименовать Принца Іоанна. Саксонецъ ничего не отвѣчалъ, но вставъ и наполнивъ свой кубокъ, сказалъ Принцу: „Ваше Высочество приказываете мнѣ выговорить имя Норманца, за здоровье котораго я некраснѣя могу выпить. Это повелѣніе трудно исполнить, потому что оно есть приказаніе невольнику прославлять плѣнившаго его, побѣжденному, обремененному всемъ зломъ, слѣдующимъ за порабощеніемъ, прославлять своего побѣдителя; при всемъ томъ, я соглашаюсь это сдѣлать: я наименую Норманца, перваго по званію и по храбрости, лучшаго и благороднѣйшаго изъ своего поколѣнія, и кто откажется повторить его имя, того я назову трусомъ и безчестнымъ; что́ готовъ подтвердить, жертвуя моею жизнію. Господа Рыцари! за здоровье Ричарда львинаго сердца!“

Принцъ Іоаннъ, ожидавшій, что его имя будетъ окончаніемъ рѣчи Цедрика, содрогнулся, услышавъ столь неожиданно имя своего несчастнаго брата; онъ поднесъ къ губамъ кубокъ и немедленно опять поставилъ его на столъ, желая видѣть, какое дѣйствіе произведетъ надъ присутствующими это неожиданное предложеніе. Многіе опытные при-

дворные повторили въ точности тоже, что сдѣлалъ Принцъ, поднесли къ губамъ кубки, и тотчасъ опять ихъ поставили на столъ; другіе же, увлеченные чувствомъ болѣе возвышеннымъ, воскликнули съ восторгомъ: „Да здравствуетъ Король Ричардъ, и да не замедлитъ къ намъ возвратиться!“ А нѣкоторые даже не прикоснулись къ своимъ кубкамъ, какъ Регинальдъ Фрондбефъ и Бріанъ Буа-Гильбертъ, но никто не осмѣлился воспротивиться питью за здоровье Ричарда.

Цедрикъ, насладившись своимъ торжествомъ, сказалъ Ательстану: „Встанемъ; мы довольно времени сидѣли за столомъ, потому что отвѣчали уже на вежливость Принца, исполнившаго такъ хорошо обязанности гостепріимства въ отношеніи къ намъ. Тѣ, которые пожелаютъ болѣе узнать грубые обычаи Саксонцевъ, могутъ пожаловать къ намъ въ жилища нашихъ предковъ, изъ которыхъ мы не будемъ болѣе выѣзжать; теперь мы уже знаемъ праздники Принцевъ и Норманскую вежливость.“

Съ сими словами онъ всталъ и вышелъ, послѣдуемый Ательстаномъ и многими изъ гостей Саксонскаго происхожденія, кои почитали себя обиженными

насмѣшками Принца Іоанна и его царедворцевъ.

„Посмотрите, — сказалъ Принцъ, по выходѣ ихъ — эти Саксонцы взяли надъ нами верхъ, они вышли побѣдителями.“

Скоро всѣ гости разъѣхались, исключая составляющихъ свиту Принца Іоанна, или объявившихъ себя открыто на его сторонѣ.

„Вотъ послѣдствія вашихъ совѣтовъ: — сказалъ Принцъ, взглянувъ сердито на Вальдемара — сумазбродный Саксонецъ, за моимъ столомъ, говоритъ мнѣ грубости, и при одномъ имени моего брата, всѣ отъ меня бѣгутъ, какъ отъ чумы.“

„Не меня, — отвѣчалъ Вальдемаръ — а собственное ваше неблагоразуміе должно въ томъ обвинять; но теперь не время заниматься этимъ; мы съ Мавриkіемъ ихъ найдемъ и дадимъ имъ почувствовать, что они забылись.“

„Это безполезно, — сказалъ Іоаннъ, ходя скоро по комнатѣ большими шагами, съ безпокойствомъ, которому отчасти было причиною и вино — это безполезно: они видѣли надпись на стѣнѣ, замѣтили слѣдъ льва на пескѣ, слышали рыканіе его, раздающееся въ дебряхъ;

ничто уже несильно истребить ихъ робости.“

„Дай Богъ, чтобъ что-нибудь истребило его собственную трусость; — сказалъ Вальдемаръ Маврикію — одно имя Ричарда приводитъ его въ трепетъ. Сколь достойны сожалѣнія помощники робкаго и нерѣшительнаго ни на добро, ни на зло человѣка!“

Глава IV.

Никогда паукъ не хлопоталъ болѣе, починивая свою изорванную паутину, какъ Вальдемаръ, стараясь собрать разбредшихся Бароновъ партіи Принца Іоанна. Немногіе изъ нихъ принадлежали къ оной по собственному разположенію, и ни одинъ искренно не былъ преданъ особѣ Іоанна. Вальдемару нужно было напоминать имъ о выгодахъ, получаемыхъ уже ими отъ покровительства Принца, и удостовѣрять, что ихъ ожидаетъ будущность, еще болѣе блистательная. Молодыхъ людей, порабощенныхъ удовольствіями, онъ соблазнялъ пріятностями свободной и роскошной жизни; тщеславныхъ прельщалъ надеждою на почести; корыстолюбивымъ обѣщалъ богатство и обширныя владѣнія; наемнымъ войскамъ давалъ деньги, которыя болѣе всего на нихъ дѣйствовали, и безъ которыхъ все бы было неуспѣшно. Этотъ дѣятельный сотрудникъ Іоанна употреблялъ все, что удобно было заставить рѣшиться колеблющихся и ободрить робкихъ. Онъ отзывался о возвращеніи Короля Ричарда, какъ о событіи, незаслуживающемъ никакого вѣроятія, когда же замѣчалъ изъ

нерѣшительности, или двусмысленности отвѣтовъ своихъ слушателей, что убѣжденія его не были достаточны для уничтоженія ихъ увѣренности въ возвращеніи Ричарда, и для истребленія ихъ страха, тогда увѣрялъ, что ежели бы Ричардъ и возвратился, имъ все нѣтъ причины оставлять партію Іоанна.

„Ежели Ричардъ и возвратится; — говорилъ онъ — будетъ обогащать Крестовцевъ, обѣднявшихъ и умирающихъ съ голоду, на счетъ непослѣдовавшихъ за нимъ въ Палестину; потребуетъ строжайшаго отчета отъ всѣхъ, которые въ его отсутствіи сдѣлали что-либо противъ законовъ Государства и преимуществъ короны; станетъ стараться отмстить Рыцарямъ храма и Св. Іоанна за предпочтеніе, оказанное ими Филиппу, Королю Французскому, во время Палестинскихъ войнъ; наконецъ поступитъ, какъ съ измѣнниками, со всѣми друзьями Принца Іоанна. Не боитесь ли вы его? Я согласенъ, что онъ силенъ и храбръ; но мы живемъ не въ вѣкъ Короля Артура, когда одинъ Рыцарь могъ противиться цѣлому войску. Ежели Ричардъ возвратится, то одинъ, безъ войска, безъ друзей; кости его воиновъ убѣляютъ равнины Палестинскія, и

нѣсколько Крестовцевъ, избѣгшихъ погибели, возвратившихся сюда истинными нищими, подобно Вильфриду Ивангое, нимало не опасны. Какая нужда до его первородства, — прибавлялъ онъ, говоря съ тѣми, которые уважали оное — болѣе ли оно даетъ права на корону Ричарду, нежели давало Роберту, Герцогу Норманскому, старшему сыну Завоевателя, которому младшіе его братья Вильгельмъ Рыжій и Генрихъ были предпочтены одинъ за другимъ, не смотря, что Робертъ имѣлъ всѣ качества, которыми можетъ хвалиться Ричардъ? Онъ также былъ уменъ, великодушенъ, преданъ церкви, храбрый Рыцарь и Крестовецъ, участвовавшій въ освобожденіи Св. Гроба; но, со всѣмъ тѣмъ, умеръ, лишенный зрѣнія, въ Кардифскомъ замкѣ. Быть можетъ, что въ личныхъ достоинствахъ Іоаннъ уступитъ Ричарду, но ежели вообразить, что Ричардъ возвращается, держа въ рукѣ мечь мщенія, въ то время, какъ Іоаннъ предлагаетъ намъ преимущества, почести, богатство: то можно ли колебаться въ выборѣ?"

Хитрый наперсникъ Іоанна умѣлъ приспособить подобныя убѣжденія къ свойствамъ и обстоятельствамъ Бароновъ Іоанновой партіи. Онъ вообще сдѣ-

лалъ на нихъ большое вліяніе, и многіе изъ нихъ согласились быть въ собраніи, назначаемомъ въ Іоркѣ, для принятія рѣшительныхъ мѣръ къ возложенію короны на главу брата законнаго Государя.

Уже наступила ночь, когда Вальдемаръ, утомленный безпокойствомъ, но довольный своими успѣхами, возвратился во дворецъ въ Ашби. Вошедъ въ оный, онъ встрѣтилъ Маврикія Браси, замѣнившаго свой великолѣпный нарядъ, въ которомъ онъ былъ на праздникѣ, зеленымъ суконнымъ кафтаномъ, такими же панталонами и кожанымъ картузомъ. Къ поясу у него былъ привѣшенъ охотничій ножъ, черезъ плечо висѣлъ рогъ, въ рукахъ былъ лукъ и за спиною стрѣлы. Ежели бы Вальдемаръ встрѣтилъ его внѣ дворца, то прошелъ бы мимо, не взглянувъ на него; но во дворцѣ обратилъ на него вниманіе и, узнавъ, въ нарядѣ Англійскаго стрѣлка, Норманскаго Рыцаря, спросилъ его съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ:

„Что́ значитъ этотъ маскарадъ? можно ли заниматься дурачествами въ то время, когда судьба Принца Іоанна приближается къ рѣшенію; не лучше ли вамъ озаботиться, подобно мнѣ, поддержаніемъ колеблющагося расположенія этихъ сумазбродовъ, которыхъ имя Короля Ри-

чарда пугаетъ также, какъ ребятъ въ Азіи?“

„Я забочусь о моихъ дѣлахъ также, какъ вы о вашихъ.“ Отвѣчалъ холодно Маврикій.

„Какъ я о моихъ! Я забочусь единственно о дѣлахъ Принца Іоанна, нашего общаго покровителя.“

„Очень хорошо, Вальдемаръ; но что̀ васъ заставляетъ это дѣлать? ваши собственныя выгоды .... Къ чему этотъ важный видъ? мы другъ друга знаемъ. Честолюбіе управляетъ всѣми вашими дѣйствіями, удовольствіе: всѣми моими: это необходимое слѣдствіе различія нашихъ лѣтъ; что жь касается до Принца Іоанна, вы о немъ тоже думаете, что и я. Мы оба знаемъ, что онъ слишкомъ слабъ, чтобъ твердо держать бразды правленія; слишкомъ самовластенъ, чтобъ быть добрымъ Королемъ; слишкомъ дерзокъ и пристрастенъ, чтобъ быть любимымъ своими подданными; наконецъ, слишкомъ непостояненъ и слишкомъ робокъ, чтобъ долго царствовать. Итакъ, для чего мы приняли его сторону? для того, что именно при немъ и Вальдемаръ и Маврикій могутъ надѣяться много значить. Вотъ причина, по которой мы ему помогаемъ, вы своею

политикою, а я оружіемъ моихъ вольныхъ воиновъ.“

„Должно признаться, что у меня помощникъ очень хорошій. — сказалъ съ досадою Вальдемаръ — Онъ занимается дурачествами въ самыя важнѣйшія минуты.... Да скажите, ради Бога, что̀ заставило васъ переряжаться въ такое рѣшительное время?“

„Я хочу, переодѣтый, напасть нынѣшнею ночью на глупыхъ Саксонцевъ и увести Леди Ровену.“

„Что за сумазбродство, Маврикій! Вспомните, что хотя они и Саксонцы, но богаты и сильны; притомъ особенно уважены народомъ, потому что сильныхъ и богатыхъ Саксонцевъ уже не много.“

„И которыхъ нисколько быть не должно.“

„Но теперь нужно не объ этомъ заботиться; приближающійся переломъ поставляетъ Принца Іоанна въ необходимость искать народной привязанности, и онъ принужденъ будетъ оказать правосудіе.“

„Пусть оказываетъ, ежели осмѣлится. Тогда онъ увидитъ различіе между моимъ вольнымъ войскомъ и скопищемъ неопытныхъ и неученыхъ несчастныхъ

Саксонцевъ; притомъ вы еще не знаете моего плана; все подозрѣніе обратится на разбойниковъ, наполняющихъ лѣса Іоркскаго графства. Въ этомъ нарядѣ, не имѣю ли я наружности самаго отважнаго изъ нихъ? Саксонцы должны нынѣ ночевать въ монастырѣ Св. Витольда, близь Буртона; завтра мы нападемъ на нихъ, какъ соколы на добычу; послѣ явлюсь я въ настоящемъ моемъ видѣ; буду играть роль услужливаго Рыцаря; освобожу Инфантину изъ рукъ ея похитителей; отвезу ее въ замокъ Регинальда Фрондбефа, или въ Нормандію, и не иначе дозволю ей явиться въ свѣтѣ, какъ супругою Маврикія Браси."

„Прекрасный планъ, умно сообраafженъ, и я сомнѣваюсь, чтобъ онъ былъ весь вашего изобрѣтенія .... Будьте откровенны, Маврикій: кто вамъ помогалъ въ составленіи его, и кто будетъ помогать въ исполненіи? Вы не можете употребить для сего вашихъ воиновъ, потому что они въ Іоркѣ."

„Я не имѣю причины ничего отъ васъ скрывать: Бріанъ Буа-Гильбертъ, Рыцарь храма, будетъ мнѣ помогать въ исполненіи этаго плана, придуманнаго нами вообще; онъ и его воины будутъ переодѣ-

ты, подобно мнѣ, браконьерами и наконецъ будутъ разогнаны мною."

„Клянусь, что этотъ планъ достоинъ вашей общей премудрости, и меня особенно удивляетъ ваше собственное благоразуміе, по которому вы ввѣряете участь молодой дѣвицы вашему достойному товарищу; я согласенъ вѣрить, что вы можете успѣть отнять ее у Саксонцевъ, но чтобъ могли послѣ вырвать ее изъ когтей Бріана, это сомнительно; онъ привыкъ ловить добычу, но не умѣетъ выпускать ее."

„Онъ Рыцарь храма и не можетъ жениться, слѣдовательно не можетъ быть и моимъ соперникомъ; что жъ касается до иныхъ видовъ въ разсужденіи дѣвицы, на которой я предполагаю жениться, то клянусь небомъ, хотя бы въ немъ соединялся весь его орденъ, онъ не осмѣлится сдѣлать мнѣ этой обиды."

„Когда ничто, сказанное мною, не можетъ выбить изъ вашей головы этаго дурачества, и когда ваше упрямство такъ сильно, дѣлайте, что̀ вамъ угодно; но, покрайней мѣрѣ, не продолжайте вашихъ глупостей столь же долго, сколь худо избрали вы для нихъ время, и постарайтесь, какъ можно, менѣе терять онаго."

„Я васъ увѣряю, что все это продолжится не болѣе нѣсколькихъ часовъ, и что послѣ завтра вы увидите меня въ Іоркѣ при моихъ храбрыхъ воинахъ, готоваго исполнять всѣ планы, предписываемые вашею политикою; но меня ждутъ мои товарищи, прощайте, я отправляюсь, какъ истинный Рыцарь, завоевать улыбку красоты."

„Какъ истинный Рыцарь! — повторилъ ему въ слѣдъ Вальдемаръ — Скажи лучше, какъ истинный сумазбродъ, какъ ребенокъ, который гоняется за бабочкою, оставляя важнѣйшія дѣла . . . . . . Вотъ каковы орудія, которыми я долженъ дѣйствовать; и для кого же? для человѣка, столь же неблагодарнаго, сколь надменнаго, который, вѣроятно, будетъ также непризнательнымъ Государемъ, какъ былъ непослушнымъ сыномъ и жестокосердымъ братомъ . . . . Но онъ самъ есть не что иное, какъ пружина, приводимая мною въ движеніе, и я дамъ ему это почувствовать, ежели онъ осмѣлится когда-нибудь отдѣлить свои выгоды отъ моихъ."

Разсужденія государственнаго человѣка были прерваны въ это время голосомъ Принца, который изъ внутреннихъ комнатъ закричалъ:„ Вальдемаръ, Вальдемаръ

Фитзурсъ!“ И будущій канцлеръ, то есть, имѣвшій надежду на полученіе этаго званія, поспѣшно снялъ шляпу и побѣжалъ принять приказанія будущаго Короля.

Глава V.

Читатель не могъ запамятовать, что во второй день турнира побѣда рѣшена была подвигомъ неизвѣстнаго Рыцаря, котораго зрители называли *безпечнымъ;* что этотъ рыцарь немедленно по одержаніи побѣды оставилъ поприще; и что его не могли отыскать для возложенія на него вѣнца, какъ на побѣдителя.

Въ то время, когда герольды громкими восклицаніями призывали его, называя *Чернымъ* Рыцаремъ, онъ уже былъ далеко, и избѣгая проѣзжихъ дорогъ, направлялъ путь свой прямо чрезъ лѣсъ, въ сѣверную сторону. При наступленіи ночи, онъ остановился въ уединенномъ постояломъ домѣ, находившемся въ лѣсу, гдѣ видѣлъ пѣвца, расказавшаго ему, что награда за побѣду, по случаю его отсутствія, была присуждена Рыцарю *лишенному наслѣдства.*

На другой день, съ разсвѣтомъ, онъ отправился далѣе. Желаніе, сколь возможно, скорѣе приближиться къ цѣли своего путешествія, заставляло его въ предшествовавшій день сберегать своего коня, для того, чтобъ въ послѣдующій уѣхать далѣе; но дорога лѣсомъ была

столь дурна, что въ продолженіи всего дня онъ едва успѣлъ доѣхать до границы Іоркскаго графства. Приближеніе ночи поставляло его въ необходимость позаботиться объ ужинѣ, о кормѣ для коня и о ночлегѣ. Мѣсто, въ которомъ онъ находился, не давало никакой надежды на отысканіе оныхъ и казалось, что его ожидала обыкновенная участь странствующихъ рыцарей, которые, въ подобныхъ случаяхъ, пускаютъ своего коня щипать траву, а сами садятся, прислонясь спиною къ дереву, и думаютъ о своей красавицѣ; но *Черный* Рыцарь, по тому ли, что у него не было Дульцинеи, или что онъ въ любви былъ такимъ же безпечнымъ Рыцаремъ, какимъ казался на турнирѣ, не способенъ былъ размышленіями о прелестяхъ и жестокостяхъ красавицы замѣнить для себя постелю и ужинъ. Онъ окинулъ глазами вокругъ себя, и досадовалъ, не видя ничего, изключая лѣса, въ которомъ хотя и много было тропинокъ, но онѣ, казалось, всѣ были протоптаны звѣрями или охотниками, ихъ преслѣдующими.

Солнце, служившее путеводителемъ Рыцарю, зашло въ лѣвой сторонѣ за горы графства Дерби, и онъ чѣмъ болѣе продолжалъ ѣхать, тѣмъ менѣе зналъ,

куда ѣдетъ. Между множествомъ тропинокъ, ему хотѣлось найти такую, которая была болѣе прочихъ утоптана, въ надеждѣ, что она доведетъ его до хижины какого-нибудь дровосѣка; но всѣ тропинки казались похожими одна на другую, и онъ, не зная, которую избрать, рѣшился отдать это на произволъ своего коня, знавъ изъ опыта, что врожденное чувство коня бываетъ нерѣдко вѣрнѣе лучшаго расчета всадника.

Добрый конь его, при всей усталости отъ продолжительнаго пути и отъ тяжести своего всадника, высокаго и сильнаго человѣка, притомъ покрытаго тяжелою бронею, почувствовавъ опущенные повода и увидѣвъ, что дана ему свобода, немедленно ободрился, поднялъ голову и побѣжалъ рысью. Тропинка, по которой онъ поворотилъ, была совсѣмъ не въ ту сторону, въ которую ѣхалъ Рыцарь; она становилась мало по малу шире, и Рыцарь скоро услышалъ звонъ небольшаго колокола, извѣстившій его, что онъ находится недалеко отъ какой-нибудь церкви, или пустыни. Наконецъ онъ выѣхалъ на лужайку, на которой, съ одной стороны возвышалась перпендикулярно скала, покрытая плющемъ и изрѣдка буковыми и дубовыми деревьями,

растущими изъ разсѣлинъ. Къ подошвѣ этой скалы пристроена была хижина, сдѣланная изъ бревенъ, смазанныхъ глиною, перемѣшанною съ мохомъ. Ель съ обрубленными сучьями и привязанною поперегъ толстою палкою, представляла худо сдѣланное изображенiе креста. Въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ онаго, источникъ чистой воды вытекалъ изъ скалы и падалъ на камень, обдѣланный грубо въ видѣ водоема. Вода, выходящая изъ онаго, текла далѣе по собственному направленiю, и образовала ручей, который, извиваясь по лужайкѣ, наконецъ утекалъ въ лѣсъ. Близь этаго источника находились развалины церкви. Длина оной была не болѣе шестнадцати, а ширина двѣнадцати футовъ; крышка состояла изъ четырехъ сводовъ, основанныхъ на столбахъ, изъ которыхъ два уже обрушились; дверь украшалась выпуклостями, подобными видимымъ еще и нынче на старинныхъ Саксонскихъ церквахъ, и надъ оною висѣлъ небольшой колоколъ, коего звонъ слышалъ *Черный* Рыцарь подъѣзжая.

Онъ, увидѣвъ пустыню, надѣялся, что отшельникъ, живущiй въ ней, не откажетъ ему въ ночлегѣ, потому что доставленiе убѣжища заблудшимся, или

застиженнымъ темнотою ночи, отшельники вмѣняли себѣ въ обязанность. Въ этой увѣренности, онъ соскочилъ проворно съ своего коня и, даже не успѣвъ разсмотрѣть всѣхъ, окружающихъ его предметовъ, съ такою подробностію, какъ мы ихъ описали, ударилъ копьемъ въ дверь, полагая, что она отворится. Но дверь не отворялась, и не иначе, какъ ударивъ еще нѣсколько разъ, онъ услышалъ изъ внутренности хижины непріятный отзывъ.

„Ступай своею дорóгою, кто бы ты ни былъ, и не безпокой служителя Божіего, во время вечерняго его моленія."

„Почтенный отецъ! — отвѣчалъ рыцарь — я бѣдный путешественникъ, заблудшійся въ здѣшнемъ лѣсу. Ты сдѣлаешь доброе дѣло, давъ мнѣ убѣжище на ночь."

„Любезный братъ, я самъ живу милостынею; мнѣ не чѣмъ тебя накормить и не начемъ успокоить. Ступай своею дорогою, съ Божіимъ благословеніемъ."

„Да какъ я найду дорогу въ этомъ лѣсу, въ такую темную ночь? Прошу тебя, почтенный отецъ, покрайней мѣрѣ, выдь и укажи, куда мнѣ ѣхать?"

„Дорогу найти не трудно: она начинается отъ самой моей хижины, и идетъ

подлѣ оврага, черезъ болото, которымъ въ нынѣшнюю засуху проѣхать можно; только остерегайся, чтобы не упасть въ оврагъ; берега очень круты и высоки. Потомъ тебѣ надобно будетъ переправиться черезъ . . . .“

„Болото, оврагъ, крутые и высокіе берега, переправа. — сказалъ Рыцарь — Нѣтъ, г. отшельникъ, ты не заставишь меня пуститься по такой дорогѣ въ темную ночь. Отвори мнѣ дверь, или я ее вышибу.“

„Любезный путешественникъ, не принуждай меня прибѣгнуть къ оружію, которое я имѣю для своей защиты: ты не много выиграешь.“

Въ это время Рыцарь услышалъ, что внутри хижины залаяли собаки, которыхъ, вѣроятно, пустынникъ кликнулъ себѣ на помощь. Сопротивленіе пустынника его разсердило, и онъ толкнулъ въ дверь ногою съ такою силою, что самые столбы, на которыхъ она была утверждена, зашатались.

„Тише, тише, любезный путешественникъ, — сказалъ отшельникъ — я тебѣ сейчасъ отворю; но смотри, чтобы послѣ не разскаяваться.“

Съ этими словами дверь отворилась, и отшельникъ, сильный и видный му-

щина, одѣтый въ рясу съ нахлущеннымъ капюшономъ и подпоясанный веревкою изъ тростника, явился предъ Рыцаремъ, державъ въ одной рукѣ свѣтильникъ, въ другой толстую суковатую дубину; двѣ большія собаки стояли подлѣ него и, казалось, ожидали только его знака, чтобъ броситься на пришельца. Отшельникъ, увидѣвъ Рыцаря, вооруженнаго съ ногъ до головы, тотчасъ перемѣнилъ расположеніе и, отогнавъ собакъ, принялъ тонъ холодной вежливости, пригласилъ его въ хижину и старался извинить себя тѣмъ, что онъ никогда не отворяетъ дверей по захожденіи солнца, опасаясь разбойниковъ, наполняющихъ лѣсъ и нещадящихъ самыхъ отшельниковъ.

,,Бѣдность вашей пустыни, отецъ мой, — сказалъ Рыцарь, окинувъ глазами внутренность хижины и не видавъ въ оной ничего, кромѣ постели изъ листьевъ, распятія грубо изваяннаго изъ дерева, ветхой книги, стола изъ неотесаннаго камня, двухъ скамей и нѣсколькихъ скудныхъ домашнихъ утварей — Бѣдность вашей хижины, кажется, должна васъ поставлять внѣ всякаго страха въ разсужденіи разбойниковъ, даже не говоря о парѣ вашихъ защитниковъ, которые, кажется, годятся для всякаго

оленя, и противъ которыхъ не многіе и изъ людей могутъ устоять.“

„Лѣсничій — сказалъ отшельникъ — дозволилъ мнѣ ихъ держать для защиты въ моемъ уединеніи, до того времени, какъ уменьшится здѣсь опасность.“

Говоря такимъ образомъ, онъ воткнулъ свѣтильникъ въ желѣзный раздвоенный прутъ утвержденный въ стѣнѣ, поправилъ въ печуркѣ огонь, прибавилъ въ нее нѣсколько дровъ, сѣлъ на скамью возлѣ стола и сдѣлалъ знакъ Рыцарю, чтобъ и онъ садился.

Сначала они оба смотрѣли другъ на друга съ важностію и, можетъ быть, каждый думалъ, что никогда не встрѣчался съ такимъ молодцемъ.

„Почтенный отшельникъ! — сказалъ Рыцарь — ежели бы я не опасался прервать ваши набожныя размышленія, то спросилъ бы васъ о трехъ вещахъ: первое, куда мнѣ поставить своего коня; потомъ, можете ли вы мнѣ дать ужинать; наконецъ, гдѣ я долженъ буду лечь спать?“

„Мои правила — отвѣчалъ отшельникъ — обязываютъ меня не прерывать молчанія безъ крайней надобности, и потому я вамъ буду отвѣчать, какъ могу, знаками.“ Тутъ, указавъ на два угла хи-

жины, продолжалъ: „Вотъ мѣсто для вашего коня, а вотъ для самихъ васъ.“ Потомъ, взявъ съ полки тарелку, на которой было нѣсколько сухаго гороха, и поставя ее на столъ, прибавилъ: „а вотъ вашъ ужинъ.“

Рыцарь пожалъ плечами, всталъ, вышелъ изъ хижины; потомъ, возвратился и привелъ своего коня, привязалъ его къ столбу, разсѣдлалъ, разуздалъ и, снявъ съ себя епанчу, покрылъ ею.

Заботливость Рыцаря о своемъ конѣ тронула отшельника; онъ осмотрѣлъ его, назвалъ благороднымъ животнымъ и, сказавъ, „Кажется, что лѣсничій, бывши у меня въ послѣдній разъ, оставилъ здѣсь нѣсколько овса и сѣна.“ вышелъ въ другую дверь. Потомъ возвратился, неся и то и другое, и помѣстилъ все предъ конемъ; наконецъ, вышедъ въ другой разъ, принесъ мѣшокъ листьевъ и разсыпалъ ихъ на мѣстѣ, назначаемомъ для ночлега Рыцарю, который поблагодарилъ его за заботливость. Послѣ этаго, они оба возвратились на скамью къ столу, на которомъ находилась тарелка съ сухимъ горохомъ. Отшельникъ прочиталъ продолжительную молитву на Латинскомъ языкѣ, которую впрочемъ очень трудно было понять,

потомъ подалъ примѣръ своему гостю, положивъ въ ротъ три, или четыре горошины.

Рыцарь, желая ему послѣдовать, снялъ свой шлемъ и большую часть латъ, и отшельникъ увидѣлъ въ немъ молодаго человѣка, имѣвшаго лице, выражающее неустрашимость и рѣшительность, проницательные глаза, усы темнаго цвѣта и волосы на головѣ, нѣсколько свѣтлѣе усовъ, падающіе локонами.

Отшельникъ, какъ бы желая ему отплатить такою же довѣренностію, открылъ свой капюшонъ, и Рыцарь увидѣлъ, что лице его было полно и румяно, и не представляло никакихъ признаковъ трудовъ и поіщенія; что голова его покрыта была скуфьею, изъ-подъ которой видны были черные жесткіе волосы; что густыя черныя брови, почти соединенныя между собою, возвышались надъ глазами исполненными огня; и что вообще тѣлесная крѣпость и здоровье показывали въ немъ человѣка, которому было не много болѣе тридцати лѣтъ, и который питался кушаньями болѣе сытными, нежели сухой горохъ. Рыцарь не оставилъ этаго обстоятельства безъ замѣчанія. Онъ, разжевавъ съ полдюжины

горошинъ, попросилъ у своего хозяина чего-нибудь ихъ запить.

Отшельникъ взялъ кружку съ водою, отпилъ самъ не много, и поставилъ ее передъ Рыцаремъ.

„Почтенный отецъ! — сказалъ Рыцарь — мнѣ кажется, что этотъ сухой горохъ, котораго вы столь мало ѣдите, и эта вода, которой не болѣе пьете, имѣютъ чудесное свойство. Вашъ видъ показываетъ человѣка способнаго болѣе бѣгать быстрѣе оленя, и единоборствовать съ непріятелемъ, нежели проводить свое время въ пустынѣ, занимаясь чтеніемъ молитвъ и пѣніемъ псалмовъ.“

„Вы судите, г. Рыцарь, какъ человѣкъ, живущій въ мірѣ. Богъ благословляетъ мою скудную пищу.“

„Почтенный отецъ дозволитъ ли мнѣ узнать его имя?“

„Съ удовольствіемъ. Меня въ здѣшнемъ околодкѣ зовутъ пустынникомъ Копмангурстскимъ, къ чему, правда, прибавляютъ прозваніе святаго, но я его не принимаю, почитая себя того недостойнымъ. А вы, храбрый Рыцарь, скажите ли также мнѣ ваше имя?“

„Съ удовольствіемъ, г. Копмангурстскій пустынникъ. Меня въ здѣшнемъ

околодкѣ зовутъ *Чернымъ* Рыцаремъ, къ чему, правда, прибавляютъ прозваніе *Безпечнаго;* но я его не принимаю, почитая себя того недостойнымъ.“

Отшельникъ не могъ не усмѣхнуться, услышавъ этотъ отвѣтъ.

„Г. *Безпечный* Рыцарь, — сказалъ онъ — я вижу, что вы человѣкъ умный и осторожный; вы привыкли къ свободѣ и роскоши, встрѣчающимся при дворахъ, въ воинскомъ станѣ и въ большихъ городахъ. Ежели я не ошибаюсь, кажется, что лѣсничій, въ послѣднее свое посѣщеніе, сверхъ сѣна и овса, оставилъ у меня какое-то кушанье, къ которому я не прикасался, сохраняя обязанность моего сана. Погрузившись въ свои размышленія, я не вспомнилъ прежде о немъ.“

„Я готовъ поручиться, что онъ точно оставилъ здѣсь это кушанье. — сказалъ Рыцарь — Какъ скоро я увидѣлъ ваше лице, то и убѣдился, что въ вашей пустынѣ находится что-нибудь болѣе питательное, нежели сухой горохъ. Вашъ лѣсничій рѣдкій человѣкъ. Да и можно ли видѣть, какъ ваши прекрасные зубы жуютъ сухой горохъ и какъ вы пьете простую воду, не озаботясь доставить вамъ лучшую пищу? Эта провизія, —

прибавилъ онъ, указавъ на горохъ — годится только для моего коня. Итакъ посмотримъ поскорѣе, въ чемъ заключается щедрость добраго лѣсничаго?"

Отшельникъ бросилъ проницательный взоръ на своего гостя; черты лица его изобразили сначала комическое недоумѣніе; но благородный видъ Рыцаря истребилъ его подозрѣніе. Онъ пошелъ вовнутренность хижины, отворилъ шкафъ который былъ искусно скрытъ, и вынувъ изъ него огромный пирогъ, поставилъ его на столъ. Рыцарь немедленно разрѣзалъ пирогъ своимъ кинжаломъ и поспѣшилъ удостовѣриться въ его достоинствѣ.

„Давно ли, почтенный отецъ, былъ у васъ лѣсничій?" Спросилъ Рыцарь.

„Мѣсяца съ два назадъ.„ Отвѣчалъ отшельникъ.

„Поистиннѣ, все въ вашей пустынѣ чудесно; я готовъ бы увѣрять, что дичь, съ которою испеченъ этотъ вкусный пирогъ, бѣгала на нынѣшней недѣлѣ въ здѣшнемъ лѣсу."

Это замѣчаніе смѣшало отшельника, смотрѣвшаго съ сожаленіемъ на сильный приступъ Рыцаря къ пирогу, и не рѣшавшагося къ оному прикоснуться, послѣ удостовѣреній въ своей посной жизни.

„Послушайте, г. пустынникъ, — сказалъ Рыцарь — въ Палестинѣ наблюдается, чтобъ предлагающій гостю кушанья, прежде самъ ихъ отвѣдывалъ, въ доказательство, что въ нихъ нѣтъ ничего вредняго. Сохрани меня Богъ подозрѣвать васъ въ зломъ намѣреніи; но я очень былъ бы радъ, ежели бы вы согласовались съ этимъ обыкновеніемъ.“

„Чтобъ сдѣлать вамъ угодное, г. Рыцарь, и чтобъ совершенно васъ успокоить, я отступлю въ первый разъ отъ своихъ правилъ воздержанія.“ Пустынникъ, сказавъ это, приближился къ пирогу.

Послѣ уничтоженія такимъ образомъ препятствія, гость и хозяинъ принялись въ запуски за пирогъ, и какъ Рыцарь ни былъ голоденъ, но пустынникъ его перещеголялъ.

„Г. пустынникъ, — сказалъ Рыцарь — я готовъ побиться объ закладъ, что добрый лѣсничій, оставившій этотъ вкусный пирогъ, оставилъ и то, чѣмъ прилично его запить; это обстоятельство конечно не достойно было оставаться въ вашей памяти; но я увѣренъ, что вы найдете, ежели поищите, и питье повкуснѣе воды.“

Отшельникъ поглядѣлъ вновь проницательно на Рыцаря, усмѣхнулся и, вставъ, отворилъ опять шкафъ, вынулъ изъ него большую кожаную бутылку, съ двумя роговыми стаканами, оправленными въ серебро, поставилъ на столъ и, рѣшившись уже болѣе не притворяться, наполнилъ оба стакана, взялъ одинъ изъ нихъ, сказалъ: „за ваше здоровье, г. *Безпечный*.“ и выпилъ разомъ.

„За ваше, г. пустынникъ. — сказалъ Рыцарь, послѣдуя ему — Да скажите мнѣ: отъ чего человѣкъ, такъ сильный и здоровый, какъ вы, притомъ имѣющій всѣ нужныя дарованія для свѣтской жизни, рѣшился жить въ подобномъ уединеніи? Мнѣ кажется, что вамъ приличнѣе носить шлемъ, владѣть копьемъ и товариществовать за вкуснымъ столомъ, нежели вести отшельническую жизнь, питаться горохомъ, или получать подаяніе отъ лѣсничаго. Ежели бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, то забавлялся бы покрайней мѣрѣ охотою и травилъ бы Королевскихъ дикихъ козъ, которыхъ въ этомъ лѣсу очень много.“

„Г. *Безпечный*, — сказалъ пустынникъ — подобные разговоры опасны, и я прошу васъ ихъ прекратить. Я вѣренъ и Богу, и Королю. Дозволивъ себѣ охо-

питься въ этомъ лѣсу, я могъ бы подвергнуться не только заключенію въ тюрьму, но даже и висѣлицѣ.“

„Совсѣмъ тѣмъ, — сказалъ *Черный* Рыцарь — ежели бы я жилъ въ этой пустынѣ, то при лунномъ сіяніи, когда лѣсные сторожа спятъ дома, увидѣвъ стада дикихъ козъ, пустилъ бы въ нихъ нѣсколько стрѣлъ. Скажите мнѣ чистосердечно, неужели вы этимъ никогда не забавляетесь?“

„Любезный другъ, г. *Безпечный* Рыцарь, вы видѣли въ моей кельи все, что могло быть достойно вашего вниманія, и даже болѣе, нежели бы должно человѣку, вошедшему почти насильно; послушайте же, пользуйтесь тѣмъ, что Богъ послалъ, и не заботьтесь узнавать, откуда оно. Наполните свой стаканъ, пейте, ѣште, но не принуждайте меня новыми нескромными вопросами доказать вамъ, что вы не вошли бы ко мнѣ, ежели бы я желалъ рѣшительно васъ не пустить.“

„По чести, вы еще болѣе возбуждаете мое любопытство; вы самый таинственный пустынникъ; и мнѣ надобно съ вами болѣе познакомиться прежде, нежели мы разстанемся .... Что жь касается до вашихъ угрозъ, почтенный

отецъ, то знайте, что вы говорите съ человѣкомъ, котораго ремесло итти на встрѣчу всякимъ опасностямъ.“

„За ваше здоровье, г. *Безпечный*, я уважаю вашу неустрашимость, но не могу быть высокаго мнѣнія о вашей скромности; впрочемъ, ежели бы вы захотѣли сразиться со мною равнымъ оружіемъ, то думаю, что я наказалъ бы васъ такою эпитиміею, послѣ которой вы цѣлый годъ не были бы грѣшны въ любопытствѣ.“

„Какое же ваше оружіе, храбрый пустынникъ Копмангурстскій.“

„Всякое, какое вамъ угодно; нѣтъ ни одного, которымъ бы я не былъ готовъ съ вами сразиться; но ежели вы предоставите мнѣ выборъ, то что, на примѣръ, заключите объ этихъ игрушкахъ?“

Сказавъ это, онъ отворилъ шкафъ въ другомъ углу хижины, и вынулъ изъ него два острые меча. Рыцарь, слѣдовавшій глазами за всѣми его движеніями, увидѣлъ, что въ шкафѣ находилось сверхъ того нѣсколько луковъ, стрѣлъ, копій, арфа и прочія вещи, совсемъ не нужныя пустыннику.

„Любезный другъ, — сказалъ Рыцарь — я вамъ не буду болѣе дѣлать нескромныхъ вопросовъ; то, что я вижу въ

этомъ шкафѣ, отвѣчаетъ на всѣ. Но тутъ между прочимъ есть оружіе, — прибавилъ онъ, взявъ арфу — на которомъ я желалъ бы съ вами преимущественно сразиться."

„Кажется, г. Рыцарь, что вы не такъ безпечны, какъ себя называете; но вы мой гость, и я не хочу испытавать вашу неустрашимость, безъ вашего на то желанія. Ежели вы умѣете сыграть какую пѣсню, то всегда съ удовольствіемъ будете приняты въ моей хижинѣ и можетъ быть всегда найдете въ ней кусокъ пирога. Сядемъ, будемъ пить, и грать и пѣть; вино дѣлаетъ и голосъ чище, и слухъ тоньше. Что касается до меня, мнѣ надобно довольно выпить, чтобъ сыграть что-нибудь."

Рыцарь послѣдовалъ его совѣту, впрочемъ не безъ труда настроивъ арфу.

„Недостаетъ одной струны, — сказалъ онъ — да и прочія въ дурномъ состояніи."

„Я очень радъ, что вы это замѣтили; все доказываетъ, что вы не новичекъ въ веселой наукѣ. Вино причиною такого состоянія арфы, — прибавилъ онъ съ важностію — вино и неумѣренность; я говорилъ Аланъ Далю, сѣверному пѣвцу: не дотрогивайся до арфы

послѣ седьмаго стакана. Онъ меня не послушался, и вотъ что изъ этаго вышло. За ваше здоровье."

Сказавъ это, онъ принялся за стаканъ, продолжая съ важностію порицать неумѣренность сѣвернаго пѣвца.

Между тѣмъ арфа была настроена и Рыцарь, попробовавъ ее, спросилъ у своего хозяина, что онъ хочетъ, чтобы онъ пропѣлъ.

„Балладу, Англійскую балладу. — отвѣчалъ отшельникъ — Она лучше всѣхъ Французскихъ романсовъ. Я откровенный Англичанинъ, г. Рыцарь; въ моей пустынѣ должно пѣть только по-Англійски."

„Такъ я вамъ спою балладу, сочиненную пѣвцомъ, видѣннымъ мною въ Палестинѣ."

Рыцарь не былъ совершеннымъ музыкантомъ, но довольно зналъ музыку; онъ пріятно пропѣлъ голосомъ, который отъ природы былъ не высокъ и не силенъ, и пѣніе его могло бы понравиться слушателямъ и болѣе просвѣщеннымъ, нежели его хозяинъ; особенно потому, что онъ, сообщая тонамъ выразительность, вливалъ чувства въ слова. Баллада его заключалась въ слѣдующемъ:

Рыцарь знатныя породы
За крестъ сражался въ Палестинѣ;
Онъ громилъ Срацинъ нещадно,
И доблестью блисталъ отличной;
Наконецъ, узрѣвъ отчизну,
И, въ славѣ, отъ любви сгарая,
Подъ окномъ своей любезной
Ей такъ онъ пѣлъ о возвращеньи:

*

Прелестей всѣхъ совершенство!
Узнай, твой Рыцарь предъ тобою,
Щитъ одинъ съ копьемъ оставленъ
Ему невѣрными, по битвахъ.
Храбрость въ немъ, твое созданье:
Онъ для тебя на все рѣшался,
Лишь желая, въ награжденье,
Улыбку красоты увидѣть.

*

Какъ въ странахъ повергъ Иконскихъ
Я страшнаго вождя невѣрныхъ,
Крѣпость ты рукѣ и силу
Дала, и мечь въ ней утвердила;
Имя возклицая *милой*,
Достойнымъ быть ее стараясь,
Идолопоклонцевъ сотни
Я поражалъ моей рукою.

*

Моею славою всегда
Славна краса твоя пребудетъ,
Будутъ въ вѣчности жить вмѣстѣ
Они всегда, не разлучаясь:

Станетъ пѣть на громкой лирѣ
Когда пѣвецъ мои побѣды,
Скажетъ, что улыбкой Эльмы,
Они награждены стократно.

Во время пѣнія Рыцаря, отшельникъ уподоблялся записному критику, находящемуся при первомъ представленіи Оперы: голова его была нѣсколько наклонена впередъ, глаза почти закрыты, руки его были соединены, и пальцы касались одинъ другаго. Когда голосъ пѣвца не могъ возвышаться столько, сколько требовало согласіе по мнѣнію отшельника, тогда онъ помогалъ своимъ голосомъ, и, по окончаніи баллады, сказалъ, что она была очень хорошо пропѣта.

„Между тѣмъ, — прибавилъ онъ — я подозрѣваю храбраго Рыцаря, моего соотечественника, героя вашей баллады, что онъ долго жилъ съ Норманцами, потому что, кажется, принялъ ихъ разнѣженный тонъ. Уѣзжая рыцарствовать и оставляя свою любезную, не долженъ ли онъ былъ ожидать, что по возвращеніи найдетъ ее улыбающуюся его сопернику, болѣе его искательному? а послѣ этаго, къ чему выдумать пѣть подъ ея окнами, когда она на пѣніе его столь же мало обращала вниманія, какъ на мяуканье кошки? Я пью за здоровье истинно влю-

бленныхъ; кажется, вы не изъ числа ихъ, *г. Безпечный!*" Сказалъ онъ, увидѣвъ, что Рыцарь, боясь, чтобъ столь частыя и полныя повторенія здоровья, не разгорячили его головы, взялъ кружку и прибавилъ изъ нее воды въ свое вино.

Пустынникъ принялся за арфу, заигралъ и пропѣлъ балладу въ свою очередь. Они пѣли, смѣялись, разговаривали два, или три часа, наконецъ услышали у дверей стукъ.

Что было причиною этаго стука, мы не иначе можемъ объяснить, какъ обратившись прежде къ прочимъ лицамъ нашего повѣствованія; мы, подобно Аріосту, не беремъ на себя неотступно слѣдовать за каждымъ изъ нихъ, не разставаясь.

Глава VI.

Цедрикъ, увидѣвъ, что сынъ его упалъ безъ чувствъ на поприщѣ, хотѣлъ въ первомъ движеніи приказать своимъ людямъ взять его и подать ему всю возможную помощь; но удержался отъ того, не рѣшаясь показать, что узналъ изгнаннаго изъ дому и лишеннаго наслѣдства своего сына. Наконецъ самолюбіе уступило родительской любви; онъ подозвалъ Освальда и приказалъ ему, взявъ нѣсколько человѣкъ, отнести Вильфрида въ свой шатеръ и доставить ему все нужное; но прежде, нежели Освальдъ успѣлъ сыскать людей, сойти на поприще и продраться сквозь толпу, Рыцарь уже былъ унесенъ. Освальдъ его не нашелъ, и не могъ узнать, куда онъ девался, казалось что волшебная сила скрыла его.

Освальдъ, суевѣрный, подобно всѣмъ Саксонцамъ, можетъ быть, такъ бы и заключилъ, ежели бы въ тоже время не привлекъ его вниманія Гуртъ, увидѣнный имъ въ платьѣ оруженосца, который, забывъ о необходимой для самаго себя предосторожности, искалъ своего господина и былъ въ отчаяніи, не находя его. Освальдъ почелъ должнымъ взять Гурта и представить, какъ бѣглеца, Цед-

рику. Наконецъ узнавъ, что Рыцаря взяли хорошо одѣтые слуги, помѣстили въ повозку одной дамы, бывшей въ числѣ зрителей, и увезли съ поприща, онъ отправился съ этою вѣстію къ Цедрику, и повелъ съ собою Гурта.

До возвращенія Освальда, Танъ былъ въ чрезвычайномъ безпокойствѣ на счетъ своего сына; природа брала свои права, не смотря на Стоическую его твердость, стремившуюся ихъ заглушить; но услышавъ, что другіе обратили уже на него вниманіе, и полагая, что они доставятъ ему всю нужную помощь, онъ опять дозволилъ гордости и досадѣ взять поверхность надъ родительскою любовію. „Что мнѣ до него нужды? — говорилъ онъ — Пусть тѣ и заботятся о его излѣченіи, за которыхъ онъ подвергалъ себя опасности; онъ болѣе способенъ отличаться въ Норманскихъ играхъ, нежели поддерживать честь и славу Саксонцевъ, своихъ предковъ, мечемъ и бердышемъ, древнимъ оружіемъ своего отечества.“

„Ежели для поддержанія чести своихъ предковъ — сказала Лади Ровена — достаточно благоразумія въ предпріятіи, непоколебимости въ исполненіи, необыкновенной храбрости, отличнаго смиренія

и покорности, то одинъ голосъ его отца можетъ . . . . ."

Пощадите меня, почтеннѣйшая Лади Ровена. — сказалъ Цедрикъ — Это одинъ предметъ, о которомъ я прошу васъ не говорить со мною. Приготовтесь ѣхать на праздникъ къ Принцу, мы преглашены имъ съ такою вежливостію, какую гордые Норманцы рѣдко оказывали Саксонцамъ со времени несчастнаго Гастингскаго сраженія. Я туда поѣду, даже и для того чтобъ доказать этимъ надменнымъ Норманцамъ, сколь мало дѣйствуетъ на Саксонца положеніе сына, побѣдившаго храбрѣйшихъ ихъ Рыцарей."

„Я туда не поѣду, — сказала рѣшительно Лади Ровена — и берегитесь, чтобъ чувство, почитаемое вами твердостію, не было принято за жестокость сердца и за нечувствительность."

„Въ этомъ ваша воля, — сказалъ Цедрикъ — и мнѣ кажется, что ежели можно чье сердце называть жестокимъ и нечувствительнымъ, то, можетъ быть, не ваше ли, почтеннѣйшая Лади Ровена? потому что вы жертвуете выгодами цѣлаго утѣсненнаго народа слѣпой и безполезной страсти. Я поѣду на праздникъ къ Іоанну Анжуйскому съ почтеннымъ Ательстаномъ."

Они, какъ мы уже видѣли, дѣйствительно были на этомъ праздникѣ, послѣ котораго, заѣхавъ за Лади Ровеною, немедленно отправились изъ Ашби. Въ это время Цедрикъ въ первый разъ замѣтилъ Гурта. Почтенный Саксонецъ, возвратившійся не въ лучшемъ расположеніи съ праздника, искалъ случая кого-нибудь побранить, и бѣдный Гуртъ сдѣлался первою жертвою его гнѣва. Цедрикъ закричалъ: „Связать его связать. Освальдъ! Ундибертъ! что вы стоите? какъ вы смѣете оставлять на волѣ этого негодяя?“ Товарищи Гурта не осмѣливаясь выговорить ни слова въ его пользу, связали ему руки назадъ ремнемъ, и бывшій оруженосецъ безмолвно тому повиновался. Онъ только взглянулъ на своего господина и сказалъ: „Это за то, что я люблю вашу кровь болѣе моей собственной.“

„Впередъ!“ Сказалъ Цедрикъ.

„Ужъ давно пора, — сказалъ Ательстанъ — и ежели мы не поспѣшимъ въ пути, то ужинъ у Вальтофскаго игумена будетъ хоть брось.“

Путешественники скорою ѣздою предупредили это несчастіе. Игуменъ, происходившій самъ отъ древней Саксонской фамиліи и дальный родственникъ

Цедрику, оказалъ въ полной мѣрѣ гостепріимство знатнымъ Саксонцамъ, и ужинъ у него былъ также хорошъ, какъ обѣдъ у Принца. За столомъ просидѣли долго за полночь, и на утро, не прежде пустилиеь въ путь, какъ порядочно позавтракавъ.

Во время самаго выѣзда изъ воротъ встрѣтилось съ путешественниками обстоятельство, встревожившее ихъ, потому что Саксонцы въ то время изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ были самымъ суевѣрнѣйшимъ. Норманцы съ ними въ этомъ не ровнялись: они были народъ смѣшеннаго произхожденія, приближавшійся болѣе Саксонцевъ къ образованности, забывшій большую часть предразсудковъ, вывезенныхъ ихъ предками изъ Скандинавіи, и гордящійся уже своимъ просвѣщеніемъ въ этомъ отношеніи.

Обстоятельство, встревожившее путешественниковъ и принятое ими за предзнаменованіе несчастія, заключалось въ слѣдующемъ: Едва первые изъ нихъ показались изъ воротъ, какъ сидѣвшая близь оныхъ на заднихъ лапахъ большая черная собака завыла, потомъ начала съ воемъ бѣгать вокругъ путешественниковъ.

„Мнѣ не нравится эта музыка.“ Сказалъ Ательстанъ Цедрику.

„И мнѣ то же, дядюшка! — сказалъ Вамба — я боюсь, чтобъ неплясавши не заплатить намъ за нее.“

„Мнѣ кажется, — сказалъ Ательстанъ, нашедшій вкуснымъ доброе монастырское пиво, которымъ городъ Бюртонъ и въ то время уже славился— мнѣ кажется, что мы лучше сдѣлаемъ, ежели воротимся въ монастырь и поѣдемъ не прежде, какъ пообѣдавъ; встрѣча поутру зайца и собаки, которая воетъ, всегда почитается дурнымъ предзнаменованіемъ.“

„Помилуйте! — сказалъ Цедрикъ съ досадою — мы не успѣемъ доѣхать сего: дни.“ Онъ разсердился на собаку, которая не переставала выть, и бросилъ въ нее свое короткое копье. Эта собака была Фангъ, изъявлявшій какъ умѣлъ свою радость, отыскавъ Гурта; копье едва не пригвоздило его къ землѣ, и онъ завизжавъ, ушелъ далеко отъ разгневаннаго Тана и побѣжалъ позади всей свиты.

Гурту тяжелѣе было простить Цедрика въ томъ, что онъ хотѣлъ убить Фанга; нежели въ томъ, что велѣлъ самаго его связать: онъ заплакалъ и, не имѣя возможности отереть своими ру-

ками слезъ, подозвалъ Вамбу, который видя своего господина разсердившимся, имѣлъ благоразуміе отъ него отдалиться. „Вамба, — сказалъ Гуртъ — сдѣлай одолженіе, утри мнѣ слезы своею полою, я плачу отъ пыли, а веревки мѣшаютъ мнѣ самому утереться.“

Вамба исполнилъ его требованіе, и они нѣкоторое время ѣхали рядомъ; наконецъ Гуртъ, не имѣя возможности противиться своему чувству, сказалъ: „Послушай, любезный другъ, изъ всѣхъ дураковъ, которые столько глупы, что служатъ Цедрику, одинъ ты умѣлъ сдѣлать свою глупость ему пріятною; поди же къ нему и скажи, что ни изъ любви, ни изъ страха, Гуртъ болѣе ему не слуга. Онъ можетъ меня сковывать, сѣчь, морить, но никогда не заставитъ ни любить себя, ни повиноваться себѣ. Ступай же, скажи ему, что Гуртъ, сынъ Беовульфа, отказывается ему служить.“

„Сколь я ни глупъ, — отвѣчалъ Вамба — но такой глупости не сдѣлаю; копье у Цедрика еще въ рукахъ, и онъ рѣдко промахнется.“

„Можетъ быть, скоро онъ попадетъ имъ въ меня, но я объ этомъ не забочусь, и самъ скажу ему то, чего ты не хочешь сказать. Вчера онъ бросилъ своего

сына, моего молодаго барина, утопающаго въ крови; сегодни хотѣлъ убить при моихъ глазахъ животное, которое только одно меня любитъ: я этаго никогда ему не прощу."

„Но мнѣ кажется, — сказалъ Вамба, который игралъ роль примирителя — что Цедрикъ хотѣлъ только испугать Фанга, а не ранить; онъ для того и приподнялся на стременахъ, чтобъ ловчѣе бросить чрезъ него копье, и такъ бы и сдѣлалъ, ежели бы въ это время Фангъ къ несчастію не припрыгнулъ; притомъ копье только оцарапало собаку, и я ее какъ разъ вылечу."

„Ахъ! ежели бы это было точно такъ, — сказалъ Гуртъ — ежели бы ты меня въ этомъ могъ увѣрить; но нѣтъ, я видѣлъ, какъ летѣло копье, ударъ былъ вѣренъ; я слышалъ, какъ оно свистѣло; я замѣтилъ, какъ оно дрожало, воткнувшись въ землю будто съ досады, что не попало въ цѣль; нѣтъ, я ни за что не хочу ему служить."

Сказавъ это, онъ замолчалъ, и Вамба, не смотря на всѣ свои старанія, не могъ заставить его выговорить ни одного слова.

Въ это время Цедрикъ и Ательстанъ, ѣхавшіе впереди, разговаривали о по-

ложеніи своего государства, о несогласіи въ королевскомъ семействѣ, о раздорѣ между феодальными владѣтелями Норманскаго поколѣнія, о случаяхъ, представлявшихся тогда къ избавленію Саксонцевъ отъ Норманскаго ига, или, по крайней мѣрѣ, къ принужденію Норманцевъ бояться и уважать ихъ во время безпокойствъ, которыя казались неизбѣжными. На этомъ пунктѣ Цедрикъ былъ истиннымъ энтузіастомъ: возстановленіе независимости Саксонцевъ составляло единственное его желаніе, для достиженія до исполненія котораго, онъ охотно готовъ былъ жертвовать и семейственнымъ счастіемъ, и выгодами своего сына. Но, для произведенія этаго великаго переворота въ пользу старинныхъ жителей государства, нужно было совершенное между ими согласіе, и потребенъ былъ человѣкъ, происходящій отъ крови Саксонскихъ Королей, для начальства надъ Соксонцами и для направленія ихъ дѣйствій. Это составляло главное условіе всѣхъ кому Цедрикъ сообщалъ свои предположенія. Ательстанъ былъ послѣднимъ изъ потомковъ Саксонскихъ Королей, и хотя въ немъ не было всѣхъ, потребныхъ для предводителя, качествъ, но онъ имѣлъ хорошую наружность, былъ силенъ и

храбръ, не страшился военныхъ безпокойствъ; казалось, имѣлъ расположеніе слѣдовать совѣтамъ благоразумныхъ людей, и сверхъ того извѣстенъ былъ за щедраго, гостепріимнаго и добраго человѣка. Всѣ эти основанія казались достаточными для избранія его начальникомъ партіи. Но, при всемъ томъ, многіе были болѣе въ пользу Лади Ровены, происходившей по прямой линіи отъ великаго Альфреда и которой отецъ съ уваженіемъ воспоминался своими согражданами какъ человѣкъ, знаменитый своею храбростію, благоразуміемъ и великодушіемъ.

Самъ Цедрикъ, ежели бы хотѣлъ, могъ бы собрать партію въ свою пользу, и эта партія была бы не менѣе многочисленна какъ и прочія, потому что онъ хотя и не происходилъ отъ королевской крови, но въ знатности уступалъ только Лади Ровенѣ и Ательстану; былъ храбръ, дѣятеленъ и столь преданъ пользамъ Саксонцевъ, что получилъ отъ соотечественниковъ своихъ прозваніе *Саксонца*. Совсѣмъ тѣмъ, онъ былъ столь безкорыстенъ, что не желая ослаблять еще болѣе, и безъ того уже слабыхъ, своихъ согражданъ, отдѣленіемъ для себя партіи, имѣлъ глав-

ною цѣлію соединить прочія посредствомъ брака своей воспитанницы съ Ательстаномъ. Это самое было причиною, что замѣтивъ взаимную склонность Лади Ровены и своего сына, онъ изгналъ Вильфрида изъ отеческаго дома.

Цедрикъ, прибѣгая къ этой жестокости, надѣялся, что отсутствіе Вильфрида излѣчитъ Лади Ровену отъ привязанности ея къ нему; но ошибся въ своемъ расчетѣ, чему самое воспитаніе, данное имъ Саксонской Принцессѣ, было отчасти причиною. Онъ почиталъ священнымъ имя Альфреда и обращался съ нею съ такимъ уваженіемъ, какое въ то время едва оказывалось и настоящимъ Королевамъ. Воля Лади Ровены была для него всегда закономъ, и онъ поставлялъ за честь вести себя какъ первый изъ ея подданныхъ. Отъ чего Лади Ровена привыкла, ежели не всегда исполнять свои желанія, но всегда повелѣвать самовластно. Она не расположена была принуждать себя избрать супругомъ человѣка, котораго не любила, и рѣшилась поступать по своему желанію въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ женщины, и болѣе ее привыкшія къ повиновенію, не всегда повинуются волѣ своихъ родственниковъ и попечителей. Она откровенно

объяснила свои чувства Цедрику, который не могъ вдругъ принять тона повелителя и не зналъ какъ ее убѣдить.

Тщетно испытывалъ онъ прельщать ее блистаніемъ короны. Лади Ровена, награжденная хорошимъ разсудкомъ, не желала событія предположеній Цедрика и не почитала онаго возможнымъ, покрайней мѣрѣ, въ отношеніи къ самой себѣ; она не старалась скрывать склонности своей къ Вильфриду и объявила рѣшительно, что скорѣе согласится удалиться въ монастырь, нежели раздѣлять тронъ съ Ательстаномъ, котораго никогда не уважала и котораго начала не терпѣть, замѣтивъ его преслѣдованія.

Цедрикъ мало вѣрилъ постоянству женщинъ, и потому не переставалъ домогаться соединенія Лади Равены съ Ательстаномъ, почитаемаго имъ необходимымъ для пользы Саксонцевъ. Неожиданное появленіе Вильфрида на турнирѣ при Ашби поколебало его надежды, и родительская любовь, превозмогшая мгновенно его безмѣрную преданность къ отечеству, не сильна была удержать его отъ рѣшительности употребить послѣднія усилія для соединенія своей воспитанницы съ Ательстаномъ и не-

медленнаго принятія мѣръ къ возстановленію независимости Саксонцевъ.

Цедрикъ, ѣхавъ съ Ательстаномъ, разговаривалъ объ этомъ и съ огорченіемъ видѣлъ его совершенную холодность и нечувствительность тамъ, гдѣ желалъ встрѣтить душу, исполненную огня и восторга. Самолюбіе Ательстана удовлетворялось оказываемымъ ему уваженіемъ отъ Саксонцевъ, и онъ, при всемъ томъ, что находилъ удовольствіе слышать о знатности своихъ предковъ и о правахъ своихъ на корону, и что даже презиралъ самую опасность, все страшился безпокойства. Онъ соглашался съ Цедрикомъ, что Саксонцы имѣютъ право возвратить свою независимость и что ему должна принадлежать верховная власть надъ ними; но становился опять Ательстаномъ *нерѣшительнымъ*, когда нужно было дѣйствовать, отсрочивалъ, находилъ препятствія и ни на что не рѣшался. Весь восторгъ Цедрика не болѣе производилъ надъ нимъ дѣйствія, какъ раскаленное ядро надъ водою, въ которую падаетъ, то есть, шипѣніе нѣсколько дыму и мгновенное колебаніе.

Цедрикъ, говоря съ нимъ, уподоблялся человѣку, который куетъ холодное желѣзо, или погоняетъ лѣнивую и усталую лошадь; обращаясь же къ Лади Ровенѣ,

еще менѣе успѣвалъ и еще менѣе былъ доволенъ ея отвѣтами.

Лади Ровена разговаривала съ Эльгитою, любимою своею служанкою, о храбрости, оказанной Вильфридомъ на турнирѣ. Приближеніе Цедрика прервало ихъ разговоръ. Эльгита, желая ему за это отмстить, не пропускала случая намѣкать о томъ, какъ Ательстанъ былъ вышибенъ изъ сѣдла. Цедрикъ бѣсился: казалось, все соединялось, чтобъ умножать его неудовольствіе. Онъ не одинъ разъ проклиналъ и турниръ, и придумавшихъ его сдѣлать, и дозволившаго оный, и свое собственное дурачество, заведшее его на это зрѣлище.

Около полудня, по настоянію Ательстана, путешественники остановились позавтракать и покормить лошадей у источника на краю лѣса. Остановка, благодаря аппетиту Ательстана, была продолжительнѣе, нежели желалъ Цедрикъ, и потому нужно было поспѣшать въ пути, чтобъ засвѣтло доѣхать до Ротервуда.

Глава VII.

Путешественники переѣхали чрезъ обширную равнину и въѣзжали въ лѣсъ, въ которомъ укрывалось много разбойниковъ, состоявшихъ изъ людей, доведенныхъ до отчаянія и повергнутыхъ въ крайнюю бѣдность безпредѣльными поборами, и соединившихся большими шайками, довольно сильными для сопротивленія полиціи того времени. Между тѣмъ Цедрикъ и Ательстанъ, хотя и должны были ѣхать этимъ лѣсомъ нѣкоторое время ночью, не имѣли причины опасаться нападенія разбойниковъ, потому что были сопутствуемы десятью человѣками, хорошо вооруженными, не считая Гурта и Вамбы, которые, казалось, не могли сдѣлать никакой помощи въ случаѣ нападенія; первый потому, что у него были связаны руки, послѣдній потому, что званіе его не совмѣстно было съ храбростію. Къ этому должно присовокупить, что Цедрикъ и Ательстанъ, во время проѣзда своего чрезъ этотъ лѣсъ, между прочимъ, полагались на общее къ нимъ уваженіе столько же, сколько на свою неустрашимость. Большая часть людей, которыхъ преслѣдованіе и особенно строгія узаконенія объ охотѣ,

рѣшили жить въ лѣсахъ и въ оныхъ разбойничать, были Саксонскіе крестьяне, отъ которыхъ можно было надѣяться, что они сохранятъ уваженіе къ Саксонскимъ владѣльцамъ, никогда не сдѣлавшимъ имъ никакой непріятности.

Путешественники, при самомъ въѣздѣ въ лѣсъ, были встревожены услышанными не въ далекомъ разстояніи жалобами и стенаніями. Они подъѣхали къ тому мѣсту, откуда былъ слышанъ голосъ, и увидѣли закрытую повозку безъ лошадей, а близь оной плачущую молодую женщину, одѣтую въ богатое жидовское платье, и старика, котораго желтая шапка показывала, что онъ былъ Іудеянинъ, и который ходилъ, восклицая и ломая себѣ руки, какъ человѣкъ, находящійся въ отчаяніи.

Этотъ Іудеянинъ былъ опять нашъ прежній пріятель Исаакъ Іоркскій. Ательстанъ и Цедрикъ спрашивали у него: какимъ образомъ онъ очутился тутъ съ молодою женщиною и съ повозкою безъ лошадей и безъ проводниковъ? Сначала Исаакъ повторилъ свои воззванія ко всѣмъ Патріархамъ, потомъ разсказалъ, что нанятые имъ люди, для отвоза его съ дочерью изъ Ашби въ Донкастерсъ, бросили ихъ здѣсь и увели съ собою лоша-

дей своихъ, или боясь разбойниковъ, о которыхъ сказалъ встрѣтившійся дровосѣкъ, что недалеко видѣлъ большую ихъ шайку, или по иной причинѣ, которую Исаакъ незаботился объяснять. „Вы никогда не встрѣтите лучшаго случая къ оказанію благодѣянія, — сказалъ жидъ, съ видомъ совершеннаго униженія — какъ сдѣланіе намъ милости, дозволеніемъ продолжать путь подъ вашимъ покровительствомъ.“

„Нечестивый жидъ! — сказалъ Ательстанъ, который былъ очень памятливъ, особенно когда кѣмъ-нибудь былъ обиженъ, — развѣ ты забылъ, что сдѣлалъ въ галлереѣ въ первый день турнира? Прячься отъ разбойниковъ, дерись или мирись съ ними, дѣлай что хочешь, но не жди отъ насъ помощи; ежели бы разбойники грабили только подобныхъ тебѣ людей, которые грабятъ сами всѣхъ, то я почиталъ бы ихъ честнѣйшими людьми.“

Жестокій отзывъ Ательстана не былъ одобренъ Цедрикомъ. „Мы лучше сдѣлаемъ, — сказалъ онъ — ежели удѣлимъ имъ нѣсколько лошадей, чтобъ они могли доѣхать до ближней деревни, и дадимъ имъ для защиты двухъ воиновъ; это хотя и уменьшитъ наши силы, но, по-

чтенный Ательстанъ, мечи наши и осмеро воиновъ, которые при насъ останутся, достаточны будутъ для отраженія и двадцати разбойниковъ."

Лади Ровена, которую извѣстіе о разбойникахъ хотя нѣсколько и испугало, сильно поддерживала предположеніе своего попечителя. Ревекка подбѣжала къ ней, преклонила колѣно, взяла полу ея платья и почтительно поцѣловала оную, по обыкновенію восточныхъ странъ, гдѣ это всегда дѣлаютъ, разговаривая съ высшими. Ревекка, послѣ оказанія сего знака уваженія, встала и начала просить Лади Ровену, сжалиться надъ ними и дозволить имъ продолжать путь вмѣстѣ съ собою. „Я не для себя прошу у васъ этой милости, — сказала она — даже и не для старика отца моего; я знаю, что достаточно имени нашего, чтобъ презрить насъ; но въ этой повозкѣ есть раненый человѣкъ, онъ Христіанинъ, дозвольте намъ довести его подъ вашимъ покровительствомъ; вы конечно никогда не простили бы себѣ отказа въ этомъ, ежели бы онъ былъ причиною какого нибудь несчастнаго для этаго человѣка послѣдствія."

Благородство вида и голосъ Ревекки тронули Лади Ровену.

„Этотъ старикъ безъ всякой защиты, — сказала она Цедрику — эта дѣвица проситъ такъ убѣдительно, въ повозкѣ же есть раненый человѣкъ, и мы не были бы Христіанами, ежели бы не оказали имъ помощи въ такой крайности. Мы можемъ имъ удѣлить двухъ муловъ для повозки и двухъ лошадей для самихъ ихъ, и дозволить имъ ѣхать съ нами."

Цедрикъ согласился на это безъ затрудненія, а Ательстанъ только потребовалъ, чтобъ Іудеяне ѣхали позади всѣхъ. „Тамъ они встрѣтятъ Вамбу — сказалъ онъ — и я полагаю, что у него есть еще прежній щитъ для обороны."

„Я оставилъ мой щитъ на полѣ сраженія, — сказалъ Вамба — эта участь не одного меня постигла."

Ательстанъ покраснѣлъ отъ досады, потому что это съ нимъ случилось въ послѣдній день турнира, но не рѣшился ничего сказать; а Лади Ровена, которой это очень понравилось, желала заставить Ревекку забыть сдѣланный Ательстаномъ непріятный отзывъ, и предложила ей ѣхать рядомъ съ собою.

„Это будетъ неприлично, — сказала Ревекка съ уваженіемъ, смѣшаннымъ нѣсколько съ гордостію — товарищество

мое можетъ почесться унизительнымъ для моей великодушной покровительницы.“

Между тѣмъ развьючивали двухъ муловъ и раздѣлили ихъ вьюки на другихъ. Все это дѣлалось очень проворно, потому что приближеніе ночи и мысль о разбойникахъ прибавляли каждому дѣятельности.

Въ это время Гуртъ сказалъ, что веревки дѣлаютъ ему большую боль. Вамба взялся ихъ ослабить, но случайно, или съ намѣреніемъ, такъ худо ихъ завязалъ, что Гуртъ скоро нашелъ средство совсѣмъ отъ нихъ избавиться и скрыться въ густотѣ лѣса, прежде нежели успѣли сѣсть на лошадей.

Исааку назначено было мѣсто на одной лошади съ Гуртомъ, и никто не замѣчалъ, оба ли они сидятъ на ней, потому что все вниманіе обращено было на разбойниковъ, которыхъ полагали встрѣтить.

Путешественники ѣхали узкою тропинкою одинъ за другимъ и спускались подъ гору, подлѣ ручья, текущаго болотистымъ мѣстомъ, между растущихъ по берегу старыхъ вѣтвистыхъ ивъ. Цедрикъ и Ательстанъ, ѣхавшіе впереди, видѣли что это мѣсто очень удобно для напа-

денія разбойникамъ и что одна скорая ѣзда могла предупредить оное; но не было возможности ѣхать скоро, потому что лошади вязли на каждомъ шагу. Путешественники, переѣхавъ въ бродъ ручей и едва взъѣхавъ на другой берегъ, увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ множествомъ вооруженныхъ людей, которые, чтобъ лучше представить Саксонскихъ разбойниковъ, громко кричали: „Во имя Св. Георгія! Во имя Англіи!"

Цедрикъ и Ательстанъ немедленно были взяты, но различнымъ образомъ: Цедрикъ бросилъ свое копье въ перваго, встрѣтившагося ему непріятеля, и ударъ былъ вѣрнѣе, нежели въ Фанга, потому что копье Цедриково пригвоздило мнимаго разбойника къ дереву, близь котораго онъ стоялъ. Цедрикъ, сдѣлавъ это, немедленно выхватилъ свой мечь и хотѣлъ имъ поразить другаго, но, въ запальчивости, зацѣпилъ мечемъ засукъ толстаго дерева и изломалъ его. Въ это время нѣсколько человѣкъ бросились къ *Саксонцу*, сняли его съ лошади и взяли въ плѣнъ. Ательстанъ же подвергся подобной участи, не успѣвъ даже рѣшиться, на кого изъ нападающихъ обратить свое оружіе и что сдѣлать, что-

бы поставить себя въ оборонительное положеніе.

Люди, составлявшіе ихъ свиту и находившіеся между навьюченными мулами, удивленные и устрашенные участію своего господина, почти не противопоставляли никакого сопротивленія, и легко были обезоружены напавшими на нихъ людьми, которые также взяли Лади Равену, находившуюся посрединѣ, и Исаака съ его дочерью, бывшихъ позади.

Никто не избѣгъ плѣна, исключая одного Вамбы, оказавшаго въ этомъ случаѣ болѣе храбрости, нежели тѣ, которые почитали себя его умнѣе. Онъ, выхвативъ мечь у одного изъ служителей, который, казалось, не расположенъ былъ дѣлать изъ него употребленія, защищался съ такимъ искусствомъ, что долго не допускалъ къ себѣ никого, и даже покушался помочь своему господину; но видѣвъ, что это не возможно и что всѣ его товарищи были уже связаны, спустился тихонько съ лошади и пользуясь темнотою и общимъ замѣшательствомъ, ушелъ въ лѣсъ.

Совсѣмъ тѣмъ, храбрый шутъ, едва увидѣлъ себя на свободѣ, какъ началъ думать о томъ, чтобъ возвратиться

раздѣлить плѣнъ съ своимъ господиномъ которому былъ искренно преданъ.

„Я слыхалъ, — думалъ онъ — что свобода есть большое счастіе, но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ умный человѣкъ растолковалъ такому дураку, какъ я, что ему дѣлать съ свободою, которую онъ получилъ противъ воли?“

„Вамба!“ Сказалъ кто - то тихо, и подбѣжала собака, въ которой Вамба узналъ Фанга.

„Гуртъ! — отвѣчалъ Вамба, также тихо — ты ли это?“

„Я, — отвѣчалъ Гуртъ, подошедъ къ нему — но что̀ значитъ это оружіе?“

„Бездѣлица: они всѣ въ плѣну.“

„Въ плѣну! кто?“

„Нашъ господинъ, Лади Ровена, Освальдъ и всѣ прочіе.“

„Ради Бога, скажи, кто ихъ взялъ въ плѣнъ и какъ?“

„Цедрикъ сражался слишкомъ проворно, Ательстанъ слишкомъ медленно, а прочіе совсѣмъ не сражались. Люди, взявшіе ихъ въ плѣнъ одѣты въ зеленое платье и въ маскахъ, Всѣ наши товарищи лежатъ на травѣ связанные, и я бы позабавился надъ ними, сжели бы могъ не плакать.“

Гуртъ покраснѣлъ. „Вамба! — сказалъ онъ — ты вооруженъ, сердце твое лучше

твоей головы, насъ только двое, но внезапное нападеніе на людей, которые его не ожидаютъ, можетъ быть успѣшно. Ступай за мною, надобно избавить Цедрика."

„Да развѣ ты забылъ, Гуртъ! что еще часу не прошло, какъ ты клялся, что никогда ему не простишь."

„Тогда онъ не имѣлъ нужды въ моей помощи. Пойдемъ, ступай за мною."

Въ это время между ими явился третій человѣкъ, котораго, по его наряду и вооруженію, можнобы было почесть за одного изъ людей, взявшихъ въ плѣнъ Цедрика, потому что онъ отличался отъ нихъ только тѣмъ, что былъ безъ маски; но по спокойному его и важному виду, по богатой перевязи и по висящему на ней рогу, Вамба узналъ въ немъ, не смотря на темноту, Локслея, стрѣлка, получившаго награду на турнирѣ.

„Что это значитъ, кто осмѣливается нападать и брать въ плѣнъ въ этомъ лѣсу?" Сказалъ онъ.

„Ихъ бы можно почесть за твоихъ товарищей, потому что не возможно быть двумъ каплямъ воды болѣе похожимъ между собою." Отвѣчалъ Вамба.

„Я это сейчасъ узнаю. — сказалъ Локслей — Подождите меня здѣсь. Я вамъ

запрещаю подъ опасностію лишенія жизни сходить съ этаго мѣста до моего возвращенія. Повинуйтесь мнѣ, это будетъ полезно и для васъ, и для вашихъ господъ. Между тѣмъ нужно взять нѣкоторыя предосторожности.“

Сказавъ это, онъ снялъ съ себя перевязь, вынулъ перо изъ своей шапки, отдалъ ихъ Вамбѣ и, вынувъ изъ кармана маску и надѣвъ ее, еще подтвердилъ имъ, чтобъ они не сходили съ мѣста, и оставилъ ихъ.

„Дожидаться ли намъ его, или доказать ему, что у насъ есть ноги? — сказалъ Вамба — мнѣ кажется, что онъ самъ разбойникъ, и я незнаю по чему мы должны ему повиноваться?“

„Кто бы онъ ни былъ, — сказалъ Гуртъ — что мы теряемъ дожидаясь его? ежели онъ принадлежитъ къ этой шайкѣ разбойниковъ, то намъ отъ него уйти не куда, сверхъ того и между самыми разбойниками есть честные люди.“

Локслей не замедлилъ возвратиться.

„Я ихъ видѣлъ, — сказалъ онъ — и даже говорилъ съ ними; по платью они меня почли за своего товарища. Я знаю куда они ѣдутъ и кто они. Но ихъ много и они хорошо вооружены, послѣ чего

штроимъ напасть на нихъ было бы сумазбродство; надобно собрать больше силъ, и я знаю, гдѣ ихъ взять. Вы, думаю, оба вѣрные служители Цедрика *Саксонца*, итакъ слѣдуйте за мною. Никто не скажетъ, что другъ Англіи и Англичанъ будетъ имѣть недостатокъ въ помощи въ случаѣ опасности; но намъ нужно поспѣшить: они готовятся итти далѣе."

Сказавъ это и велѣвъ Вамбѣ и Гурту за собою слѣдовать, онъ пошелъ цѣликомъ чрезъ густой лѣсъ.

Вамба не могъ итти долго, молча. „Гуртъ! — сказалъ онъ въ полголоса, взглянувъ на перевязь и рогъ, бывшіе еще у него — эта награда, кажется, недавно дана за стрѣльбу?"

„А я, — сказалъ Гуртъ еще тише — побьюсь объ закладъ о всемъ стадѣ моего господина, что именно его голосъ я слышалъ, когда на турнирѣ третьяго дни говорилъ стрѣлокъ, получившій награду."

„Друзья мои, — сказалъ Локслей, который, не смотря на ихъ предосторожность, слышалъ ихъ разговоръ — все равно, кто бы я ни былъ. Ежели я успѣю освободить вашего господина, то вы будете почитать меня за луч-

шаго его друга во всей Англіи; а какъ я ни называюсь, искусно или нѣтъ стрѣляю изъ лука, днемъ или ночью люблю прохаживаться: это все до васъ не касается, и вы лучше сдѣлаете, ежели объ этомъ не будете заботиться.“

„Ну, братъ! — сказалъ тихо Вамба Гурту — мы всунули голову въ львиную пасть; Богъ вѣсть, вытащимъ ли ее назадъ.“

„Молчи, — отвѣчалъ Гуртъ — не разсерди его какою-нибудь глупостію; я надѣюсь, что все кончится хорошо.“

Глава ~~X~~ VIII

Не прежде, какъ чрезъ три часа скорой ходьбы, Вамба, Гуртъ и ихъ товарищъ достигли до поляны, посрединѣ которой находился большой старый дубъ, распространявшій во всѣ стороны свои густыя вѣтви. Пять или шесть человѣкъ, одѣтыхъ подобно Локслею, лежали подъ этимъ дубомъ, въ то время, какъ одинъ ходилъ взадъ и впередъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, въ видѣ часоваго.

Услышавъ шорохъ отъ приближенія нашихъ путешественниковъ, онъ встрѣвожилъ своихъ товарищей, которые немедленно схватили свои луки и приготовились пустить стрѣлы въ ту сторону съ которой слышали шорохъ, но начальникъ ихъ подалъ условный знакъ, и угрожающее ихъ положеніе уступило мѣсто уваженію и покорности.

„Гдѣ Менье?" спросилъ Локслей.

„На Ротергамской дорогѣ."

„Сколько съ нимъ человѣкъ?"

„Шесть и добрая надежда на добычу."

„Хорошо, а гдѣ Аланъ-Даль?"

„У Ватлинга съ четырмя человѣками, ожидаетъ проѣзда Жорвальскаго игумна."

„Это хорошо придумано, а гдѣ Тукъ?“

„Въ своей пустынѣ.“

„Я пойду къ нему, вы же ступайте въ разныя стороны и немедленно собирите всѣхъ нашихъ товарищей: дичь, за которою мы пойдемъ, не побѣжитъ отъ насъ, но будетъ защищаться. Чтобы всѣ были здѣсь за часъ до разсвѣта. Постойте, — прибавилъ онъ, когда они готовились исполнить его повелѣніе — я позабылъ главное. Двое изъ васъ должны, сколь можно проворнѣе, отправиться по Торквильстонской дорогѣ къ за̀мку Регинальна Фрондбефа. Шайка негодяевъ, переодѣтыхъ въ наше платье, везутъ туда плѣнными Цедрика *Саксонца* и его свиту. Это насъ обижаетъ и честь наша требуетъ отмщенія. Примѣчайте за ними съ особеннымъ вниманіемъ, потому что, хотя бы они и успѣли доѣхать до за̀мка прежде, нежели мы соединимъ наши силы, мы все должны за себя отмстить и освободить плѣнныхъ, которыхъ они захватили, переодѣвшись въ наше платье. Не теряйте же ихъ изъ виду, и самые проворные ходоки изъ васъ, чтобъ меня извѣщали о нихъ.“

Всѣ немедленно отправились въ разныя стороны, начальникъ же ихъ съ

Гуртомъ и Вамбою, смотрѣвшими на него съ нѣкоторымъ страхомъ и уваженіемъ, взяли направленіе къ пустынѣ Копмангуртской.

Въ то время, какъ они пришли на лужайку, на краю которой находилась описанная нами пристроенная къ скалѣ хижина Тука, Вамба сказалъ тихо Гурту: „Клянусь моими колокольчиками, что это разбойничье гнѣздо. Слышишь, какія молитвы распѣваютъ въ пустынѣ.“

Въ самомъ дѣлѣ въ это время веселый Тукъ и Рыцарь пѣли застольную пѣсню, повторяя:

„Искрометный сокъ
„Веселье намъ даетъ:
„Бутылку подавайте,
„Полнѣе наливайте.“

„Не худо пропѣто, — сказалъ Вамба — но скажите, ради Бога, кто бы ожидалъ услышать такую заутреню въ кельѣ отшельника?“

Въ это время Локслей постучался въ двери и встревожилъ Тука и его гостя.

„Бьюсь объ закладъ, — сказалъ Тукъ, остановившись въ срединѣ куплета — что это еще какой-нибудь заблудшійся путешественникъ. Мнѣ бы не хотѣлось по моему званію, чтобъ онъ засталъ насъ въ такихъ набожныхъ занятіяхъ

У всякаго есть свои непріятели, г. *Безпечный*, и найдутся такіе злые люди, которые оказываемое мною вамъ гостепріимство почтутъ за развратъ и за пьянство.“

„Низкіе клеветники! — сказалъ Рыцарь — я хотѣлъ бы ихъ за это проучить; но вы правы, г. Пустынникъ, у всякаго есть свои непріятели; въ здѣшнемъ королевствѣ находятся и такіе люди, которыхъ я также хочу лучше встрѣчать съ закрытымъ лицемъ.“

„Такъ наденьте же вашъ шлемъ, г. *Безпечный*, — сказалъ Тукъ — сколько можете проворнѣе; я же между тѣмъ спрячу въ шкафъ бутылку, стаканы и остатокъ пирога; а чтобы все прикрыть, пойте за мною, старайтесь только вести голосъ, не заботясь о словахъ, я и самъ врядъ ли ихъ знаю.“

Сказавъ это, онъ проворно спряталъ остатокъ ужина и запѣлъ громко по-Латынѣ; Рыцарь же, надѣвъ поспѣшно латы и шлемъ, и смѣясь отъ всего сердца, началъ помогать ему своимъ голосомъ.

„Что́ вы тамъ поете въ такое время?“ Вскричалъ Локслей, застучавъ въ дверь въ другой разъ.

Шумъ, происходящій отъ пѣнія и, можетъ быть, дѣйствіе повторенныхъ

многократно бокаловъ препятствовали Туку узнать голосъ Локслея. „Иди своею дорогою — отвѣчалъ онъ — и не мѣшай намъ въ нашихъ занятіяхъ.“

„Несносный человѣкъ! — вскричалъ Локслей—Не узнаешь что ли ты голоса Локслея?“

„Прекрасно, — сказалъ Тукъ — нечего бояться.“

„Кто же это такой? Мнѣ нужно знать, кто онъ?“ Сказалъ Рыцарь.

„Кто? Увѣряю васъ, что другъ.“

„Да что за другъ? Онъ можетъ быть другомъ тебѣ, а мнѣ врагомъ.“

„Кто онъ? Объ этомъ легче спросить, нежели на это отвѣчать; да, я вспомнилъ, это добрый лѣсничій, о которомъ я вамъ сказывалъ.“

„Такой же добрый лѣсничій, какъ ты набожный пустынникъ?“

„Точно.“

„Такъ отвори же ему дверь, ежели не хочешь, чтобъ онъ ее выломилъ.“ Сказалъ Рыцарь въ то время, какъ Локслей началъ стучать въ третій разъ.

Собаки, залаявшія сначала, почуявъ послѣ знакомаго человѣка, начали скрести лапами дверь, какъ бы изъявляя желаніе, чтобъ ее отперли.

Наконецъ дверь отворилась, и Локслей вошелъ съ своими двумя товарищами.

„Тукъ! гдѣ нашелъ ты этаго новаго товарища?“ Спросилъ Локслей, увидѣвъ Рыцаря.

„Онъ нашъ братъ, — отвѣчалъ Тукъ — мы провели ночь по нашему.“

„Онъ, кажется, членъ военнаго Ордена,— сказалъ Локслей — но дѣло не о томъ; намъ сегодня нужны всѣ наши товарищи до послѣдняго; итакъ сбрось свою рясу, положи четки и возьми лукъ и копье; но не съ ума ли ты сошелъ? — прибавилъ онъ, отведя его къ сторонѣ— За чѣмъ пустилъ ты къ себѣ этаго незнакомаго Рыцаря; развѣ ты забылъ наши прежнія правила?“

„Незнакомаго! Я его знаю, какъ нищій свою суму.“

„Какъ же его зовутъ?“

„Какъ его зовутъ! Какъ будто я стану пить съ человѣкомъ, котораго не знаю какъ зовутъ; его зовутъ *Безпечный*.

„Ну, братъ! ты безъ ума пилъ, и боюсь, что безъ ума и болталъ.“

„Исправный стрѣлокъ! — сказалъ Рыцарь — не укоряй моего веселаго хозяина, онъ не могъ отказать мнѣ въ госте-

„Это обязанность всякаго истиннаго Рыцаря, и мнѣ очень бы было жаль, ежели бы меня подозрѣвали неготовымъ сего исполнить.“ Сказалъ Рыцарь.

„Сверхъ этаго, я желалъ бы, чтобы вы были столь же добрымъ Англичаниномъ, какъ и храбрымъ Рыцаремъ, потому что предпріятіе, о которомъ я вамъ буду говорить, есть обязанность всякаго честнаго человѣка, а еще болѣе истиннаго Англичанина.“

„Въ этомъ случаѣ ты ни къ кому лучше не можешь обратиться, какъ ко мнѣ; польза послѣдняго изъ Англичанъ никому не можетъ быть столь драгоцѣнна, какъ мнѣ.“

„Итакъ, я вамъ скажу о предпріятіи, которому вы можете съ честію содѣйствовать, ежели вы въ самомъ дѣлѣ то, чѣмъ кажетесь. Мошенники, переодѣвшись въ платье людей, которые болѣе ихъ стоятъ, захватили знатнаго Англичанина, называющагося Цедрикомъ Саксонцемъ, его питомицу, его друга Ательстана Конингбургскаго и всю его свиту; они ихъ повезли въ замокъ Торквильстонъ, находящійся въ здѣшнемъ лѣсу и принадлежащій Норманскому владѣльцу. Я васъ спрашиваю, хотите ли вы, какъ

храбрый Рыцарь, какъ истинный Англичанинъ, помочь намъ ихъ освободить?"

„Я почитаю это моею обязанностію; но хотѣлъ бы знать, кто ты самъ, принимающій въ нихъ такое участіе?"

„Я . . . . . человѣкъ безъ имени, но другъ моего отечества и друзей его. Въ настоящее время, должно вамъ ограничиться этими свѣдѣніями обо мнѣ, и это для васъ тѣмъ легче сдѣлать, что вы и сами желаете оставаться въ неизвѣстности; притомъ будьте увѣрены, что слово мое такъ же вѣрно, какъ и слово человѣка, носящаго золотыя шпоры."

„Я охотно этому вѣрю; сдѣлавъ привычку познавать свойства людей по виду ихъ, я нахожу въ тебѣ человѣка честнаго и рѣшительнаго, и потому не буду тебя болѣе спрашивать, а ограничусь увѣреніемъ въ готовности моей отъ всего сердца содѣйствовать освобожденію угнѣтенныхъ плѣнниковъ; послѣ чего надѣюсь, что мы другъ друга лучше узнаемъ и будемъ довольны одинъ другимъ."

„Итакъ, — сказалъ Вамба на ухо Гурту, кончивъ одѣвать Тука и вслушавшись въ конецъ ихъ разговора — итакъ у насъ есть еще новый союзникъ. Я надѣюсь, что храбрость этаго Рыцаря

лучшей пробы, нежели набожность отшельника и честность нашего проводника, потому что Локслей мнѣ кажется настоящимъ браконьеромъ, а отшельникъ обманщикомъ."

„Молчи Вамба, — отвѣчалъ Гуртъ — молчи. Это все можетъ быть справедливо, но не о всякой правдѣ должно говорить; и кто бы ни вызвался помогать моему господину и Лади Ровенѣ, я не откажусь ни отъ кого принять помощь."

Тукъ, перемѣнивъ платье, вынулъ изъ шкафа оружіе, надѣлъ на лѣвую руку щитъ, привѣсилъ къ поясу охотничій ножъ, взялъ въ руки лукъ и копье, и, вышедъ за прочими изъ хижины, заперъ двери и спряталъ подъ порогомъ ключь.

„Но въ состояніи ли ты намъ помогать, не тяжела ли у тебя голова?" Спросилъ Локслей.

„Признаюсь, — отвѣчалъ Тукъ — что у меня въ глазахъ двоится и что ноги мои не такъ-то тверды; но вы увидите, что чрезъ нѣсколько минутъ все пройдетъ." Сказавъ это, онъ подошелъ къ каменному водоему, о которомъ мы упоминали, и, принавъ къ нему, началъ пить воду.

„Г. Копмантурскій Пустынникъ, — сказалъ *Черный* Рыцарь — сколько вре-

мени не пилъ ты такъ много этой воды?"

„Два года и три мѣсяца." Отвѣчалъ онъ; потомъ, окунувъ голову и руки въ воду и вставъ, вскричалъ: „Гдѣ эти притѣснители, эти похитители, увозящіе дѣвицъ безъ ихъ воли? Гдѣ они? Я въ состояніи управиться, по крайней мѣрѣ, съ дюжиною ихъ."

„Не говори этаго, г. отшельникъ." Сказалъ *Черный* Рыцарь.

„Нѣтъ болѣе отшельника, г. *Безпечный* Рыцарь. Снявъ рясу и надѣвъ зеленый кафтанъ, я уже не отшельникъ и ни въ чемъ не уступлю никакому воину."

„Полно, Тукъ. — сказалъ Локслей — Поторопимся впередъ. Теперь дѣло не о разсказахъ, а о томъ, чтобъ намъ соединить всѣ наши силы; это необходимо нужно на случай, ежели дѣло дойдетъ до приступа къ замку Регинальда Фрондбефа."

„Какъ? — сказалъ *Черный* Рыцарь — такъ это Регинальдъ Фрондбефъ изволитъ брать въ плѣнъ на большой дорогѣ Королевскихъ подданныхъ. Развѣ онъ сдѣлался притѣснителемъ и разбойникомъ?"

„Онъ всегда былъ притѣснителемъ."— Отвѣчалъ Локслей.

„И разбойникомъ. — прибавилъ Тукъ— Я увѣренъ, что онъ въ десятеро болѣе разбойникъ, нежели многіе изъ знакомыхъ мнѣ разбойниковъ."

„Впередъ, впередъ, — сказалъ Локслей — да молчи:) надобно поспѣшать на мѣсто соединенія, а не болтать о томъ, что изъ приличія и по благоразумію должно оставаться тайною.

Глава IX.

Въ то время, какъ въ пользу Цедрика и его товарищей принимались описанныя нами мѣры, люди, взявшіе ихъ въ плѣнъ, везли ихъ въ мѣсто ихъ заключенія. Ночь была темна, они не знали хорошо дороги, ѣздили взадъ и впередъ, и не иначе, какъ по появленіи зари, поѣхали скоро.

Въ продолженіи пути, начальники этихъ мнимыхъ разбойниковъ разговаривали между собою слѣдующее:

„Маврикій Браси! — сказалъ Бріанъ Буа-Гильбертъ — время вамъ насъ оставить и заняться вторымъ дѣйствіемъ нашей драмы: приготовиться къ ролѣ Рыцаря-освободителя."

„Я перемѣнилъ намѣреніе, — сказалъ Маврикій — и не прежде оставлю свою добычу, какъ отвезя ее въ за́мокъ Регинальда. Тамъ я явлюсь къ Лади Ровенѣ въ настоящемъ моемъ видѣ, и надѣюсь, что она припишетъ дѣйствію моей страсти мой поступокъ, въ которомъ ей признаюсь."

„Какая же причина заставила васъ перемѣнить прежній планъ?"

„Это, я думаю, касается до одного меня."

„Однако, надѣюсь, г. Рыцарь, что эта перемѣна не происходитъ отъ обиднаго подозрѣнія, которое Вальдемаръ старался поселить въ васъ противъ меня.“

„Я совѣтуюсь только съ самимъ собою. Говорятъ, что бѣсъ радуется, когда воръ у вора что̀ крадетъ; а извѣстно, что ни огнь, ни вода, ни пламя самого ада не въ состояніи воспрепятствовать Храмовому Рыцарю предаться своимъ страстямъ.“

„И начальнику свободныхъ войскъ не воспрепятствуютъ подозрѣвать въ вѣроломствѣ своего друга и товарища.“

„Эти слова ничего не значатъ. Довольно, что я знаю нравственность Рыцарей Храма и не подамъ случая отнять у меня добычу, съ такою опасностію пріобрѣтенную.“

„Да чего вы боитесь? Развѣ не знаете нашихъ обѣтовъ?“

„Да, я знаю и то, какъ они соблюдаются, и въ настоящемъ случаѣ не могу на васъ положиться.“

„Узнайте же, что я нимало не забочусь о вашей голубоокой красавицѣ; меня побѣдили прелестные черные глаза.“

„Неужели вы влюбились въ прислужницу?“

„Нѣтъ, я никогда до этаго не унижусь; но въ числѣ нашихъ плѣнницъ есть не прислужница, которая стóитъ вашей красавицы.“

„Ужь не прекрасная ли жидовочка?“

„Кто жь можетъ у меня ее оспоривать?“

„Думаю, никто; но совѣсть ваша не будетъ ли васъ упрекать въ связи съ жидовкою?“

„Совѣсть человѣка, истребившаго до трехъ сотъ невѣрныхъ, можетъ быть спокойна.“

„Вамъ должно лучше знать преимущества вашего Ордена; но я готовъ былъ увѣрять, что вы влюблены въ деньги стараго ростовщика болѣе, нежели въ прекрасные глаза его дочери.“

„Деньги Исаака имѣютъ свое достоинство; но неужели вы полагаете, что Регинальдъ ссужаетъ насъ своимъ зáмкомъ, не участвуя въ добычѣ. Я отдаю ему на его часть Исаака, а какъ и мнѣ надобно взять свою часть, то я беру милую жидовочку. Теперь, знавъ мои намѣренія, не откажетесь ли вы отъ своего прежняго плана? Вы видите, что меня не должно опасаться.“

„Я рѣшился не выпускать изъ рукъ моей добычи. Хотя все, что вы гово-

ритс, можетъ быть справедливо; но мнѣ не нравятся преимущества вашего Ордена, и я не могу ввѣриться такому человѣку, который, истребивъ до трехъ сотъ невѣрныхъ, не имѣетъ причины заботиться о своихъ прегрѣшеніяхъ."

Въ продолженіи этаго разговора, Цедрикъ дѣлалъ тщетныя усилія, чтобъ узнать отъ окружавшихъ его, кто они и какое ихъ намѣреніе.

„Вы должны быть Англичане, — говорилъ онъ — а между тѣмъ поступаете, какъ Норманцы. Мы должны быть сосѣдями и слѣдовательно должны быть друзьями, потому что нѣтъ Англичанина въ моемъ сосѣдствѣ, который бы не былъ мнѣ другомъ. Даже изъ числа васъ, преслѣдуемыхъ и скрывающихся въ лѣсахъ, не одинъ прибѣгалъ подъ мое покровительство и получалъ его, потому что я сожалѣлъ о васъ и о вашихъ страданіяхъ, и проклиналъ насилія, принудившія васъ принять образъ жизни, котораго безъ того вы никогда бы не приняли. Что вы хотите со мною дѣлать? Вы мнѣ не отвѣчаете. Вы поступаете хуже дикихъ звѣрей. Развѣ вы такъ же нѣмы, какъ они?"

Цедрикъ тщетно старался заставить говорить людей, его окружавшихъ. Они

имѣли важную причину хранить молчаніе, и ни жалобы его, ни упреки не могли ихъ заставить прервать оное.

Наконецъ они выѣхали изъ лѣса и увидѣли предъ собою Торквильстонъ, древній зàмокъ, отнятый отцемъ Регинальда Фрондбефа у владѣльца онаго.

Этотъ зàмокъ состоялъ изъ небольшой крѣпости, посрединѣ которой возвышалась большая четвероугольная башня, окруженная дворомъ и разными строеніями. Вокругъ наружной стѣны былъ ровъ, наполнявшійся водою изъ ближняго источника. Регинальдъ, имѣвшій нерѣдко по своему характеру надобность въ защищеніи себя, присоединилъ новыя укрѣпленія къ этому зàмку и построилъ на каждомъ углу онаго по башнѣ. Съ одной стороны въѣзжали въ зàмокъ чрезъ подъемный мостъ, ведущій къ огромнымъ желѣзнымъ воротамъ, прикрытымъ двумя небольшими башнями; съ другой чрезъ узкія малыя ворота, прикрытыя редутомъ, составлявшимъ наружное укрѣпленіе.

Цедрикъ, какъ скоро увидѣлъ башни Торквильстонскія, поросшія плющемъ и мохомъ, освѣщаемыя первыми лучами восходящаго солнца, то и узналъ, у кого онъ въ плѣну.

„Я обидѣлъ — сказалъ онъ окружающимъ его людямъ — разбойниковъ, укрывающихся въ здѣшнемъ лѣсу, полагая, что вы принадлежите къ числу ихъ; я назвалъ лисицами здѣшняго околодка бѣшеныхъ волковъ Французскихъ. Скажите мнѣ, злодѣи! жизнь моя, или мое имѣніе понадобились вашему господину? Неужели и оставшіеся только двое Саксонцевъ, благородный Ательстанъ и я, не могутъ спокойно владѣть своимъ наслѣдственнымъ имѣніемъ? Но пусть они умерщвляютъ насъ, пусть отнимаютъ у насъ жизнь и имѣніе такъ же, какъ отняли свободу. Ежели Цедрикъ *Саксонецъ* не можетъ спасти Англію, то соглашается за нее умереть. Скажите вашему жестокосердому господину, что я его прошу только освободить съ честію Лади Ровену. Ему нечего бояться женщины; всѣ же, которые могли принять ея сторону, погибнутъ вмѣстѣ съ нами.“

На эти слова не было отвѣта такъ же, какъ и на прежнія. Наконецъ доѣхали до воротъ зáмка; Маврикій троекратно протрубилъ въ рогъ; выѣхали вооруженные воины; осмотрѣли пріѣхавшихъ; отворили ворота; опустили подъемный мостъ, и путешественники взъѣхали на

дворъ зáмка. Плѣнныхъ сняли съ лошадей, отвели въ залу и предложили имъ кушанье, къ которому одинъ Ательстанъ могъ прикоснуться, впрочемъ неимѣвшій времени порядочно покушать, потому что его съ Цедрикомъ повели въ особую комнату, для помѣщенія отдѣльно отъ Лади Ровены. Въ этомъ случаѣ всякое сопротивленіе было безполезно. Комната, въ которую ихъ привели, была огромная зала, поддерживаемая двумя рядами толстыхъ столбовъ, подобныхъ видимымъ еще и нынѣ въ древнихъ монастыряхъ.

Лади Ровену также отдѣлили отъ ея свиты. Ее отвели очень учтиво, но не спрашивая о ея согласіи, въ другую часть зáмка. Подобное же вниманіе оказано было и Ревеккѣ. Отецъ ея тщетно умолялъ и даже въ крайности предлагалъ деньги за то, чтобъ его не разлучали съ дочерью.

„Ахъ ты нечестивый! — сказалъ ему одинъ изъ воиновъ — ежели бы ты видѣлъ нору, которая тебѣ назначена, то не сожалѣлъ бы, что дочь твоя не будетъ ее раздѣлять съ тобою.“ После этаго, потащили отца въ одну сторону, а дочь въ другую. Люди, составлявшіе свиту Цедрика и Ательстана, были обез-

оружены, обысканы и заключены въ тюрьму въ зàмкѣ. Лади Ровенѣ отказано было въ оставленіи при себѣ даже прислужницы ея Ельгиты.

Зала, въ которую отведены были Цедрикъ и Ательстанъ, была нѣкогда главною въ зàмкѣ; но въ это время находилась въ зàмкѣ уже другая главная зала, выстроенная Региналъдомъ, поддерживаемая столбами лучшей соразмѣрности и красоты, и отдѣланная вообще съ лучшимъ вкусомъ.

Цедрикъ ходилъ большими шагами, воспоминая съ досадою о случившихся непріятностяхъ; а Ательстанъ пребывалъ ко всему нечувствительнымъ, и равнодушіе его, замѣнявшее собою Философію, было такъ велико, что онъ едва обращалъ вниманіе на относившіяся къ нему восклицанія Цедрика.

„Да, — сказалъ Цедрикъ, говоря болѣе самъ съ собою, нежели съ Ательстаномъ — здѣсь, въ этой самой залѣ, отецъ мой обѣдалъ съ Торквилемъ Вольфгангеромъ, когда этотъ почтенный Саксонецъ угощалъ храбраго и несчастнаго Гарольда, шедшаго противъ Норвежцевъ, соединившихся съ возмутителемъ Тости. Въ этой самой залѣ Гарольдъ такъ благородно отвѣчалъ пос-

ланнику своего возмутившагося брата. Сколько разъ отецъ мой разсказывалъ съ восторгомъ о этомъ происшествіи.

„Когда посланникъ Тости введенъ былъ въ эту залу, она, не смотря на свою огромность, едва могла вмѣщать всѣхъ Саксонскихъ благородныхъ владѣльцевъ, тѣснившихся вокругъ своего Короля и раздѣлявшихъ съ нимъ обѣдъ."

Послѣднія слова обратили на себя вниманіе Ательстана. „Я надѣюсь, — сказалъ онъ — что около полудня не забудутъ и намъ дать обѣдать; да я и не люблю ѣсть тотчасъ, сошедши съ лошади, хотя медики и находятъ это здоровымъ; мой аппетитъ тогда не въ порядкѣ."

Цедрикъ продолжалъ, не обращая вниманія на слова своего друга: „Посланникъ Тости шелъ по этой залѣ, не страшась грозныхъ взоровъ владѣльцевъ, находившихся въ ней, и, подошедъ къ трону Короля, почтительно ему поклонился.

„Государь! — сказалъ онъ — какихъ условій долженъ ожидать отъ васъ братъ вашъ, ежели положитъ оружіе и будетъ просить мира?"

„Братской любви, — отвѣчалъ великодушный Гарольдъ — и прекраснаго герцогства Нортумберландскаго."

„Ежели Тости приметъ это условіе, — продолжалъ посланникъ — какое владѣніе дадите вы его вѣрному союзнику, Королю Норвежскому Гардрадѣ?“

„Три аршина земли, — отвѣчалъ Гарольдъ — и, какъ увѣряютъ, что онъ великанъ, то, можетъ быть, еще нѣсколько вершковъ въ добавокъ.“

„Въ залѣ раздались рукоплесканія, каждый владѣлецъ взялъ свой кубокъ и выпилъ въ честь того дня, въ который Гардрада сдѣлается обладателемъ назначаемаго ему въ Англіи владѣнія.“

„Я охотно бы къ нимъ присоединился, — сказалъ Ательстанъ — потому что у меня языкъ засохъ отъ жажды.“

„Посланникъ, — продолжалъ Цедрикъ, не смотря на малое вниманіе своего слушателя — возвратился съ этимъ отвѣтомъ къ Тости и его союзнику. Тогда-то стѣны Стамфорда увидѣли ту ужасную битву, въ которой Тости и Норвежскій Король, оказавшіе неслыханную храбрость, пали въ прахъ, съ десятью тысячами своихъ воиновъ. Послѣ этаго, кто бы могъ повѣрить, что въ тотъ самый день, который былъ ознаменованъ такою побѣдою, Норманскіе корабли пристанутъ къ берегамъ Суссекскаго графства? Кто бы могъ повѣрить, что чрезъ

нѣсколько послѣ того дней, самъ несчастный Гарольдъ не будетъ имѣть въ своемъ королевствѣ болѣе трехъ аршинъ земли, которые предлагалъ Норвежскому Королю? Кто бы могъ повѣрить, что вы, почтенный Ательстанъ, который происходитъ отъ крови Гарольда, что я, котораго отецъ былъ не изъ послѣднихъ защитниковъ трона нашихъ Саксонскихъ королей, будемъ въ этой самой залѣ, знаменитой толь славными воспоминаніями, въ плѣну у презрѣннаго Норманца?"

„Это конечно непріятно, — отвѣчалъ Ательстанъ — но я надѣюсь, что насъ выпустятъ за порядочный выкупъ, и что ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть желанія уморить насъ съ голоду, хотя впрочемъ я не вижу никакого приготовленія къ обѣду, не смотря, что должно быть уже не рано. Взгляните въ окно почтенный Цедрикъ, высоко ли солнце и не близко ли уже къ полудню?"

„Можетъ быть, что уже и близко,— отвѣчалъ Цедрикъ — но я не могу смотрѣть въ это окно, оно заставляетъ меня сдѣлать горестныя воспоминанія, хотя и некасающіяся до настоящаго нашего положенія.

„Въ то время, почтенный Ательстанъ, когда дѣлано было это окно, предки наши не знали еще искусства дѣлать стекла и еще менѣе ихъ расписывать. Гордость отца Вольфгангерова заставила его вызвать изъ Нормандіи художника для украшенія его замка этимъ новымъ изобрѣтеніемъ роскоши, которое ясному свѣту небесному даетъ такія обманчивыя оттѣнки. Этотъ иностранецъ пріѣхалъ сюда бѣднымъ, низкимъ, услужливымъ, готовымъ снимать шляпу предъ послѣднимъ въ домѣ служителемъ; но поѣхалъ обратно гордымъ и богатымъ. Онъ разсказалъ своимъ соотечественникамъ о изобиліи здѣшней страны и о простотѣ Саксонцевъ. Все это было предвидѣно и предсказано потомками Генгиста и его грубыхъ подданныхъ, по этой самой причинѣ соблюдавшими свято нравы и обычаи своихъ отцевъ. Когда мы начали удаляться отъ ихъ правилъ и образа жизни, призвали иноземцевъ, сдѣлали изъ нихъ довѣренныхъ людей и друзей, заимствовали отъ нихъ искусства и художества и презрили простые обычаи своихъ предковъ; тогда мы ослабѣли, и роскошь Норманцевъ поработила насъ прежде ихъ оружія. Наша грубая пища, снѣдаемая въ мирѣ и свободѣ, бы-

ла предпочтительнѣе лакомыхъ яствъ, привязанность къ которымъ связала насъ и предала въ руки нашихъ поработителей.“

„Теперь — сказалъ Ательстанъ — мнѣ и самая грубая пища показалась бы лакомымъ яствомъ, и я не могу надивиться, что вы, почтенный Цедрикъ, помнивъ такъ вѣрно давно случившіяся обстоятельства, забываете о времени обѣда.“

Послѣ этаго отзыва Ательстана, Цедрикъ сказалъ про себя съ досадою: „Говорить съ нимъ о чемъ-нибудь, кромѣ его кушанья, значитъ попустому терять время; въ него вселилась душа Гордиканута, единственное для него благо ѣсть и пить. Увы! — прибавилъ онъ, взглянувъ съ состраданіемъ на своего товарища — возможно ли, чтобъ такая красивая и благородная наружность покрывала столь тяжелый и грубый умъ! чтобъ столь важное дѣло, какъ возстановленіе Англіи, утверждалось на основаніи столь ненадежномъ! При всемъ томъ, Лади Ровена, благодаря ея добродѣтели и возвышенности характера, сдѣлавшись его женою, можетъ возбудить въ немъ любовь къ отечеству, которая только что въ оцѣпѣненіи; но какъ помышлять объ этомъ въ то время, когда и онъ, и

Лади Ровена, и я, находимся въ плѣну у Регинальда Фрондбефа, и когда, можетъ быть, для того и взяли насъ въ плѣнъ, что опасаются нашей свободы."

Между тѣмъ какъ Цедрикъ погружался въ свои печальныя размышленія, двери отворились и вошелъ кравчій, держащій въ рукѣ бѣлую трость, знакъ своего званія, и послѣдуемый четырьмя слугами, несущими столъ съ кушаньемъ, котораго видъ и запахъ, казалось, заставили забыть все Ательстана. Кравчій и слуги были въ маскахъ.

„Что́ значатъ эти маски? — сказалъ Цедрикъ — развѣ вашъ господинъ думаетъ, что мы не знаемъ, гдѣ находимся и у кого въ плѣну? Скажите ему, — продолжалъ онъ, желая воспользоваться этимъ случаемъ для начала переговоровъ о своемъ освобожденіи — скажите Регинальду Фрондбефу, что не можетъ быть другой причины сдѣланному имъ съ нами поступку, кромѣ ненасытнаго его корыстолюбія, и что мы готовы исполнить его разбойническое требованіе. Пусть онъ назначитъ, сколько ему надобно выкупа, и мы ему заплатимъ, ежели только онъ будетъ не свыше нашей возможности."

Кравчій, не отвѣчая, почтительно поклонился.

„Сверхъ того, скажите Реґинальду Фрондбефу, — присовокупилъ Ательстанъ — что я вызываю его на смертельный поединокъ, пѣшаго или коннаго, какъ и гдѣ онъ захочетъ, въ продолженіи осьми дней по нашемъ освобожденіи; и ежели онъ Рыцарь и уважаетъ правила чести, то не долженъ отказаться отвѣчать на мой вызовъ.“

Кравчій вторично поклонился молча, и вышелъ съ слугами.

Ательстанъ не могъ чисто выговорить этаго вызова, потому что ротъ у него въ то время былъ полонъ, и это обстоятельство, соединяясь съ обыкновенною его медлительностію, ослабило очень угрожающій тонъ, который онъ хотѣлъ наблюсти въ этомъ случаѣ. Совсѣмъ тѣмъ, Цедрикъ, начинавшій уже при всемъ своемъ уваженіи къ высокому происхожденію Ательстана терять терпѣніе, принялъ его слова за доказательство, что наконецъ онъ начинаетъ чувствовать въ полной мѣрѣ свою обиду. Онъ взялъ за руку Ательстана, и съ чувствомъ пожалъ ее въ знакъ своего совершеннаго одобренія; но восторгъ его опять прохладился, когда Ательстанъ

сказалъ, что онъ готовъ драться съ дюжиною Рыцарей, чтобъ выйти скорѣе изъ за́мка, въ которомъ кладутъ чеснокъ во всѣ кушанья.

Послѣ сего, Цедрикъ сѣлъ противъ него за столъ и доказалъ, что ежели несчастное положеніе его отечества и занимало его столько, что препятствовало заботиться объ обѣдѣ, но что хорошій аппетитъ былъ не послѣднимъ въ числѣ добрыхъ качествъ, наслѣдованныхъ имъ отъ своихъ предковъ.

Знатные плѣнники еще не кончили своего обѣда, какъ были встревожены звукомъ ро́га, раздавшимся у воротъ и троекратно повтореннымъ съ такою силою, съ какою, говорятъ, трубятъ странствующіе Рыцари, когда желаютъ разрушить стѣны башни, въ которой какой-нибудь чародѣй содержитъ въ заключеніи юную красавицу. Саксонцы вскочили изъ-за стола и подбѣжали къ окну, но не могли удовлетворить своему любопытству, потому что всѣ окна были на дворъ; по безпокойству же, произведенному этимъ звукомъ въ за́мкѣ, казалось, что онъ предвѣщалъ что-то очень важное.

Глава X.

Саксонскіе владѣльцы, увидѣвъ, что не могутъ удовлетворить своему любопытству, сѣли опять за столъ. Мы оставимъ ихъ въ этомъ занятіи и посѣтимъ Исаака Іоркскаго, котораго заключеніе было несравненно жесточае.

Бѣдный Іудеянинъ былъ брошенъ въ сырое и нездоровое подземелье, находившееся подъ окружавшимъ зáмокъ рвомъ, въ которое свѣтъ едва проницалъ сквозь сдѣланную вверху отдушину и въ которомъ въ самый полдень царствовали сумерки, превращавшіеся въ совершенную ночь задолго прежде, нежели солнце переставало освѣщать прочія части зáмка. Толстыя заржавленныя цѣпи, укрѣпленныя въ стѣнахъ этаго подземелья, казалось, были употребляемы для людей, которые могли почитаться опасными по своей силѣ, или неустрашимости, и нѣсколько человѣческихъ костей свидѣтельствовали, что нѣкогда человѣкъ погибъ въ этой обители ужаса и оставленъ былъ тамъ безъ погребенія.

Огромная чугунная печь занимала одну сторону подземелья; она была наполнена угольями и на поверхности ея находи-

лось нѣсколько желѣзныхъ полосъ, покрытыхъ ржавчиною.

Все это могло бы устрашить и не Исаака, но онъ былъ спокойнѣе въ минуты встрѣтившейся уже опасности, нежели ожидая оной. Охотники увѣряютъ, что заяцъ чувствуетъ болѣе страха, когда гонится за нимъ собака, нежели когда попадется уже ей въ зубы; равнымъ образомъ, вѣроятно, что воображеніе Іудеевъ не было поражаемо неожиданностію по наступленіи несчастія, дѣйствующею на душу сильнѣе самаго страха. Сверхъ того, Исаакъ находился уже не въ первый разъ въ опасномъ положеніи, и прежніе опыты поддерживали его надежду избавиться и въ настоящемъ случаѣ отъ погибели; а непоколебимое упрямство и рѣшительность, заставлявшія Іудеевъ предпочитать изобрѣтаемыя гонителями мученія исполненію несправедливыхъ ихъ требованій, заставляли его рѣшиться на страдальческое сопротивленіе.

Итакъ онъ, подобравъ свое платье, для предохраненія его отъ мокроты, сѣлъ на большомъ камнѣ, единственномъ стулѣ, находившемся въ подземельѣ. Его длинная борода, всклокоченные волосы, руки сложенныя на груди, епанча опу-

шенная мѣхомъ и большая желтая шапка наголовѣ, при слабомъ свѣтѣ, прокрадывающемся въ отдушину въ подземелье, дѣлали изъ него картину достойную Рембрандта. Исаакъ провелъ три часа въ этомъ положеніи, не перемѣняя онаго. Наконецъ, послышались шаги идущихъ по лѣсницѣ, отперлись съ громомъ запоры, отворились со скрыпомъ двери и вошелъ Регинальдъ, послѣдуемый двумя Азіатскими невольниками Бріана.

Регинальдъ имѣлъ большой ростъ и необыкновенную силу; провелъ всю жизнь свою, или въ войнѣ, или въ нападеніи на своихъ сосѣдей; и никогда не останавливался въ выборѣ средствъ для умноженія своего богатства и могущества. Видъ его согласенъ былъ съ его характеромъ. Онъ былъ угрюмъ, дикъ и жестокъ; рубцы, покрывавшіе его лице, какъ признаки храбрости, могущіе внушать уваженіе къ другому, усугубляли отвращеніе и ужасъ, производимые его видомъ; одежда его состояла изъ узкой кожаной фуфайки, истертой во многихъ мѣстахъ латами, и все вооруженіе его заключалось въ одномъ кинжалѣ, привѣшенномъ къ поясу съ лѣвой стороны, какъ бы для сдѣланія равновѣсія связкѣ

ключей, висящей съ правой стороны онаго.

Вошедшіе за нимъ черные невольники, вмѣсто своего богатаго восточнаго платья, были одеты въ шировары изъ толстаго полотна и такія же фуфайки, съ засученными рукавами подобно мясникамъ; въ рукахъ у нихъ было по закрытой корзинѣ. Они вошедъ остановились у дверей. Регинальдъ заперъ оныя, подошелъ къ жиду и устремилъ на него свои глаза. Можно бы подумать, что дикій и суровый взоръ Барона производилъ тоже дѣйствіе надъ его несчастнымъ плѣнникомъ, какое приписываютъ взору нѣкоторыхъ змѣй надъ ихъ жертвою. Исаакъ оробѣлъ до такой степени, что не имѣлъ силъ сдѣлать никакого движенія; смотрѣлъ на Регинальда, разинувъ ротъ, и не могъ ни встать для изъявленія ему почтенія, ни даже взяться за свою шапку; казалось, что онъ весь сжался и сдѣлался гораздо менѣе.

Норманскій же Рыцарь, напротивъ, поднялъ голову и вытянулся подобно орлу, воздымающему перья, когда готовится пасть на беззащитную добычу. Онъ остановился въ трехъ шагахъ отъ камня, на которомъ сидѣлъ несчастный Исаакъ, и сдѣлалъ знакъ одному изъ невольниковъ

никовъ, чтобъ онъ приближился. Черный прислужникъ подошелъ, вынулъ изъ своей корзины большія вѣсы и гири, положилъ ихъ къ ногамъ Регинальда и возвратился на прежнее мѣсто къ своему товарищу.

Всѣ движенія черныхъ невольниковъ были медлительны и таинственны, какъ бы людей, мыслящихъ о какомъ-либо ужасномъ позорищѣ и къ оному приготовляющихся.

Наконецъ Регинальдъ сказалъ громкимъ голосомъ, раздавшимся въ сводахъ подземелья:

„Нечестивый жидъ! видишь ли ты эти вѣсы?"

Несчастный Исаакъ едва имѣлъ силы сдѣлать движеніемъ головы знакъ подтвержденія.

„Ты долженъ мнѣ отвѣсить тысячу фунтовъ серебра Лондонскаго вѣса и доброты."

„Великій Авраамъ! — вскричалъ Исаакъ, получившій въ этой крайности употребленіе голоса — требовалъ ли кто когда-нибудь такую сумму? Чьи глаза видѣли когда-нибудь такую бездну серебра? Его не найдешь столько у всѣхъ Іудеевъ Іоркскихъ!"

„Я сговорчивъ: Ежели серебро такъ рѣдко, то не откажусь взять золотомъ, полагая марку въ шесть фунтовъ серебра, и это одно средство для избавленія твоего дряннаго скелета отъ такихъ мученій, какихъ ты себѣ не можешь и представить."

„Сжальтесь надо мною, почтенный Рыцарь; я старъ, слабъ, бѣденъ, недостоинъ вашего гнѣва; что за слава для васъ раздавить червяка?"

„Можетъ быть то и правда, что ты старъ и это къ стыду тѣхъ, которые дозволили тебѣ состарѣться ростовщикомъ; можетъ быть, что ты и слабъ, потому что ты жидъ; но то несправедливо, чтобъ ты былъ бѣденъ, всѣ знаютъ что ты богатъ."

„Клянусь вамъ, почтенный Рыцарь, всѣмъ . . ."

„Не клянись ложно и не ускоряй рѣшеніе своей участи, не видавъ того, что тебя ожидаетъ; не полагай, что я хотѣлъ только испугать тебя, чтобъ воспользоваться твоею трусостію. Клянусь тебѣ, что намѣреніе мое рѣшительно и непоколебимо, и что оно непремѣнно будетъ исполнено. Это подземелье устроено не для забавы; люди, несравненно тебя знатнѣе, погибали въ

немъ такъ, что послѣ никто и никогда не узналъ о ихъ участи; совсѣмъ тѣмъ, смерть ихъ можно почесть за пріятнѣйшую въ сравненіи съ уготовленною тебѣ, которая, приближаясь медленными шагами, будетъ сопутствуема ужаснѣйшими мученіями."

Сказавъ это, Регинальдъ сдѣлалъ знакъ невольникамъ, чтобъ они приближились, и сказалъ имъ что-то на ихъ языкѣ. Азіатцы открыли свои корзины съ разными орудіями мученія.

„Исаакъ, — сказалъ Регинальдъ — видишь ли сіи орудія? Выбирай, или ихъ, или уплату тысячи фунтовъ серебра; клянусь головою отца моего, что инаго выбора тебѣ не остается."

„Не возможно, — сказалъ Іудеянинъ, затрепетавъ — чтобъ вы въ самомъ дѣлѣ имѣли такое намѣреніе; никогда не существовало сердце, способное сдѣлать подобную жестокость."

„Не надѣйся на это, Исаакъ! ты ошибешся, и дорого заплатишь за свою ошибку. Не думай, чтобъ крикъ и стенанія одного презрѣннаго жида могли отвратить отъ исполненія своего намѣренія такого человѣка, который видѣлъ взятіе приступомъ города, гдѣ десятки тысячь Христіанъ погибали отъ огня

и меча; не полагай и того, чтобъ сжалились надъ тобою эти черные невольники. Они не имѣютъ понятія ни о чемъ, кромѣ воли своего господина; и не знаютъ ни закона, ни отечества, ни совѣсти; готовы при малѣйшемъ моемъ знакѣ на употребленіе всѣхъ возможныхъ жестокостей; и наконецъ не понимаютъ языка, на которомъ ты будешь просить помилованія. Будь благоразуменъ, старикъ; уменьши нѣсколько своего богатства, и обрати часть его въ руки Христіанъ. Ты отъ нихъ же пріобрѣлъ его, и имѣешь средства скоро его возвратить; но не возвратишь никогда своей кожи, ежели подвергнешся мученіямъ. Повторяю тебѣ, давай скорѣе свой выкупъ и радуйся, что за него можешь освободиться изъ этаго подземелья, изъ котораго многіе прежде тебя желали бы выйти за такое пожертвованіе. Мнѣ некогда дожидаться; говори, чѣмъ жертвуешь, деньгами, или кожею?"

„Да помогутъ мнѣ Авраамъ и всѣ Патріархи! — вскричалъ Исаакъ — Я не могу сдѣлать выбора, потому что не имѣю средствъ исполнить вашего требованія."

„Возмите его и раздѣньте." Сказалъ Регинальдъ невольникамъ на ихъ языкѣ.

Невольники подошли къ Исааку; схватили его; сдернули съ камня, на которомъ онъ сидѣлъ; и ожидали дальнѣйшаго приказанія отъ Регинальда. Несчастный Исаакъ смотрѣлъ то на Регинальда, то на исполнителей его жестокости, въ надеждѣ увидѣть въ комъ-нибудь признаки состраданія; но Баронъ имѣлъ видъ мрачный и жестокій, и презрительная усмѣшка доказывала, что сожалѣніе не могло коснуться его сердца. Дикіе и таинственные взгляды Азіатцевъ, казалось, объясняли ихъ нетерпѣливое желаніе видѣть минуту казни и предчувствіе жестокаго удовольствія отъ этаго зрѣлища. Исаакъ, взглянувъ на ужасныя орудія мучительства, потерялъ послѣднюю надежду къ избавленію себя отъ погибели, и почувствовалъ, что твердость его оставила.

„Я заплачу вамъ тысячу фунтовъ серебра, — сказалъ онъ, вздохнувъ — то есть, — прибавилъ онъ, нѣсколько подумавъ — я ихъ заплачу съ помощію моихъ собратій, потому что мнѣ должно будетъ просить милостины у дверей нашей синагоги, чтобъ собрать такую небольшую сумму, такую не слыханную бездну денегъ. Когда и гдѣ прикажите мнѣ представить се вамъ?“

„Здѣсь, подъ этими сводами она должна быть отсчитана и свѣшена. Неужели ты думаешь, что я тебя освобожу, не получивъ отъ тебя выкупа?“

„А чѣмъ я могу быть удостовѣренъ, что буду освобожденъ, когда его заплачу?“

„Словомъ и честію благороднаго Норманца, подлый ростовщикъ! словомъ и честію, которыя драгоцѣннѣе во сто разъ всего золота и серебра твоего проклятаго рода.“

„Извините меня, почтенный Рыцарь,— сказалъ Исаакъ съ робостію — почему я долженъ полагаться на слова человѣка, который не вѣритъ моимъ словамъ?“

„Потому что тебѣ нечего инаго дѣлать. Ежели бы ты теперь сидѣлъ у своего сундука въ своемъ домѣ, и я пришелъ бы къ тебѣ попросить нѣсколько денегъ; тогда ты предложилъ бы мнѣ условія, назначилъ бы время уплаты, опредѣлилъ бы проценты. Здѣсь я пользуюсь тѣми же выгодами и ничего не перемѣню изъ моего требованія.“

Исаакъ тяжко вздохнулъ. „Покрайней мѣрѣ, я надѣюсь, — сказалъ онъ — что за такой выкупъ освободятся и мои сопутники. Они хотя и презирали меня за то, что я Іудеянинъ, но оказали со-

страданіе къ моему несчастію, и сами попались въ приготовленную для меня засаду, только отъ того, что дозволили мнѣ съ собою ѣхать. Притомъ, можетъ быть, они помогутъ мнѣ заплатить хотя часть требуемой вами ужасной суммы денегъ."

„Ежели подъ именемъ своихъ сопутниковъ ты разумѣешь двухъ Саксонцевъ, то знай, что твое положеніе не имѣетъ съ ними ничего общаго. Занимайся однѣми собственными дѣлами и не мѣшайся въ чужія."

„Покрайней мѣрѣ, вы освободите раненаго молодаго человѣка, котораго я везъ съ собою въ Іоркъ?"

„Долго ли мнѣ говорить: занимайся своими дѣлами и не мѣшайся въ чужія? Думай только о себѣ, только о заплатѣ своего выкупа и какъ можно скорѣе."

„Послушайте однако, — сказалъ Исаакъ — хотя изъ любви къ этимъ самымъ деньгамъ, которыя вы отъ меня требуете, жертвуя . . . ." Тутъ онъ остановился, боясь раздражить запальчиваго Норманца. Регинальдъ засмѣялся и, доканчивая недосказанное жидомъ, продолжалъ: „Жертвуя моею совѣстію, ты хотѣлъ сказать. Говори, Исаакъ, не опа-

саясь; я тебя уже предварялъ, что я разсудителенъ. Я очень знаю, что тебѣ не до смѣха и прощаю тебя, хотя ты самъ и́ не былъ такъ снизходителенъ, когда преслѣдовалъ въ судѣ Якова Фицъ-Доттерельскаго за то, что онъ назвалъ тебя піявицею, презрѣннымъ растовщикомъ въ то время, когда ты его въ конецъ разорилъ."

„Клянусь Тальмутомъ, что это несправедливо, почтенный Рыцарь. Яковъ Фицъ-Доттерельскій обнажилъ противъ меня кинжалъ въ собственномъ моемъ домѣ за то, что я требовалъ отъ него принадлежащаго мнѣ; срокъ уплаты прошелъ уже болѣе недѣли."

„Для меня все это постороннее дѣло. — сказалъ Регинальдъ — Вопросъ теперь о томъ, когда я получу то, что мнѣ должно? когда ты отсчтешь мнѣ деньги, Исаакъ?"

„Стоитъ только отправить дочь мою Ревекку, подъ надлежащимъ прикрытіемъ, почтенный Рыцарь, въ Іоркъ, и, по прошествіи времени, потребнаго для возвращенія оттуда, деньги . . . . — тутъ онъ остановился и тяжко вздохнулъ — деньги вамъ будутъ представлены."

„Твою дочь! — сказалъ съ удивленіемъ Регинальдъ — Это бы надобно мнѣ знать прежде. Я полагалъ, что эта черноглазая дѣвочка не была твоею дочерью, и я ее отдалъ въ услуженіе почтенному Рыцарю Храма Бріану Буа-Гильберту."

Исаакъ, услышавъ это, такъ вскрикнулъ, что раздалось въ сводахъ подземелья и что оглушилъ Азіатскихъ невольниковъ, которые бросили изъ своихъ рукъ его епанчу. Онъ, получивъ свободу, воспользовался сю, чтобъ пасть къ ногамъ Регинальда. „Благородный Рыцарь! — воскликнулъ онъ — возмите то, что вы отъ меня требуете; возмите вдвое; возмите все, что я имѣю; повергните меня въ нищету; пронзите меня вашимъ кинжаломъ, или возложите меня на эти пламенные уголья, ежели вамъ угодно: только спасите дочь мою, освободите ее. Ежели женщина питала васъ молокомъ своимъ, то пощадите честь беззащитной дѣвицы. Она есть образъ моей бѣдной Рахили, послѣдній изъ шести залоговъ ея ко мнѣ любви. Неужели вы найдете пріятнымъ лишить единственнаго утѣшенія старика и заставить его сожалѣть о томъ, что дочь его не предшествовала своей матери въ гробницу нашихъ предковъ?"

„Мнѣ бы это надобно было знать прежде. — сказалъ Норманецъ, нѣсколько смягчившись — Я думалъ, что ваше поколѣніе не любитъ ничего, кромѣ денегъ.“

„Не заключайте такъ объ насъ. — сказалъ Исаакъ, надѣясь его тронуть — Самыя лисицы и дикія кошки, преслѣдуемыя охотниками, не забываютъ своихъ дѣтей.“

„Хорошо! — сказалъ Региналъдъ — Я впередъ буду это знать; но это намъ ни къ чему не служитъ въ настоящемъ случаѣ. Чтò сдѣлано, то сдѣлано. Я далъ слово моему товарищу и не измѣню ему ни для всего вашего жидовскаго поколѣнія. Притомъ для твоей дочери не большая бѣда быть плѣнницею Бріана. Чтò въ этомъ худаго?“

„Чтò худаго? — вскричалъ Исаакъ, ломая руки — чтò худаго? Какой Храмовой Рыцарь когда-нибудь щадилъ жизнь мущины и честь женщины?“

„Невѣрная голова! — вскричалъ Региналъдъ, устремивъ на него гнѣвные взоры и, можетъ быть, обрадовавшись, что нашелъ предлогъ къ изъявленію своего гнѣва — Какъ ты смѣешь это гово-

рить объ Орденѣ Храмовыхъ Рыцарей? Заботься только о средствахъ заплатить мнѣ обѣщанный выкупъ, который я требую за тебя одного."

„Разбойникъ! убiйца! — воскликнулъ Исаакъ, внѣ себя и не имѣя силъ сопротивляться своему негодованiю — Я тебѣ ничего не заплачу; ты не увидишь отъ меня ни золотника серебра, ежели не возвратишь мнѣ моей дочери."

„Ты сошелъ съ ума, Исаакъ! Развѣ ты знаешь заговоръ отъ дѣйствiя мучительскихъ орудiй?"

„Мнѣ все равно, — отвѣчалъ Исаакъ, доведенный до отчаянiя чувствомъ родительской любви — дѣлай со мною, что хочешь; терзай мои члены; дочь моя для меня дороже всего; изобрѣтай новыя мученiя для моего терзанiя: но не получишь отъ меня ни шелеха."

„Увидимъ. — сказалъ Регинальдъ — Возмите его, раздѣньте!"

Исаакъ сдѣлалъ нѣкоторое сопротивленiе, но борьба была не равная, и невольники, сдернувъ съ него епанчу, начали снимать прочее платье, какъ вдругъ раздался троекратно звукъ рога, и немедленно послышалось нѣсколько голосовъ,

кликавшихъ Регинальда. Жестокій Баронъ, не желая, чтобъ его застали въ варварскомъ его упражненіи, сдѣлалъ знакъ невольникамъ и вышелъ съ ними поспѣшно изъ подземелья, оставивъ Исаака, благодарящаго Небо за дарованную ему отсрочку и молящаго Бога о помилованіи своемъ и своей дочери.

Глава XI.

Лади Ровена отведена была въ комнату, убранную великолѣпно по понятію того времени, то-есть, богато, но безъ вкуса. Эта комната со времени смерти супруги Регинальда, занимавшей оную, оставалась нѣсколько лѣтъ пустою, и украшенія оной измѣнились. Обои въ однѣхъ мѣстахъ отстали отъ стѣнъ, въ другихъ полиняли, и вездѣ видны были слѣды времени и небреженія. Совсѣмъ тѣмъ, эта комната сочтена была приличнѣйшею для помѣщенія особы, которой желали оказать отличное вниманіе.

Лади Ровена введена была въ эту комнату и оставлена тамъ одна размышлять о своей судьбѣ, доколѣ дѣйствующія лица преступной драммы разберутъ свои роли; что̀ и было сдѣлано по общемъ совѣщаніи Регинальда, Маврикія и Бріана, и по нѣкоторомъ спорѣ о выгодахъ, ожидаемыхъ ими отъ своего дерзкаго предпріятія.

Уже было около полудня, когда Маврикій, изобрѣтатель всего предпріятія и имѣющій виды на руку Лади Ровены, явился предъ нею. Онъ скинулъ уже свое зеленое платье и нарядился со всѣмъ вниманіемъ щеголя тогдашняго времени. Его

длинные волосы были искусно причесаны и развѣвались сверхъ богатой мантіи, опушенной драгоцѣннымъ мѣхомъ; короткое полукафтанье составляло его одежду; великолѣпный мечъ висѣлъ при бедрѣ его на поясѣ, вышитомъ золотомъ; носки у его башмаковъ представляли nec plus ultra тогдашней странной моды, загибаясь вверхъ, подобно бараньимъ рогамъ. Таковъ былъ нарядъ щеголей въ то время, и Маврикій возвышалъ его пріятною наружностію и ловкостію въ обращеніи, соединяя любезность придворнаго человѣка съ откровенностію воина.

Онъ поклонился Лади Ровенѣ, снявъ свою бархатную шапку, украшенную золотомъ, и сдѣлалъ знакъ, чтобъ она сѣла; видѣвъ же, что она не садится, снялъ перчатку и подалъ ей руку, желая довести ея до креселъ. Но она на то не согласилась и сказала ему съ гордостію: „Ежели я нахожусь предъ человѣкомъ, взявшимъ меня въ плѣнъ, какъ я должна полагать; то мнѣ приличнѣе, стоя, выслушать свой приговоръ.“

„Прелестная Лади Ровена! — отвѣчалъ Маврикій — вы находитесь не предъ плѣнившимъ васъ, а предъ своимъ плѣнникомъ; мнѣ не принадлежитъ рѣшеніе вашей участи, я ожидаю услышать рѣ-

шеніе своей судьбы изъ вашихъ прелестныхъ устъ.“

„Я не знаю, кто вы, г. Рыцарь? — сказала Лади Ровена, взглянувъ на него съ неудовольствіемъ, и принявъ слова его за обиду своей знатности и красотѣ — Я васъ не знаю, и свобода, съ которою вы мнѣ говорите языкомъ трубадура, не можетъ служить извиненіемъ разбойнику въ его поступкѣ.“

„Вините самое себя, — отвѣчалъ Маврикій, не перемѣняя тона — вините свои прелести, ежели я погрѣшилъ противъ уваженія, принадлежащаго особѣ, избранной мною повелительницею моего сердца.“

„Я вамъ повторяю, г. Рыцарь, что я не знаю, кто вы, и что человѣкъ, украшенный золотою цѣпью и золотыми шпорами, не долженъ такимъ образомъ являться предъ женщиною, находящеюся безъ защиты.“

„Я почитаю для себя большимъ несчастіемъ, что не имѣю чести быть вами знаемъ; но позвольте мнѣ надѣяться, что вамъ не совсѣмъ не извѣстно имя Маврикія Брасси, провозглашаемое неоднократно на турнирахъ Герольдами и воспѣваемое пѣвцами.“

„Итакъ предоставьте себя хвалить Герольдамъ и пѣвцамъ, имъ это приличнѣе, нежели самимъ вамъ. Впрочемъ, я не знаю, какъ и они должны будутъ отозваться о достопамятной побѣдѣ, одержанной вами въ нынѣшнюю ночь надъ старикомъ, сопутствуемымъ нѣсколькими робкими подданными, и о благородномъ поступкѣ вашемъ, состоящемъ въ похищеніи беззащитной женщины и увлеченіи ее насильно въ разбойничій за́мокъ.“

„Вы несправедливы, Лади Ровена. — сказалъ Маврикій, кусая себѣ губы въ замѣшательствѣ и принимая тонъ, болѣе свойственный ему — Вы не хотите нисколько извинить сумазбродства, которому причиною однѣ ваши прелести, потому что вамъ не извѣстно дѣйствіе страсти.“

„Повторяю вамъ, г. Рыцарь, мою просьбу, не говорить мнѣ языкомъ странствующаго трубадура; онъ не приличенъ благородному Рыцарю. Теперь вы въ самомъ дѣлѣ принуждаете меня сѣсть, чтобъ доказать вамъ презрѣніе мое къ этимъ общимъ выраженіямъ, находящимся во всѣхъ балладахъ.“

„Гордость ваша, — сказалъ Маврикій, досадуя, что его тонъ влюбленнаго за-

служилъ одно презрѣніе — гордость ваша встрѣчается съ гордостію, которая не менѣе вашей. Знайте, что я объяснилъ вамъ мои виды на вашу руку такимъ образомъ, который свойственнѣе моему характеру; но вижу, что вы изъ числа тѣхъ женщинъ, которыхъ сердце пріобрѣтается не вежливостію, а силою."

„Когда учтивыя выраженія — сказала Лади Ровена — служатъ единственно къ прикрытію низости дѣйствій, тогда онѣ уподобляются рыцарскимъ доспѣхамъ, покрывающимъ подлаго человѣка. Это вамъ не нравится, г. Рыцарь. Но мнѣ кажется, что менѣе бы вы себя унизили, сохраняя нарядъ и тонъ разбойниковъ, нежели желая учтивыми и приготовленными выраженіями прикрыть свойственные имъ однимъ поступки."

„Совѣтъ вашъ превосходенъ, Лади Ровена, и я скажу вамъ, употребляя выраженія, согласныя съ моими поступками, что вы не выѣдете изъ этаго зàмка иначе, какъ супругою Маврикія Браси; что я не привыкъ не успѣвать въ моихъ предпріятіяхъ, и что знатный Норманецъ не имѣетъ надобности оправдываться въ своемъ поведеніи предъ Саксонкою,

которой онъ дѣлаетъ честь предложенiемъ своей руки. Вы горды, Лади Ровена, и потому болѣе достойны мнѣ принадлежать. Не выйдя за меня, какъ можете вы возвыситься до почестей и знатности, которыя вамъ приличны; какъ можете избавиться отъ дымной избы, въ которой Саксонцы живутъ вмѣстѣ съ стадами своихъ свиней, составляющими ихъ богатство; и наконецъ, какъ можете занять достойное васъ мѣсто посреди всего, что Англiя имѣетъ отличнѣйшаго по красотѣ и уважительнѣйшаго по могуществу?"

„То, что вамъ угодно, г. Рыцарь, называть дымною избою, было моимъ жилищемъ съ дѣтства, и повѣрьте мнѣ, что ежели я его оставлю, то не иначе какъ для человѣка, который не презираетъ ни жилища моего, ни нравовъ, ни обычаевъ моихъ."

„Я васъ понимаю, прекрасная Лади Ровена, хотя вы и можете полагать, что слова ваши для меня непонятны.

Но не льстите себя надеждою, что Ричардъ когда-нибудь будетъ царствовать, а еще менѣе, что Вильфридъ Ивангое, его любимецъ, когда-нибудь представитъ васъ ему, какъ свою супругу. Всякой другой, касаясь до этой струны, могъ бы

почувствовать нѣкоторую ревность; но моя непоколебимая рѣшительность не можетъ быть измѣнена безнадежною вашею страстію. Сверхъ того, знайте, что мой соперникъ находится у меня во власти, что онъ въ плѣну въ этомъ зѣмкѣ, что Регинальдъ Фрондбефъ этаго не знаетъ и что мнѣ стóитъ сказать ему одно слово, чтобъ возбудить въ его сердцѣ ревность, которая Вильфриду будетъ пагубнѣе моей."

„Вильфридъ здѣсь. — сказала Лади Ровена — Это такъ же справедливо, какъ и то, что Регинальдъ его соперникъ."

Браси взглянулъ на нее внимательно. „Вы въ самомъ дѣлѣ этаго не знали? — сказалъ онъ — Слѣдовательно не знали и того, что онъ находился въ повозкѣ жида, которая по справедливости не совсѣмъ прилична для Крестоносца, обязаннаго быть освободителемъ Св. Града." Сказавъ это, онъ презрительно засмѣялся.

„Ежели бы это и было справедливо, что онъ здѣсь, — сказала Лади Ровена, трепеща отъ страха, который едва могла скрывать — но почему онъ соперникъ Регинальда, и чего ему бояться, кромѣ задержанія нѣкотораго времени въ плѣну и, по обрядамъ Рыцарства, платежа соотвѣтственнаго выкупа?"

„Неужели и вы участвуете въ общемъ заблужденіи вашего пола, полагающаго, что однѣ его прелести могутъ быть предметомъ ревности, и не знаете, что есть ревность въ почестяхъ, въ могуществѣ и въ богатствѣ, также какъ и въ любви? Неужели вы думаете, что Региналъдъ не употребитъ всѣхъ средствъ и не рѣшится пренебречь всѣми уваженіями для удаленія съ своего пути того, который можетъ остановить его; что онъ не постарается избавиться отъ человѣка, который можетъ оспоривать у него владѣніе прекраснымъ Ивангойскимъ баронствомъ, также какъ бы старался избавить себя отъ соперника, оспоривающаго у него обладаніе сердцемъ прекраснѣйшей изъ Англійскихъ красавицъ? Но будьте ко мнѣ благосклоннѣе и раненому Рыцарю нечего будетъ опасаться Региналъда; въ противномъ же случаѣ, вы можете уже начать его оплакивать, какъ находящагося въ рукахъ человѣка, имѣющаго сердце незнакомое съ состраданіемъ.“

„Спасите его, спасите ради Бога!“ Воскликнула Лади Ровена, которой непоколебимость уступила страху на счетъ опасности въ жизни любимаго ею человѣка.

„Я могу и хочу это сдѣлать, это мое намѣреніе. Какъ скоро Лади Ровена будетъ супругою Маврикія Браси, никто не посмѣетъ прикоснуться къ сыну ея попечителя, къ товарищу ея дѣтства. Но вы должны вашею рукою купить мое ему покровительство. Я не такъ простъ и не имѣю такого романическаго характера, чтобъ хотѣть избавить отъ опасности того человѣка, который сильно препятствуетъ исполненію моихъ собственныхъ желаній. Употребите въ его пользу ваше на меня вліяніе, и ему нечего будетъ опасаться; откажите мнѣ, и онъ погибнетъ, вы же не будете отъ того свободнѣе.“

„Этотъ тонъ равнодушія и жестокости — сказала Лади Ровена, смотря на него внимательно — кажется у васъ принужденнымъ; вы, или не столь жестоки, какъ хотите казаться, или не имѣете той власти, которую себѣ приписываете.“

„Не увлекайтесь этимъ заключеніемъ; — отвѣчалъ Маврикій — время покажетъ вамъ, что вы ошибаетесь. Вспомните, что Вильфридъ находится въ этомъ замкѣ раненый, безъ всякой защиты; что жизнь его дѣлаетъ препятствіе Регинальду въ спокойномъ владѣніи тѣмъ,

что онъ предпочитаетъ всѣмъ красавицамъ въ свѣтѣ; и что для него нетрудно будетъ оное уничтожить однимъ ударомъ кинжала, или приказаніемъ подложному медику дать ему такое лекарство, которое излечитъ его отъ всѣхъ болѣзней. Инакъ, тѣмъ, или другимъ образомъ, Ивангое погибнетъ, да и самъ Цедрикъ....."

„Цедрикъ! — сказала Лади Ровена — мой почтенный, мой благодѣтельный попечитель! Ахъ! я заслуживаю свое несчастіе; я, занявшись положеніемъ Вильфрида, забыла о немъ."

„Да, участь Цедрика также зависитъ отъ вашего рѣшенія, — сказалъ Маврикій — и я прошу васъ объ этомъ подумать."

Лади Ровена выдержала этотъ тягостный разговоръ съ удивительною твердостію, потому что не почитала опасность ни великою, ни неизбѣжною. Ея природный характеръ былъ точно такимъ, какой физіогномисты приписываютъ всѣмъ бѣлокурымъ людямъ; она была робка и чувствительна, но воспитаніе дало ей нѣкоторую твердость, пріучивъ ее видѣть исполненіе ея воли. Самый Цедрикъ, обращавшійся повелительно съ прочими, подавалъ въ этомъ примѣръ другимъ. Отъ того она получила нѣкото-

рый родъ неустрашимости и довѣренности къ самой себѣ, происходящихъ обыкновенно отъ всегдашняго къ намъ вниманія окружающихъ насъ; и едва постигала, что возможно поступать противъ ея желанія, а еще менѣе, что, можетъ быть, сама должна будетъ повиноваться повелѣніямъ другихъ.

Она окинула глазами вокругъ себя, какъ бы желая сыскать защиту, воздѣла руки къ небу, залилась слезами и предалась жесточайшему отчаянію. Не возможно было ее видѣть въ этомъ положеніи безъ состраданія, и Маврикій противъ воли почувствовалъ себя разстроганнымъ, а еще болѣе, смѣшаннымъ. Онъ видѣлъ, что слишкомъ далеко зашелъ, чтобъ возвратиться; въ положеніи же Лади Ровены ни убѣжденія, ни угрозы не были дѣйствительны. Онъ ходилъ по комнатѣ, то упрашивая прелестную Саксонку успокоиться, то размышляя, что̀ ему дѣлать?

„Ежели я дозволю разстрогать себя слезами и огорченіемъ, — думалъ онъ — то какіе плоды соберу я отъ моего предпріятія, кромѣ рѣшительной потери тѣхъ надеждъ, для исполненія которыхъ я подвергался толикой опасности, и кромѣ насмѣшекъ Принца Іоанна и своихъ

товарищей? Между тѣмъ я не чувствую себя способнымъ для роли, которую на себя взялъ, и не могу видѣть равнодушно такіе прекрасные глаза утопающими въ слезахъ, и такое прелестное лице, обезображиваемое отчаяніемъ. Для чего не сохраняетъ она своего гордаго вида, или, для чего я не имѣю сердца, подобнаго сердцу Регинальда?“

Разстроенный своими размышленіями, онъ ничего не могъ сказать Лади Ровенѣ, кромѣ того, что онъ умоляетъ ее успокоиться и не предаваться безъ всякой причины такой горести; что онъ никогда не имѣлъ намѣренія огорчить ее; и что одна сила страсти принудила его, противъ воли, выговорить угрозы, которыхъ никогда не имѣлъ намѣренія исполнить. Въ это время разговоръ его былъ прерванъ троекратнымъ звукомъ рога, встревожившимъ всѣхъ жителей замка и остановившимъ союзныхъ Рыцарей въ исполненіи ихъ намѣреній. Маврикій, вѣроятно, менѣе прочихъ сожалѣлъ о этомъ помѣшательствѣ, потому что разговоръ его трудно было ему и кончить, и продолжать.

При этомъ случаѣ, мы почитаемъ должнымъ представить своимъ читателямъ удостовѣреніе о несчастномъ состояніи

нравственности въ то время, въ которое происходили повѣствуемыя нами событія. Не возможно безъ сожалѣнія воспоминать, что храбрые Бароны, утвердившие свободу Англіи и преимущества народа въ оной, были сами жесточайшими притѣснителями и нарушителями всѣхъ постановленій государственныхъ и правъ естественныхъ. Но, увы! намъ стоитъ только заглянуть въ *извлеченіе изъ современныхъ авторовъ*, собранное безпристрастнымъ Генрихомъ (Henry), чтобъ удостовѣриться, что самое воображеніе едва можетъ себѣ представить всѣ ужасы того несчастнаго времени.

Авторъ Саксонской хроники доказываетъ, къ чему были способны Норманскіе Бароны и владѣльцы за́мковъ, описывая произведенныя ими жестокости въ царствованіе Стефана.

„Они притѣсняли народъ, — говоритъ онъ — принуждали строить свои за̀мки и, построивъ оные, наполняли ихъ разбойниками, или, лучше сказать, воплощенными злыми духами, посредствомъ которыхъ захватывали людей, мущинъ и женщинъ, подозрѣваемыхъ богатыми; заключали ихъ въ темницы и подвергали такимъ мученіямъ, какія могла изобрѣсти только одна ужаснѣйшая жестокость.“

Отяготительно бы было для читателей описаніе подобныхъ ужасовъ. Другое и, можетъ быть, сильнѣйшее доказательство того, каковы были плоды завоеванія, представляетъ происшествіе, случившееся съ Матильдою, дочерію, супругою и матерію Государей, Королевою Англійскою и Императрицею Нѣмецкою, которая не имѣла иныхъ средствъ для избавленія себя отъ дерзкихъ преслѣдованій распутнаго Норманскаго знатнѣйшаго дворянства, кромѣ заключенія своего въ монастырь. Это обстоятельство изложено было ею предъ совѣтомъ Англійскаго духовенства и признано единственною причиною, побудившею ее вступить въ монашеское званіе. Совѣтъ, уважившій ея объясненіе и признавшій неподлежащими сомнѣнію причины, побудившія ее постричься, разрѣшилъ ее отъ обѣта. Это событіе представляетъ разительное и несомнѣнное свидѣтельство постыднаго распутства, очернявшаго тотъ вѣкъ, и всѣми признано, что, послѣ завоеванія Англіи Вильгельмомъ, сопутствовавшіе ему Норманцы, надменные своею побѣдою, не знали никакихъ законовъ, изключая своихъ страстей.

Такова была нравственность въ то время. Событіе съ Матильдою подтвер-

ждено публичнымъ актомъ Духовнаго Собора, описаннаго Эадмеромъ.

Послѣ всего этаго, нужно ли удостовѣрять въ вѣроятности событій, нами описываемыхъ?

Глава XII.

Въ то время, какъ повѣствуемыя нами происшествія совершались въ разныхъ частяхъ зàмка, Ревекка ожидала своей участи въ одной изъ башенъ, построенныхъ Регинальдомъ по угламъ онаго. Она введена была въ комнату, находившуюся въ этой башнѣ. Старуха, сидѣвшая въ оной за праслицею и какъ бы помогавшая своему вертену пѣніемъ старинной баллады, увидя входящую Ревекку, подняла голову и взглянула на нее съ завистію и злобою, какъ обыкновенно глядятъ старыя и безобразныя, притомъ злыя женщины на молодыхъ и прекрасныхъ.

„Слушай, колдунья! — сказалъ одинъ изъ проводниковъ Ревекки — ступай вонъ. Нашъ господинъ приказалъ, чтобъ ты немедленно очистила мѣсто птичкѣ, которая милѣе тебя.“

„Хорошо! — ворчала старуха — Такова-то благодарность за всѣ мои услуги! Было время, когда стóило мнѣ выговорить одно слово, чтобъ лучшаго воина изгнать изъ зàмка; а теперь, я сама должна повиноваться послѣднему конюху?“

„Г-жа Ульфрида, — сказалъ другой проводникъ Ревекки — дѣло идетъ не о разсужденіяхъ, а о немедленномъ исполненіи повелѣнія своего господина. Ты имѣла свое время, также какъ и другая; твое солнце было на полднѣ, теперь оно на закатѣ, и ты походишь на состарѣвшагося рыцарскаго коня, котораго за дряхлостію выкидываютъ изъ фронта; прежде ты скакала во весь карьеръ, а теперь едва можешь итти и шагомъ. Выходи же вонъ, не мешкая."

„Экія собаки! чтобъ вамъ сквозь землю провалиться! Самъ Чернобогъ, старинное божество Саксонцевъ, не принудитъ меня отсюда выйти, пока я не допряду своей кудѣли."

„Берегись! ты за это будешь отвѣчать своему господину." Сказавъ это, они вышли и оставили съ ней Ревекку, которой ея товарищество внушало отвращеніе и страхъ.

„Откуда сегодня дуетъ вѣтеръ, что это все значитъ? — ворчала старуха, по уходѣ ихъ, взглянувъ изъ подлобья на Ревекку — А! это угадать нетрудно; прекрасные глазки, черные волосы, кожица бѣлая, какъ бумага. Такъ, такъ, это нетрудно понять; видно, за чѣмъ ее помѣстили въ башнѣ, въ которой,

кромѣ меня, никто не живетъ, и изъ которой никакой вопль не можетъ быть слышанъ, равно какъ изъ-за тысячи саженъ подъ землею ..... Совы будутъ твоими сосѣдами, моя красавица; ты будешь слышать ихъ крикъ, но твоего никто не услышитъ ..... Да она чужестранка. — сказала старуха, взглянувъ на чалму и платье Ревекки — Откуда ты явилась? Сарацинка ли ты, или Египтянка? .... Что жъ не отвѣчаешь? .... Развѣ ты умѣешь только плакать и не можешь говорить?"

„Не гнѣвайтесь, матушка!" Сказала Ревекка трепеща.

„Довольно, — сказала Ульфрида — лисицу узнаютъ по хвосту, а жидовку по выговору."

„Ради Бога, скажите, какая опасность мнѣ угрожаетъ и чѣмъ кончится мое заключеніе? Я безъ ропщанія умру, ежели это имъ нужно."

„Тебя умертвить? моя милая! какую прибыль, какое удовольствіе можетъ имъ доставить твоя смерть? Нѣтъ, нѣтъ, жизнь твоя не подвергнется никакой опасности. Участь твоя подобна будетъ моей, да и почему бы съ жидовкою должно было поступать лучше, нежели съ благородною Саксонскою дѣ-

вицею? ... Посмотри на меня, я была также молода, какъ и ты, и еще прекраснѣе тебѣ, когда отецъ Регинальда Фрондбефа овладѣлъ этимъ за́мкомъ. Мой отецъ и семеро моихъ братьевъ оспоривали у него каждый этажъ, каждую комнату въ своемъ наслѣдственномъ владѣніи. Кровь ихъ обагрила всѣ комнаты, всѣ лѣстницы, и ребенокъ, почти въ колыбели, былъ безжалостно умерщвленъ. Они погибли, погибли всѣ, и смертный хладъ еще не остудилъ ихъ бездушныхъ членовъ, кровь ихъ еще не перестала дымиться, какъ я уже была жертвою побѣдителя."

„Нѣтъ ли средствъ уйти отсюда, скрыться? — сказала Ревекка — Какою бы богатою наградою заплатила я вамъ за ваше пособіе."

„Уйти, скрыться? — повторила Ульфрида — Къ выходу отсюда однѣ врата, врата смерти, и тѣ отворяются слишкомъ поздо. — прибавила она, покачавъ головою — Но пріятно воображать, что и послѣ насъ остаются существа, которыя будутъ не менѣе несчастными. Прощай Іудеянка! .... Кто бы ты ни была, участь твоя рѣшена, потому что имѣешь дѣло съ людьми, которымъ не извѣстны ни жалость и никакія вообще

уваженія.... Прощай, повторяю я, кудѣль моя допрядена и работа моя кончена, а твоя только что начинается."

„Останьтесь, останьтесь. — воскликнула Ревекка — Хотя бы вы не переставали меня обижать и проклинать, ваше присутствіе я почту нѣкоторою милостію."

„Ничье присутствіе не можетъ быть тебѣ полезно."

Сказавъ это, старуха вышла съ насмѣшливою улыбкою, которая лице ея сдѣлала еще отвратительнѣе. Она заперла ключемъ двери и пошла внизъ, браня на каждомъ шагу безпокойную крутую лѣстницу.

Ревекка въ это время находилась въ большей опасности, нежели Лади Ровена. Къ знатной Саксонской дѣвицѣ сохраняли нѣкоторую тѣнь уваженія; но какого вниманія могла ожидать дѣвица, принадлежавшая къ презираемому поколѣнію? Совсѣмъ тѣмъ, Ревекка имѣла ту выгоду, что привычка размышлять, природная сила ума, свыше ея лѣтъ, и знаніе объ опасностяхъ, коими поколѣніе ея было непрестанно угрожаемо, давали ей болѣе твердости и присутствія ума. Она имѣла рѣшительный и наблюдательный характеръ. Ни великолѣпіе, ни избытокъ, видимыя ею

въ домѣ своего отца и у прочихъ богатыхъ Іудеевъ, не ослѣпляли ее до такой степени, чтобъ скрыть отъ нее всю непрочность оныхъ. Ей, подобно какъ Дамоклесу, во время славнаго его пира, непрестанно представлялся мечь, висящій на одномъ волоскѣ надъ головою ихъ поколѣнія. Размышленія споспѣшествовали зрѣлости ея соображеній и сдѣлали гибкимъ характеръ, который, при другихъ обстоятельствахъ, былъ бы непреклоннымъ и надменнымъ.

Примѣръ Исаака много дѣйствовалъ на его дочь и научилъ ее обращаться со всѣми, сколь можно, вежливѣе. Но она не могла подражать его рабской униженности, потому что имѣла благородную и возвышенную душу, и что, подвергаясь съ покорностію своей участь, какъ дѣвица презираемаго поколѣнія, находилась въ полной увѣренности, что имѣетъ право на лучшее вниманіе.

Такимъ образомъ, готовность къ несчастію дала ей твердость, нужную для перенесенія онаго. Прежде всего, она старалась внимательно осмотрѣть комнату, въ которой ее оставили; но не видала никакого средства къ выходу изъ оной. Двери были заперты снаружи и не замѣтно было ни потаеннаго выхода, ни

отверстія въ полу. Стѣны со всѣхъ сторонъ были совершенно гладки и полъ состоялъ изъ толстыхъ длинныхъ досокъ, плотно соединенныхъ. Одно окошко подало ей нѣкоторыя надежды; оно было безъ рѣшетки и снаружи имѣло родъ балкона или небольшаго выпуска безъ перилъ, сдѣланнаго для помѣщенія стрѣлковъ, въ случаѣ нападенія съ этой стороны на зáмокъ. Впрочемъ, этотъ балконъ былъ не шире трехъ футовъ, не имѣлъ никакого сообщенія съ прочимъ строеніемъ и находился выше десяти саженъ надъ дворомъ, вымощеннымъ большими каменьями.

Итакъ Ревеккѣ оставалось вооружиться терпѣніемъ и возложить надежду на Провидѣніе.

Она затрепетала отъ страха и измѣнилась въ лицѣ, когда услышала, что кто-то всходитъ на лѣстницу, и особенно, когда отворилась дверь и вошелъ человѣкъ высокаго роста въ плащѣ, подобномъ тому, какое она видѣла на разбойникахъ, которымъ приписывала свое похищеніе. Епанча и нахлученная на глаза шапка закрывали его лице. Онъ заперъ дверь и подошелъ къ Ревеккѣ, но не смотря, что въ дерзости превосходилъ самыхъ разбойниковъ, которыхъ

имѣлъ на себѣ платье, казалось, затруднялся въ объясненіи причины своего прихода. Ревекка почла его за разбойника и, полагая, что посредствомъ подарка можетъ получить нѣкоторыя права на его покровительство, сняла съ себя драгоцѣнныя зарукавья и ожерелье, и, подавая ихъ ему, сказала: „Возми это, другъ мой, и ради Бога, сжалься надъ старикомъ, отцемъ моимъ и надо мною. Эти вещи стóютъ дорого, но онѣ ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чтó мы еще тебѣ дадимъ за избавленіе насъ.“

„Прелестный цвѣтъ Палестины, — отвѣчалъ Бріанъ, не принимая вещей — этотъ восточный жемчугъ удивительной бѣлизны, но не такъ бѣлъ, какъ твои прекрасные зубы; сіяніе этихъ бриліантовъ совершенно, но они уступаютъ въ немъ глазамъ твоимъ; я же, съ того времени, какъ принялъ свое званіе, сдѣлалъ обѣтъ, красоту всегда предпочитать богатству.“

„Не поступайте противъ своихъ выгодъ, — продолжала Ревекка — возмите выкупъ и сжальтесь надъ нами. Богатство вамъ все можетъ доставить, отъ притѣсненія же насъ ничего не пріобрѣтете, кромѣ разкаянія. Отецъ мой можетъ выполнить всѣ ваши требованія,

и ежели вы будете благоразумны, то деньги облегчатъ вамъ путь къ возвращенію въ общество честныхъ людей, заставятъ забыть ваши погрѣшности и избавятъ васъ отъ необходимости вновь впасть въ оныя.“

„Это прекрасно сказано; — отвѣчалъ Бріанъ по-Французски, можетъ быть нѣсколько затрудняясь продолжать разговоръ на Саксонскомъ языкѣ, на которомъ начала говорить Ревекка — но знайте, прелестная лилія долинъ Бакскихъ, что отецъ вашъ уже въ рукахъ ученаго химика, который найдетъ средство вытопить изъ него золото. Почтенный Исаакъ подвергается опыту, который и безъ меня заставитъ его отказаться отъ всего, что имѣетъ драгоцѣннѣйшаго въ свѣтѣ. Что жъ касается до васъ, любовь и красота однѣ могутъ быть вашимъ выкупомъ, и я не приму инаго.“

„Слѣдовательно вы не изъ числа разбойниковъ, укрывающихся въ здѣшнихъ лѣсахъ. — сказала Ревекка, также по-Французски — Разбойникъ не отказался бы отъ моего предложенія и ни одинъ изъ нихъ не знаетъ языка, которымъ вы начали говорить. Вы Норманецъ и, можетъ быть, благородный человѣкъ. Будьте же

таковымъ въ самомъ дѣлѣ, и вамъ не стыдно будетъ открыть свое лице.“

„А вы, — сказалъ Бріанъ, открывъ епанчу свою, закрывавшую его лице — вы не дѣва Израильская, вы юная, прелестная очаровательница, волшебница Ендорская, роза Шаронская. Я не разбойникъ, но Рыцарь, и Рыцарь Норманскій знатнаго происхожденія, которому пріятнѣе будетъ нарядить васъ въ новыя драгоцѣнности, нежели лишать васъ тѣхъ, которыя такъ вамъ къ лицу.“

„Чего жь вы отъ меня требуете? — спросила Ревекка — Что̀ можетъ быть общаго между нами? Вы Христіанинъ, а я Іудеянка, союзъ нашъ возпрещаютъ правила и вашей церкви, и нашей синагоги; вамъ не возможно на мнѣ жениться.“

„На васъ жениться! — сказалъ Рыцарь, громко засмѣявшись — жениться на Іудеянкѣ! Нѣтъ, нѣтъ, хотя бы вы были самою Царицею Савскою: а сверхъ того, знайте, прелестная дѣвица! что кто бы не предлагалъ мнѣ въ супружество свою дщерь, и что́ бы ни давалъ за нею въ приданое, но я не могъ бы принять его предложенія. Я могу имѣть связи, но не жениться, обѣтъ мой мнѣ это запрещаетъ.

„Послушай, моя красота изъ красотъ! предразсудки вашего поколѣнія не дозволяютъ вамъ понимать нашихъ преимуществъ. Для Рыцаря Храма вступленіе въ бракъ есть высшее преступленіе."

„Ежели вы осмѣливаетесь въ этомъ основываться на Священномъ писаніи, то знайте, что вы уподобляетесь человѣку, трудящемуся въ извлеченіи яда изъ травъ самыхъ полезныхъ и самыхъ цѣлительныхъ."

Глаза Рыцаря воспламенились отъ гнѣва, послѣ этаго, заслуженнаго упрека. „Ревекка — сказалъ онъ — послушай. Я съ тобою говорилъ до этаго времени со всею вѣжливостію, но теперь буду говорить какъ твой повелитель. Ты моя плѣнница, завоеванная моимъ копьемъ и мечемъ, и по законамъ всѣхъ народовъ, находишся у меня во власти. Я удержу мои права."

„Выслушайте же и вы меня прежде, нежели очерните себя ужаснѣйшимъ преступленіемъ. Вы конечно сильнѣе меня, но Богъ, сотворивъ женщину слабою, ввѣрилъ честь ея великодушію мужчины. Я провозглашу вашъ поступокъ отъ одного конца Европы до другаго. Всѣ командорства, всѣ общества

**

вашего Ордена будутъ знать, что Рыцарь Храма нарушилъ для Іудеянки свой обѣтъ. Самые тѣ, которые внутренно не будутъ почитать вашего поступка за преступленіе, станутъ проклинать васъ, какъ обесчестившаго свой Орденъ любовію къ дѣвицѣ, принадлежащей къ презираемому ими поколѣнію."

„Ты неглупа, моя милая жидовочка, — сказалъ Рыцарь, знавшій, что преступная связь съ Іудеянкою, по статуту ихъ Ордена, могла подвергнуть его жесточайшему наказанію, и видѣвшій неоднократно, какому униженію подвергались виновные въ этомъ преступленіи — ты не глупа, но надобно твоему голосу быть очень громкимъ, чтобъ его ктонибудь услышалъ сквозь стѣны этой башни, сквозь которыя ни жалобы, ни стенанія, ни вопли, ни крики проницать не могутъ; выйти же изъ нее ты можешь только подъ однѣмъ условіемъ. Повинуйся своей участи, и я окружу тебя блескомъ такого великолѣпія, что ты превзойдешь имъ, также какъ и красотою, всѣхъ знатнѣйшихъ и надменнѣйшихъ Норманскихъ красавицъ."

„Мнѣ повиноваться моей участи! — воскликнула Ревекка — Боже праведный! Какая участь! Хотя вы храбрѣйшій изъ

Рыцарей Храма, но поведенie ваше васъ дѣлаетъ низкимъ и достойнымъ презрѣнiя. Я презираю васъ и не страшуся вашей злобы.“

Сказавъ это, она бросилась къ окну, сквозь оное взбѣжала на край узкаго балкона и на немъ остановилась.

Брiанъ не ожидалъ отъ нее такого отчаяннаго поступка, потому что она, вовсе время ихъ разговора, казалась спокойною, и не могъ ни удержать ее, ни заградить ей пути. Онъ хотѣлъ было къ ней подойти, но она сказала ему:

„Оставайся на своемъ мѣстѣ, надменный Рыцарь. Ежели ты сдѣлаешь ко мнѣ одинъ шагъ, то я немедленно брошусь въ пропасть, которая подо мною: смерть не устрашаетъ меня, я страшусь одного безчестiя.“

Сказавъ это, она сложила руки и потомъ воздѣла ихъ къ небу, какъ бы прося оное о милосердiи, предъ паденiемъ своимъ въ бездну. Рыцарь сначала былъ въ нерѣшимости, но наконецъ уступилъ уваженiю, внушенному героическою неустрашимостiю юной дѣвицы.

„Безразсудная! — сказалъ онъ — оставь это опасное мѣсто, войди въ комнату; клянусь тебѣ и небомъ и землею, что не сдѣлаю тебѣ ничего непрiятнаго.“

„Я вамъ не вѣрю, г. Рыцарь, вы мнѣ открыли свои добродѣтели; клятва для васъ ничего не значитъ. Возможно ли, чтобъ вы почли себя обязаннымъ исполнить то, въ чемъ поклялись Іудеянкѣ, когда не затрудняетесь нарушить обѣтъ, данный самому Богу.“

„Ты несправедлива, Ревекка! Я клянусь тебѣ моимъ званіемъ, моимъ мечемъ, censusгербомъ моихъ предковъ, что тебѣ нечего меня страшиться. Ежели ты презираешь свою собственную опасность, то вспомни объ опасности своего отца. Онъ имѣетъ надобность въ сильномъ защитникѣ и я могу его защитить.“

„Увы! — сказала Ревекка — я знаю, какой опасности подвергается онъ въ этомъ зáмкѣ; но какъ мнѣ на васъ положиться?“

„Я соглашусь, чтобъ истребилось мое оружіе и посрамилось мое имя, — сказалъ Бріанъ — ежели ты будешь имѣть малѣйшую причину жаловаться на меня. Я нарушалъ законы, пренебрегалъ постановленія, но никогда не измѣнялъ моему слову.“

„Вотъ до чего можетъ простираться моя къ вамъ довѣренность. — сказала Ревекка, вошедъ съ балкона въ окно и остановясь въ ономъ — Далѣе я не пой-

ду, и ежели на одинъ шагъ вы приближитесь ко мнѣ, то увидите, что я скорѣе отдамся на волю Провидѣнія, нежели ввѣрю честь свою Рыцарю Храма."

Непоколебимая рѣшительность Ревекки, во время ея разговора, давала ея взглядамъ, ея положенію и всей ея наружности такое благородство, которое несказанно возвышало ея красоту. Опасеніе столь близкой смерти не приводило ее въ трепетъ и не покрыло блѣдностію ея лица; напротивъ, увѣренность въ томъ, что ея участь зависила совершенно отъ нее самое, и что смерть могла избавить ее отъ безчестія, болѣе возвысила ея прелестный румянецъ и придала новый блескъ глазамъ ея.

„Ревекка, — сказалъ Рыцарь — заключимъ миръ."

„И я ничего не желаю, кромѣ мира, — отвѣчала Ревекка — только не перемѣняя между нами разстоянія."

„Ты не должна меня опасаться."

„Я и не боюсь васъ, благодаря тому, кто сдѣлалъ это окно такъ высоко, что, упавъ изъ него, не возможно остаться живымъ."

„Ты несправедлива. — сказалъ Рыцарь — Клянусь, что ты не отдаешь мнѣ должной справедливости. Я совсѣмъ не

таковъ, каковымъ ты меня почитаешь, каковымъ ты меня видѣла; я не рожденъ жестокимъ, непреклоннымъ и нечувствительнымъ. Женщина ожесточила мое сердце и сдѣлала меня врагомъ всѣхъ женщинъ, но не такихъ, которыя подобны тебѣ. Послушай, Ревекка, не было Рыцаря, котораго бы сердце было болѣе предано своей красавицѣ, какъ мое. Она была дочь небогатаго Барона, котораго все имѣніе заключалось въ полуразвалившемся зàмкѣ, ничего незначущемъ виноградникѣ и нѣсколькихъ десятинахъ земли близь Бордо. Я сдѣлалъ извѣстнымъ ея имя вездѣ, гдѣ были единоборства Рыцарей, извѣстнымъ болѣе именъ многихъ красавицъ, имѣвшихъ цѣлыя графства. Да, — продолжалъ онъ съ жаромъ, ходя по комнатѣ большими шагами и едва вспоминая о прекрасной Ревеккѣ — да, мои подвиги, мои опасности, самая кровь моя, неоднократно пролитая, прославили имя Аделаиды Монтемаръ отъ двора Кастильскаго до Византійскаго; и чѣмъ же я былъ награжденъ за все это? . . . Когда я возвратился, увѣнчанный лаврами, столь дорогòю цѣною пріобрѣтенными, за которые заплатилъ несчетными безпокойствами, собственною своею кровію, нашелъ ее замужемъ за простымъ оруже-

носцемъ, котораго имя не было слышано никогда внѣ предѣловъ его малаго владѣнія. Я ее страстно любилъ и поклялся ей отмстить. Мщеніе мое было ужасно, но обратилось на собственную мою главу. Съ того времени, всѣ связи, соединяющія меня съ жизнію, расторглись. Юность моя видѣла меня скитающимся въ разныхъ странахъ; мой совершенный возрастъ не знакомъ былъ съ радостію, съ пріятностями законной и взаимной привязанности, и старость моя не будетъ знать утѣшенія. Уединенная гробница сокроетъ мой прахъ, и никто не наслѣдуетъ имени Буа-Гильберта .... Я повергъ свою свободу и независимость къ ногамъ моего теперешняго начальника. Рыцарь Храма есть истинный рабъ, которому не достаетъ только этаго имени; онъ не можетъ владѣть ни зàмками, ни землями; не можетъ ни жить, ни дѣйствовать, ни дышать иначе, какъ согласно съ волею и желаніемъ своего Великаго Магистрата."

„Увы! — сказала Ревекка — какія выгоды могутъ замѣнить толикія пожертвованія?"

„Средства къ отмщенію, Ревекка, и надежда удовлетворить своему честолюбію!"

„Бѣдная награда за пожертвованіе всѣмъ, что есть драгоцѣннѣйшаго въ жизни.“

„Не говори этаго, Ревекка, мщеніе есть удовольствіе, а честолюбіе прелесть.“

Сказавъ это, онъ отошелъ еще далѣе отъ Ревекки и, нѣсколько помолчавъ, продолжалъ: „Ревекка, предпочитающая смерть безчестію, должна имѣть непоколебимую и возвышенную душу, и должна мнѣ принадлежать.“

„Не бойся! — сказалъ онъ, увидѣвъ, что она содрогнулась и оборотилась къ балкону — Я хочу, чтобъ это было не иначе, какъ по собственному твоему согласію и на условіяхъ, тобою самóю предложенныхъ. Тебѣ надобно согласиться быть участницею моихъ надеждъ, простирающихся далѣе обладанія престоломъ. Выслушай меня прежде, нежели станешь отвѣчать мнѣ, и подумай о томъ, что скажу, прежде, нежели откажешь. Рыцари Храма теряютъ права общественныя, но дѣлаются членами сословія, предъ силою котораго трепещутъ многія области. Капля воды, падающая въ море, составляетъ часть Океана, низпровергающаго каменныя горы и поглащающаго цѣлые флоты: Рыцарь Храма находится въ такомъ же поло-

женія. Я занимаю не послѣднее мѣсто между ними: первое свободное командорство назначено мнѣ въ награду за мою храбрость, и на меня смотрятъ, какъ на человѣка, который по смерти Великаго Магистра Луки Бомануара, долженъ занять его мѣсто. Возшедъ на оное, я сдѣлаюсь важнымъ повелителемъ. Мнѣ нужна была пламенная душа для раздѣленія съ нею моего величія, и я нашелъ ее въ тебѣ."

„Можете ли вы это говорить, Іудеянкѣ? Вспомните, что ...."

„Не напоминай мнѣ объ этомъ. Правила наши не таковы, какими кажутся; мы иначе поступаемъ въ своихъ тайныхъ собраніяхъ, и видимъ всю невыгодность правилъ нашихъ основателей, отказавшихся отъ всѣхъ пріятностей жизни для того, чтобъ вѣчно мучиться и умирать отъ глада, отъ жажды, отъ чумы и отъ меча. Въ настоящее время виды нашего Ордена простираются далѣе, намѣренія его велики и смѣлы, и вознагражденія, получаемыя нами, болѣе соразмѣрны съ дѣлаемыми жертвами. Наши обширныя владѣнія во всѣхъ Европейскихъ государствахъ, наша военная слава, привлекающая къ намъ цвѣтъ Рыцарства изъ всѣхъ Христіанскихъ зе

мель; словомъ, все стремится къ цѣли, о которой не помышляли наши основатели, и которая равнымъ образомъ остается скрытою отъ слабыхъ умовъ людей, входящихъ въ наше общество для того, чтобъ поступать по древнимъ его правиламъ, и дѣлающихся, по заблужденію своему, нашими орудіями. Но теперь я еще не могу предъ тобою открыть завѣсы, скрывающей наши великія намѣренія .... Я слышу звукъ рога; онъ, можетъ быть, возвѣщаетъ о такомъ произшествіи, которое требуетъ моего присутствія. Размысли обо всемъ, что я сказалъ. Я не прошу у тебя прощенія въ угрозахъ, которыми столько тебя встревожилъ; безъ нихъ, я не зналъ бы благородства и возвышенности твоего характера. Мы отъ того оба не потеряли: только одинъ оселокъ можетъ доказать доброту золота. Прощай, мы увидимся и будемъ говорить болѣе."

Онъ вышелъ изъ комнаты и спустился по лѣстницѣ, оставя Ревекку, можетъ быть, менѣе устрашенною мыслію о смерти, на которую она столь неустрашимо рѣшалась, нежели сумазброднымъ честолюбіемъ и преступнымъ невѣріемъ дерзкаго Рыцаря, во

власти котораго имѣла несчастіе находиться.

Едва онъ вышелъ, Ревекка принесла благодареніе Богу за Его милосердіе, и молила о продолженіи онаго къ себѣ, къ отцу своему и къ молодому раненому Христіанину, находящемуся во власти своихъ непримиримыхъ враговъ.

Глава XIII.

Маврикій уже находился въ большей военной залѣ, когда вошелъ въ нее Бріанъ. „Я полагаю, — сказалъ онъ — что безпокойный звукъ рога помѣшалъ вашему любовному разговору, также какъ и моему; но, кажется, для васъ труднѣе было его прекратить, потому что вы пришли позже, и я изъ этаго заключаю, что ваше свиданіе было пріятнѣе моего."

„Слѣдовательно богатая Саксонская невѣста васъ не слишкомъ хорошо приняла?"

„Я увѣренъ, что Лади Ровена знала, что я не могу видѣть плачущихъ женщинъ."

„Не стыдно ли начальнику вольныхъ войскъ хлопотать о слезахъ женщины? Нѣсколько капель воды, падая на факелъ Амура, только усиливаютъ его пламень."

„Нѣсколько капель, согласенъ; но она проливаетъ столько слезъ, что ими можно залить цѣлый горящій костеръ. Никогда не видано такой горести и такого изобилія слезъ, ею овладѣлъ слезливый духъ."

„А Іудеянкою овладѣлъ цѣлый полкъ духовъ, потому что одинъ, хотя бы самый главный изъ нихъ, не могъ бы дать

ей такой гордости и рѣшительности. Но гдѣ Регинальдъ? Что̀ значитъ этотъ звукъ рога?"

„Регинальдъ, думаю, хлопочетъ съ жидомъ; и Исаакъ, вѣрно, такъ кричитъ, что ему не слышно ничего. Вы знаете изъ опыта, что когда отъ жида потребуютъ такого выкупа, какого вѣроятно требуетъ нашъ пріятель, тогда отъ крику его и двадцати роговъ и трубъ не услышишь; но онъ скоро долженъ притти, потому что его по всему зàмку ищутъ."

Регинальдъ, остановленный въ своемъ тиранскомъ дѣйствіи, замѣшкался нѣсколько, узнавая о причинѣ раздавшагося звука, и вошелъ въ самое это время.

„Посмотримъ, что̀ значитъ эта проклятая суматоха? — сказалъ онъ, съ досадою — Вотъ письмо, принесенное гонцемъ къ воротамъ зàмка. Оно писано по-Саксонски."

Онъ вертѣлъ письмо въ рукахъ, какъ бы ожидая, чрезъ перемѣну его положенія, найти средство прочесть его; наконецъ отдалъ Маврикію.

„Я этаго не понимаю. — сказалъ Маврикій, который былъ воспитанъ также, какъ почти всѣ дворяне того вѣка — Капеланъ моего отца хотѣлъ учить ме-

ня грамотѣ; но увидѣвъ, что вмѣсто литеръ, я писалъ копья и мечи, отъ того отказался."

„Дайте мнѣ письмо. —сказалъ Бріанъ— Мы, Рыцари Храма, вмѣстѣ съ тѣмъ и духовные, и потому съ храбростію соединяемъ нѣкоторыя познанія."

„Дозвольте же намъ воспользоваться вашими свѣдѣніями? — сказалъ Маврикій— Скажите, что̀ тутъ написано?"

„Формальный вызовъ, настоящій картель; — отвѣчалъ Бріанъ — но клянусь, что самый необыкновенный изъ всѣхъ вызововъ, какіе переносимы были чрезъ подъемные мосты Баронскихъ за̀мковъ, ежели это не какая-нибудь глупая шутка."

„Шутка! — сказалъ Регинальдъ — Я желалъ бы знать, кто бы осмѣлился подвергать себя опасности шутить со мною въ подобномъ дѣлѣ . . . . Читайте Г. Рыцарь."

Бріанъ прочелъ слѣдующее:

„Я, Вамба, сынъ Витлеса, шутъ благороднаго и свободнаго человѣка Цедрика Ротервудскаго, прозваннаго *Саксонцемъ*, и я Гуртъ, сынъ Беволъфа, пастухъ свинаго стада . . . ."

„Съ ума вы сошли что-ли?" Вскричалъ Регинальдъ, прервавъ чтеніе.

„Клянусь, что так написано." Отвечалъ Рыцарь Храма, и продолжалъ:

„И я Гуртъ, сынъ Бевольфа, пастухъ свинаго стада, принадлежащаго сказанному Цедрику, и нашъ союзникъ и товарищъ, принимающій въ настоящемъ дѣлѣ равное съ нами участіе, и именно храбрый *Безпечный* Рыцарь, извѣщаемъ васъ, Регинальда Фрондбефа и вашихъ союзниковъ и соучастниковъ, кто бы они ни были, что такъ какъ вы, безъ всякаго объявленія войны и не изъяснивъ причины, беззаконно и усильно захватили нашего господина, сказаннаго Цедрика, благородную и свободную дѣвицу Лади Ровену Горгопстандскую, благороднаго и свободнаго человѣка Ательстана Конингсбургскаго, бывшихъ прежнихъ нѣсколькихъ свободныхъ людей, вассаловъ и рабовъ, нѣкотораго Іудеянина Исаака Іоркскаго, его дочь и неизвѣстнаго раненаго, везеннаго въ повозкѣ; наконецъ, принадлежащихъ имъ лошадей, муловъ и разное имущество; всѣ же эти благородные и вольные люди, вассалы, рабы, Іудеянинъ, Іудеянка и неизвѣстный, были въ мирѣ съ Его Величествомъ Королемъ, и ѣхали по большой Королевской дорогѣ: то мы и требуемъ, чтобъ сказанные благородные особы, то-есть: Цедрикъ Ротер-

вудскій, Ровена Горгопстандская и Ательстанъ Конингсбургскій, вассалы ихъ и рабы, Іудеянинъ, Іудеянка и неизвѣстный, съ мулами, лошадьми, имуществомъ, повозкою и со всѣмъ, что принадлежитъ каждому изъ нихъ, выданы были недалѣе, какъ чрезъ часъ, по полученіи сего, намъ, или тѣмъ, кому мы поручимъ пріемъ оныхъ, не подвергая ни ихъ самихъ никакой непріятности, ни имущества ихъ ни малѣйшей растратѣ. Въ противномъ же случаѣ объявляемъ, что будемъ почитать васъ за измѣнниковъ и разбойниковъ, и будемъ стараться и душевно и тѣлесно, посредствомъ битвы, осады и всѣхъ возможныхъ средствъ, истреблять васъ."

„Подписано наканунѣ праздника Св. Витольда, подъ большимъ Горщ-Гиль-Вальк-скимъ дубомъ."

Внизу была, грубо-нарисованная шапка съ примѣчаніемъ, что это знакъ Вамбы сына Витлесова, сверхъ того, былъ поставленъ крестъ Гуртомъ сыномъ Беовольфовымъ, и подписано было худымъ, но свободнымъ почеркомъ: *Безпечный Черный*; наконецъ, въ заключеніи, стрѣла, довольно хорошо нарисованная, изображала подпись Локслея. Рыцари выслушали до конца этотъ необыкновенный

вызовъ, и посмотрѣли съ удивленіемъ одинъ на другаго, какъ бы не понимая, что оный значилъ.

Маврикій, первый прервалъ молчаніе громкимъ смѣхомъ, что сдѣлалъ и Бріанъ, хотя съ бо́льшею умѣренностію. Регинальдъ одинъ не смѣялся и, казалось, досадовалъ на веселость своихъ пріятелей.

„Я скажу вамъ откровенно, Г. г. Рыцари, — сказалъ онъ — что вы лучше сдѣлаете, ежели подумаете о томъ, что́ намъ дѣлать, и перестанете такъ не кстати смѣяться.“

„Регинальдъ еще оглушенъ своимъ паденіемъ въ Ашби. — сказалъ Маврикій, продолжая смѣяться — Вызовъ его дѣлаетъ сердитымъ, даже и тогда, какъ вызывающій не болѣе, какъ пастухъ свинаго стада.“

„Я бы очень желалъ, Маврикій Браси, чтобъ это касалось до однихъ васъ. — отвѣчалъ Регинальдъ — Этотъ негодяй не поступалъ бы съ такимъ непостижимымъ безстыдствомъ, ежели бы не имѣлъ поддержки. Въ нашихъ лѣсахъ нѣтъ недостатка въ разбойникахъ и браконьерахъ, и я знаю, что они ничего такъ не желаютъ, какъ случая отмстить мнѣ за строгость, съ которою я соблюдаю законы объ охотѣ.

Я помню, что въ меня было пущено болѣе стрѣлъ, нежели въ цѣль при Ашби, когда я одного изъ этихъ негодяевъ, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, велѣлъ привязать къ рогамъ оленя, который умчалъ и умертвилъ его въ пять минутъ. Ну, что ты узналъ? — сказалъ онъ вошедшему въ это время оруженосцу — Извѣстно ли число этихъ негодяевъ?"

„Въ лѣсу, противъ зàмка, по видимому, ихъ покрайней мѣрѣ сотъ до двухъ." Отвѣчалъ оруженосецъ.

„Прекрасно! — сказалъ Регинальдъ — Вотъ Г. г. Рыцари, чему подвергло меня мое снисходительное согласіе ссудить васъ моимъ зàмкомъ, для исполненія вашихъ проказъ. Вы такъ благоразумно распорядились, что собрали вокругъ меня всѣхъ осъ здѣшняго околодка."

„Скажите лучше всѣхъ жуковъ, — сказалъ Маврикій — они не что иное, какъ трусы и лѣнивцы, которые не хотятъ снискивать хлѣбъ работою и живутъ въ лѣсахъ, на счетъ дикихъ козъ, которыхъ бьютъ, и на счетъ проѣзжающихъ, которыхъ грабятъ; я васъ увѣряю, что это настоящіе жуки, а не осы; они могутъ только жужжать, но не имѣютъ жала."

„Не имѣютъ жала! — сказалъ Регинальдъ — А какъ вы назовете эти трехъфутовыя стрѣлы, пробивающія лучшія латы, кромѣ однихъ Гишпанскихъ, и попадающія всегда вѣрно въ цѣль, хотя бы она была не болѣе орѣха?“

„Послушайте, г. Рыцарь, — сказалъ Бріанъ — Стоитъ собрать нашихъ людей и сдѣлать вылазку: одного Рыцаря, одного вооруженнаго воина достаточно для прогнанія двадцатерыхъ изъ нихъ.“

„Болѣе, нежели достаточно, только мнѣ стыдно сражаться съ этимъ подлымъ народомъ.“ Сказалъ Маврикій.

„Вы бы были правы, — отвѣчалъ Регинальдъ — если бы дѣло касалось до Турокъ, или Мавровъ, г. Бріанъ, или до Французскихъ крестьянъ, г. Маврикій; но эти люди Англичане, они храбры и славные стрѣлки, все наше преимущество надъ ними заключается только въ превосходствѣ вооруженія и коней нашихъ; но много ли намъ это принесетъ пользы, ежели они будутъ держаться въ лѣсу. Вы совѣтуете сдѣлать вылазку, а у насъ едва достаетъ людей для защиты замка. Мои лучшіе воины теперь въ Іоркѣ, также какъ и ваши, Маврикій, и здѣсь у меня не болѣе двадцати человѣкъ, къ которымъ только могутъ присоединиться

ваши люди, учавствовавшіе въ исполненіи вашего благоразумнаго предпріятія."

„Я надѣюсь, — сказалъ Бріанъ — что ихъ недостаточно для взятія за́мка."

„Безъ сомнѣнія недостаточно; — продолжалъ Регинальдъ — хотя атаманъ ихъ и рѣшительный человѣкъ, но у нихъ нѣтъ ни машинъ, ни лѣстницъ для сдѣланія приступа, ни опытности въ военномъ дѣлѣ, и за́мокъ мой можетъ противиться всѣмъ ихъ усиліямъ."

„Пошлите гонца къ своимъ сосѣдамъ и просите, чтобъ подали вамъ помощь; чтобъ помогли тремъ Рыцарямъ, осажденнымъ въ за̀мкѣ Регинальда Фрондбефа шутомъ и пастухомъ свинаго стада."

„Шутка слишкомъ не у мѣста, г. Рыцарь. Къ кому прикажите мнѣ послать? Филиппъ Мальвуазинъ въ Іоркѣ со всѣми своими вассалами, тамъ же и прочіе мои союзники; да и я самъ тамъ же бы былъ теперь, ежели бы не адское ваше предпріятіе."

„Слѣдовательно должно послать въ Іоркъ — сказалъ Маврикій — и приказать быть сюда нашимъ воинамъ. Эта сволочь не устоитъ пяти минутъ, увидѣвъ знамя моего вольнаго войска и острія копьевъ моихъ сослуживцевъ."

„А кто доставитъ имъ наше повелѣніе? — спросилъ Регинальдъ — Его перехватятъ; эти негодяи расползутся по всѣмъ тропинкамъ. Я нахожу одно средство. — прибавилъ онъ подумавъ — Бріанъ, вы безъ сомнѣнія умѣете писать, также какъ и читать, и ежели бы можно было отыскать чернильницу моего капелана, умершаго въ прошедшіе святки...."

„Я думаю, — сказалъ оруженосецъ, стоящій у дверей — что старая варвара сберегала ее, въ память его."

„Принеси же ее поскорѣе, — сказалъ Регинальдъ — и я вамъ скажу мой отвѣтъ, г. Рыцарь Храма, на этотъ дерзкій вызовъ."

„Я бы охотнѣе желалъ отвѣчать на него моимъ копьемъ, нежели перомъ, но сдѣлаю угодное вамъ." Отвѣчалъ Бріанъ.

По принесеніи всего нужнаго для письма, онъ сѣлъ у стола, и Регинальдъ продиктовалъ ему слѣдующее:

„Рыцарь Регинальдъ Фрондбефъ и благородные Рыцари, его союзники и друзья, не принимаютъ вызова отъ вассаловъ и рабовъ; но ежели человѣкъ, называющій себя *Безпечнымъ Чернымъ*, имѣетъ дѣйствительно право на званіе Рыцаря, то долженъ знать, что унижаетъ себя ихъ сотовариществомъ, и не можетъ требо-

вать отчета отъ Рыцарей благороднаго происхожденія. Обращаясь же къ людямъ, взятымъ нами въ плѣнъ, мы просимъ, изъ Христіанскаго милосердія, прислать къ нимъ священника, для приготовленія ихъ къ смерти, потому что мы намѣрены рѣшительно, сего же дня, отрубить имъ головы и выставить оныя на стѣнахъ нашего за̀мка, въ доказательство презрѣнія нашего къ тѣмъ, которые предприняли ихъ защищать.“

Сложивъ это письмо, отдали его гонцу, принесшему вызовъ и ожидавшему отвѣта у воротъ за̀мка.

Гонецъ возвратился съ онымъ въ главную квартиру соединенныхъ войскъ, учрежденную подъ большимъ дубо̀мъ въ разстояніи трехъ выстрѣловъ отъ за̀мка. Тамъ Вамба и Гуртъ съ своими союзниками, Чернымъ Рыцаремъ и Локслеемъ, ожидали съ нетерпѣніемъ отвѣта на свой вызовъ; вокругъ ихъ, въ нѣкоторомъ разсто̀яніи, находились множество стрѣлковъ, которыхъ нарядъ и дерзновенный и отчаянный видъ объясняли ихъ ремесло. Уже болѣе двухъ сотъ человѣкъ собралось ихъ на этомъ мѣстѣ и, сверхъ того, еще ожидали нѣсколькихъ; Локслей, ихъ атаманъ, отличался отъ нихъ однимъ перомъ на шапкѣ. Другое войско

не такъ хорошо вооруженное и менѣе опытное, находилось тутъ же. Распространившійся слухъ о захваченіи Цедрика побудилъ его вассаловъ, со множествомъ сосѣдственныхъ крестьянъ, поспѣшить на помощь своему господину. Большая часть изъ нихъ не имѣли инаго вооруженія, кромѣ кольевъ, косъ, цѣповъ и прочихъ земледѣльческихъ орудій, потому что Норманцы, по обыкновенной политикѣ завоевателей, не дозволяли Саксонцамъ имѣть и носить оружіе. Итакъ это войско не было страшно осажденнымъ, но увеличивало наружную силу осаждающихъ умноженіемъ ихъ числа и усиливало въ нихъ стремленіе къ справедливому подвигу, которымъ они одушевлялись.

Письмо было отдано атаману, который передалъ оное Туку.

„По чести, я ничего не понимаю, что тутъ написано.“ Сказалъ Тукъ, и отдалъ письмо Гурту, который передалъ его Вамбѣ, покачавъ головою. Вамба повертѣлъ его въ рукахъ и, сдѣлавъ прыжокъ, отдалъ оное Локслею, который, взявъ письмо, сказалъ:

„Ежели бы большія литеры были пиками, а малыя стрѣлами, то я придумалъ бы что-нибудь изъ нихъ сдѣладу-,

но понять, что тутъ написано, мнѣ также не возможно, какъ убить стрѣлою дикую козу за десять миль."

„Слѣдовательно я прочту." Сказалъ *Черный* Рыцарь.

Онъ прочелъ письмо и объяснилъ содержаніе онаго своимъ товарищамъ.

„Отрубить голову почтенному Цедрику! — вскричалъ Вамба — Это не возможно; вы не ошиблись ли, г. Рыцарь?"

„Нѣтъ, любезный другъ. — отвѣчалъ Рыцарь — Я вѣрно пересказалъ содержаніе письма."

„Послѣ этаго, — сказалъ Гуртъ — намъ необходимо должно овладѣть замкомъ, чего бы то ни стоило, хотя бы голыми руками надобно было выламывать изъ стѣны каменья."

„Я боюсь одного, — сказалъ Вамба — не окажутся ли руки мои неспособными къ этой работѣ, и не способнѣе ли будутъ онѣ къ мѣшанію извести для соединенія послѣ каменьевъ, которые вы выломаете руками."

„Это одна хитрость, для того, чтобъ выиграть время. — сказалъ Локслей — Они не осмѣлятся сдѣлать преступленія, за которое я имъ ужасно отмщу."

„Мнѣ бы хотѣлось, — сказалъ *Черный* Рыцарь — чтобъ кто-нибудь изъ насъ

забрался въ зàмокъ и узналъ бы о числѣ и намѣреніяхъ осажденныхъ. Мнѣ кажется, что требованіе ихъ, о присылкѣ священника, представляетъ случай Туку доставить намъ нужныя свѣдѣнія."

„Чтобъ провалъ тебя побралъ и съ твоею выдумкою! — отвѣчалъ Тукъ — Я уже тебѣ сказалъ, г. Безпечный, что сбрасывая съ себя рясу, я бросаю и свою Латынь, и надѣвая зеленый кафтанъ, готовъ лучше воевать съ дикими козами, нежели исповѣдывать."

„Я боюзь, — сказалъ *Черный* Рыцарь — что между нами не сыщется никого, желающаго взять на себя роль исповѣдника."

Всѣ посмотрѣли другъ на друга въ молчаніи.

„Я вижу, — сказалъ Вамба — что дуракъ долженъ быть всегда дуракомъ, и что онъ именно долженъ подвергать опасности свою шею въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ боятся участвовать умные люди. Я надѣюсь, съ помощію рясы и капюшона, доставить утѣшеніе нашему господину Цедрику и его товарищамъ въ несчастіи."

„Полагаешь ли ты, — спросилъ Рыцарь у Гурта — что у него достанетъ разсудка для этой роли?"

„Я этаго не знаю; — отвѣчалъ Гурпъ — но ежели онъ не успѣетъ въ этомъ случаѣ, то въ первый разъ употребитъ неудачно свою глупость."

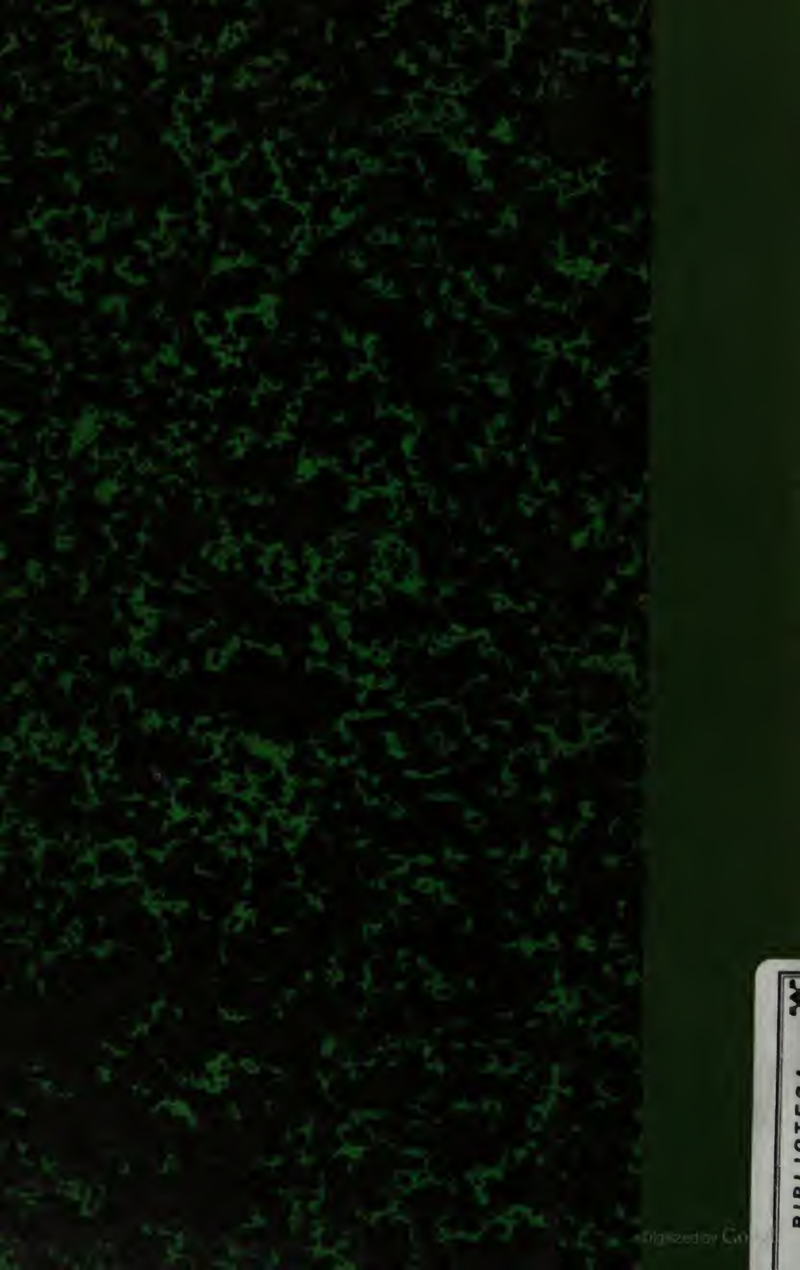
„Надѣвай же, голубчикъ, рясу, — сказалъ *Черный* Рыцарь — ступай въ за̀мокъ и узнай отъ своего господина о положеніи за̀мка и его защитниковъ, которые должны быть не многочисленны; и можно поручиться, что внезапное сильное нападеніе сдѣлаетъ насъ обладателями за̀мка. Но время дорого, ступай."

„Между тѣмъ, — сказалъ Локслей — мы окружимъ за̀мокъ со всѣхъ сторонъ такъ, что ни одинъ червякъ не выползетъ изъ него съ извѣстіемъ. А ты, любезный другъ, можешь увѣрить этихъ притѣснителей, что они очень дорого заплатятъ за малѣйшее насиліе своимъ плѣнникамъ."

Вамба одѣлся въ рясу и, принявъ важную осанку, отправился для исполненія даннаго ему порученія.

Конецъ 2-й части.

BIBLIOTECA